Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

73896
69

П. Д. БОБОРЫКИНЪ.

ПОЛЖИЗНИ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Е. КЕХРИБАРДЖИ.
1874.

Boborykin, Petr Dmitrievich

П. Д. БОБОРЫКИНЪ.

ПОЛЖИЗНИ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Е. КЕХРИБАРДЖИ.
1874.

PG3453
B62P635

104837
'07.

Типографія Н. С. Львова. Вознесенскій пр., противъ Новаго рынка, домъ № 17.

235640*

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

Первой книги:

Личные итоги. 1

Второй книги:

Въ сторонѣ 180

КНИГА ПЕРВАЯ.

Личные итоги.

I.

Графиня такъ кончаетъ:

«Довольно вамъ, медвѣжатникъ, сидѣть въ своей берлогѣ. Лѣтомъ вы должны двинуться. Можете даже и раньше. Я собираюсь на-воды.—И вамъ бы немного полечиться... отъ суровой морали и разныхъ другихъ недуговъ. Вы знаете теперь, кàкъ мы съ Колей живемъ здѣсь.—Въ моихъ письмахъ все можно найти, хотя я и рѣдко пишу; а въ вашихъ ничего не видно. Наташу вы неумѣренно расхваливаете. Не къ лицу намъ съ вами такая сантиментальность.

«Ну, прощайте же. Жму вашу руку и прилагаю свою старую физіономію, сдѣланную весьма курьёзнымъ фотографомъ Анджьолини. Вообразите: онъ, вмѣсто солнечнаго свѣта, пускаетъ въ дѣло стеариновую свѣчу.

«*Ваша В.*»

Поѣду ли я? Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы не бѣгать отъ жизни. Теперь я врядъ ли чего боюсь и въ прошломъ, и въ будущемъ.

Оставшись безъ нихъ одинъ, я совсѣмъ *застылъ*, и сдается мнѣ, что въ эту-то минуту и надо бы начать подводить итоги, хоть для памяти, на всякій случай, коли не для болѣе возвышенныхъ цѣлей...

II.

Будь я сочинитель, я бы уже началъ заѣдать чей-нибудь чужой вѣкъ. Гдѣ-то читалъ я, что средняя жизнь русскаго сочинителя—35 лѣтъ; а мнѣ,—вотъ уже второй мѣсяцъ пошелъ,—какъ стукнуло цѣлыхъ тридцать шесть. Подбираюсь къ сорока годамъ; а тяжести ихъ все еще не чувствую, точно будто съ юныхъ лѣтъ водилъ мазурки на балахъ, и ничего иного не испытывалъ, кромѣ пріятной испарины.

Оттого, что живу-то я, что называется *живу*—не больше десяти-двѣнадцати лѣтъ. И какой же я былъ вьюнецъ, когда у меня за плечами уже сидѣла четверть вѣка! Пріятно даже вспомнить...

А между тѣмъ, всегда я былъ старше возраста. Отецъ продержалъ меня цѣлыхъ три года въ приходскомъ училищѣ, и въ уѣздное попалъ я уже куда какимъ верзилой, первымъ силачемъ считался и по наукамъ угодилъ бы во второй классъ; да родительская воля изрекла свое самодержавное слово, и засѣлъ я въ первый, чуть не за букварь. Такъ первымъ ученикомъ и просидѣлъ три года. Послѣ того и въ гимназіи-то такимъ же точно манеромъ. Первоклассники были — мелюзга-мелюзгой; а я и рожей, и складомъ смахивалъ чуть не на «богословa» изъ семинаріи. Ну, да тутъ особая причина была: латыни не зналъ. Такъ я и студентомъ-то очутился опять-таки на возрастѣ,

лѣтъ двадцати безъ малаго. Одно слово — не торопился и успѣлъ-таки вобрать въ себя всякую казенщину. Отъ меня за три версты отдавало гимназистомъ. Это, въ мое время, особый былъ запахъ: онъ и въ университетѣ не пропадалъ со всѣмъ-то.

По «недостаточности» попалъ я на второмъ же курсѣ въ пѣвчіе, хотя басу у меня никакого и въ поминѣ не было, а фигура только имѣлась басистая.

И вотъ какъ это вышло: въ казенные я угодить не могъ потому, что факультетъ выбралъ дворянскій... въ камералисты пошелъ. Тогда этотъ разрядъ былъ вновѣ. Сдѣлалъ я такъ изъ форсу, а думалось мнѣ въ ту пору, что не всѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, въ лекаря идти, надо кому-нибудь и хозяйствомъ заниматься, благо у насъ на Руси земля обильная. Ну, и поступилъ въ «камералы», какъ ихъ въ шуточку называли и медики, и юристы. Между своими-то я смотрѣлъ, опять-таки, богословомъ, который перешелъ ужъ и «великовозрастіе», какъ семинаристы говорятъ. А камералисты были всѣ жиденькіе, малолѣтки, франтики, въ тоненькихъ, въ обтяжку штанишкахъ, въ золотыхъ очкахъ, въ сертукахъ, ниже колѣнъ (такая тогда офицерская мода была), съ красной подкладкой подъ рукавами; совсѣмъ убогій народецъ по части «занятій», какъ говорятъ гимназисты.

Не мудрено, что между ними я сталъ выше всѣхъ головой, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. И программа-то перваго курса подходила подъ калибръ слушателей. Всего два главныхъ предмета стояло въ ней; а остальное—такъ, всякое дрянцо: французскому языку даже опять, чуть не съ азовъ, обучали. Сдалъ я экзаменъ «на пять съ плюсомъ». Инспекторъ замѣтилъ

меня. Тогда такія порядки были, что передъ инспекторомъ велѣно было на улицѣ стоять безъ фуражки въ будни, и съ рукой у кокарды треуголки въ праздничные дни. И мнѣ приводилось такъ вытягиваться. Должно быть эта «свинья въ ермолкѣ», какъ его звали студенты, осталась отмѣнно довольна моимъ внушительнымъ и вмѣстѣ благонамѣреннымъ видомъ больше, я полагаю, чѣмъ плюсами моего перваго экзамена.

Говоритъ онъ мнѣ съ благосклонностью, отпуская на вакацію:

— Вы не имѣете казеннаго обѣда?

— Нѣтъ, отвѣчаю.

— Нѣтъ ли у васъ го́лоса?

— Не пробовалъ.

— Поступайте въ пѣвчіе: они пользуются квартирой... и столомъ, во вниманіе къ успѣхамъ и хорошему поведенію...

Мнѣ это было на руку.

III.

Первый годъ я, съ свидѣтельствомъ о бѣдности, пробился на сто-двадцать серебряныхъ рублей, предоставленныхъ мнѣ родителемъ. Попробовалъ искать уроковъ; но по необщительности ли характера, или потому, что много было въ городѣ и безъ меня охотниковъ получать купеческіе и чиновничьи полтинники — ничего я на первомъ курсѣ не нашелъ.

Дома, на вакаціи, мнѣ просто зазорно стало отцовскихъ денегъ. Онъ, по родительскому самодовольству, лѣзъ изъ кожи, сколачивая мнѣ сто-рублевую

стипендію. А у него отъ мачихи родился уже третій бутузъ; да моихъ «единоутробныхъ» было цѣлыхъ пять штукъ. Жалованья магистратскому секретарю въ уѣздномъ городѣ, хоть и съ «благодарностями», на такую ораву не хватитъ.

За пѣвчество я и схватился обѣими руками, сталъ сейчасъ же у соборнаго регента нотамъ учиться и на скрипицѣ пилить, чтобы хоть слухъ-то свой немного оболванить.

— Вытяну ли я хоть что нибудь? спрашивалъ я неоднократно у регента.

— Больше вы, сударь, желудкомъ забираете; но когда нотамъ обучитесь, то, можетъ статься, и октаву себѣ нагудите.

Ну, я и нагудѣлъ.

Когда, по пріѣздѣ съ вакацій, явился я къ университетскому регенту, коренастенькому медику-четверокурснику, изъ семинаристовъ, онъ, испробовавъ меня, сейчасъ же, безъ запинки, и выговорилъ:

— Весьма удовлетворительно-съ, для второй октавы.

«Вторую октаву» помѣстили на государственные харчи въ пѣвческой комнатѣ и предоставили ей, кромѣ того, обѣдъ за студенческимъ столомъ, казенную баню и казеннаго цирюльника.

Пѣвчіе, въ то время, жили въ университетскомъ зданіи особнякомъ, «съ прохладцей», какъ про нихъ выражались студенческіе дядьки. И въ самомъ дѣлѣ, имъ было житье. Инспекторъ, по разъ заведенному обычаю, имъ покровительствовалъ, а стало быть и экономъ ублажалъ ихъ. Мерзостный былъ это человѣчишка, но такъ и лѣзъ намъ въ душу, завтраками

угощалъ въ «двунадесятые» праздники, пуншами поилъ, доставлялъ на подержаніе казенные мундиры, даже въ комнатахъ приказывалъ не смолкой, а аптекарскимъ порошкомъ курить. Дишканты и альты набирались у насъ изъ учениковъ уѣзднаго училища. Такъ и ихъ экономъ всячески ласкалъ, точно они были подъ особымъ благоволеніемъ начальства.

Пѣвчему-студенту жилось совсѣмъ не такъ, какъ казенному: онъ не зналъ помощниковъ инспектора, приходилъ ночью, когда хотѣлъ, спалъ у себя въ комнатѣ, а не въ общихъ спальняхъ, сидѣлъ дома въ халатѣ, а не въ вицъ-мундирѣ, въ церковь шелъ въ *растегнутомъ* мундирѣ, безъ шпаги и шляпы. И на всякія его провинности смотрѣли сквозь пальцы. Поэтому, казенные насъ и недолюбливали, считали даже ябедниками и чуть—не «тайными іезуитами», во всякомъ случаѣ «ханжами» и «семинарскимъ отребьемъ».

А на самомъ-то дѣлѣ, я нашелъ въ своей комнатѣ четверыхъ такихъ же ябедниковъ и ханжей, какимъ и я былъ. Двое изъ нихъ, дѣйствительно, были семинаристы. Во второй комнатѣ жилъ регентъ и два тенора: онъ семинаристъ—они изъ гимназіи. Наша «басовая» комната зажила очень дружно. Въ семинаристахъ я распозналъ сразу двухъ кряжей, «зубрилъ-мучениковъ», но не тупицъ и не пошляковъ. Ужъ коли семинаристъ, безъ гроша въ карманѣ, добьется университета—въ немъ побольше пороху, чѣмъ въ любомъ первомъ ученикѣ гимназіи. Мы сходились туго; но никакого вздору, забіячества, фанфаронства у насъ и въ поминѣ не было. Когда же приглядѣлись, то стали другъ друга подталкивать.

IV.

Каждый изъ насъ уже созналъ тогда, съ какимъ головнымъ убожествомъ «отмахали» мы нашъ университетскій вступительный экзаменъ. Хвалиться другъ передъ другомъ было рѣшительно нечѣмъ: одинъ ругалъ семинарію, другой гимназію—большого разнообразія въ выводахъ не замѣчалось. Въ самомъ дѣлѣ, стóитъ вспомнить: *какъ* и *чему* насъ учили и, право, чуднò становится, что мы еще вышли кое-какъ грамотнымъ народомъ.—Я, напримѣръ, въ гимназіи не сходилъ съ перваго мѣста первой «парты», и въ моей студенческой конторкѣ лежалъ футляръ съ золотой медалью, выданной: «преуспѣвающему». Но въ чемъ же я *преуспѣлъ* двадцати, безъ малаго, лѣтъ отъ роду? Кромѣ тупыхъ учебниковъ и русскихъ «образцовыхъ» писателей я почти-что ничего не читалъ. Книги, въ родѣ «Космоса», рѣдко попадали въ наши руки изъ рукъ учительскихъ, а брать журналы въ единственной городской «библіотекѣ для чтенія» было не на что. Подъ литературными впечатлѣніями того, чтó перепадало иногда отъ знакомыхъ и товарищей, и начала голова немного работать. Въ то время «Отечественныя Записки» и «Современникъ» для чтенія гимназистамъ не выдавались—и это не очень давно, всего какихъ-нибудь двадцать лѣтъ. Я еще куда не старикъ, а при такихъ порядкахъ учился. Объ какихъ же нибудь стремленіяхъ, гражданскихъ чувствахъ, смѣломъ протестѣ серьёзности, труда и уваженіи личности—смѣху подобное и говорить! У насъ инспекторъ товарища моего, изъ шестого класса, такого же «ве-

ликовозрастнаго», какъ и я, поставилъ въ соборной на колѣни, передъ цѣлой гимназіей, и ходя мимо взадъ и впередъ, мелкими шажками, плевалъ на полъ вокругъ него, а потомъ заставлялъ его ладонью вытирать на полу. И за что? За то, что онъ «обидѣлъ» какого-то барченка изъ втораго класса, т.-е. просто пихнулъ его, чтобы тотъ не приставалъ и не кричалъ ему (его звали Макаръ Сусликовъ):

«Ѣхалъ отецъ Макарій
«На кобылѣ карей!

Сусликовъ былъ изъ цеховыхъ и не ушелъ отъ солдатства, по неимѣнію увольнительнаго свидѣтельства.

Такъ какіе же тутъ «гражданскія идеи?» Накоплялась только злость въ тѣхъ, кто покрѣпче, а остальные привыкали ко всему, и въ головахъ ихъ дули вѣтры полнѣйшаго безмыслія. Мнѣ же, какъ «старшему», въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ приходилось держать себя въ какомъ-то казенномъ футлярѣ. Такую я себѣ физію суровую состроилъ, да такъ и остался съ нею, точно затѣмъ, чтобы гудѣть впослѣдствіи «вторую октаву». Кто попадетъ волей-неволей въ первые ученики—знаетъ, что отъ этого счастья остается-таки осадочекъ въ характерѣ. Стоишь ты особнякомъ, чтобы тебѣ не ябедничали, или зря не задирали тебя. Въ маленькихъ классахъ не мудрено привыкнуть давать волю рукамъ, а въ старшихъ приходится огрызаться отъ остряковъ, прозывающихъ тебя: «старшо́й».

Такъ вотъ съ какимъ чемоданомъ всякаго развитія водворился я въ пѣвческой комнатѣ, перешагнувши во второй курсъ. Первый годъ я только присматривался, училъ лекціи, рѣшилъ со второго курса за-

няться вплотную химіей — безъ нея какой же бы я былъ техникъ и агрономъ?—и, увидѣвъ отсутствіе русскихъ учебниковъ, принялся за французскіе и нѣмецкіе азы. Въ гимназіи и первому ученику нельзя было, хоть какъ ни на есть, мараковать по новымъ языкамъ...

Случилось такъ, что остальные мои сожители были: одинъ филологъ, другой медикъ, третій естественникъ, четвертый юристъ. Понятно, каждый о своемъ говорилъ, читалъ вслухъ лекціи, разсказывалъ про то, что́ его особенно возбудило, хвалилъ или «обзывалъ» профессоровъ. Началось, незамѣтно, взаимное обученіе, въ родѣ ланкастерскаго. Взяло свое и чтеніе.

Помню: былъ часъ пятый.—Стояли въ нашей комнатѣ полусумерки поздней осени. Кто-то посапывалъ на кровати, уписавши двѣ тарелки щей и большущій, но таки-порядочно безвкусный казенный пирогъ «съ леверомъ». Изъ другого угла раздавались басовыя рулады:

До-ре-ми-фа-соль-ла-си-до-о-о!

а потомъ тихимъ густымъ шопотомъ:

Снишелъ еси въ преисподнюю земли!—и сокрушилъ еси вереи вѣчныя.

Я только-что вернулся изъ лабораторіи, гдѣ уже работалъ каждый день. Зажегъ я сальную свѣчу (лампы не полагалось) и пошелъ зачѣмъ-то къ конторкѣ сожителя моего—филолога. Онъ отличался, кромѣ необычайной памяти (выучилъ наизусть лексиконъ Кронеберга), удивительной каллиграфіей, и списывалъ цѣлыя книги собственноручно. Его не было дома.—Вижу: лежитъ на конторкѣ какая то рукописная тетрадь. Заглавный листокъ разрисованъ всякими росчерками. Вычурными красивыми буквами выведено: «*Съ*

того берега». Я развернулъ первую страницу, посмотрѣлъ потомъ подпись автора, да такъ и просидѣлъ до десяти часовъ, пока всего не кончилъ. Вокругъ меня ходили, изъ сосѣдней пѣвческой раздавались возгласы регента, обучавшаго мальчиковъ, кто-то звалъ меня куда то, — я ничего не видалъ и не слыхалъ, забылъ про чай и про куренье. Голова все разгоралась, въ виски било, страницы мелькали, дыханіе спиралось нѣсколько разъ. Потомъ, это бурное волненіе смѣнилось какимъ-то небывалымъ холодомъ, легкой нервной дрожью спинѣ и какъ-бы стягиваніемъ кожи на головѣ... Послѣ я узналъ, что это *рефлекторные* признаки великаго умственнаго наслажденія...

— Экъ вы зачитались! разбудилъ меня надъ тетрадкой филологъ, именно *разбудилъ*, потому что я былъ точно въ забытьи...

— Откуда у васъ это? спросилъ я его, чуть не дрожащимъ голосомъ.

— Вонъ вы чего куснули... и я-то хорошъ гусь тоже... ушолъ, да и оставилъ на конторкѣ такую тетрадь... вы, небось, видали *чья?*

— Видѣлъ, видѣлъ...

— Мнѣ ее на подержанье дали. Я ночи въ двѣ перепишу... хорошо еще, что вамъ попалась на глаза; а то тутъ къ намъ всякій народъ шляется... надо опаску имѣть.

«Тетрадь» озарила меня.

V.

Филологъ переписалъ ее. Я у него купилъ экземпляръ за два серебряныхъ рубля. И когда я вспом-

нилъ, что та же подпись, какую я нашелъ подъ тетрадью, принадлежала автору «Кто виноватъ» и «Записокъ доктора Крупова»—я кинулся въ университетскую библіотеку. Гимназистомъ я читалъ Крупова, читалъ и романъ; но *такъ*, зря, не понимая того, что́ тогда не договаривалъ авторъ. Въ университетской библіотекѣ журналовъ, запрещенныхъ для гимназистовъ, не выдавали и студентамъ. Но я досталъ все, что́ можно было достать и печатнаго и рукописнаго... Весь второй курсъ прошелъ у меня, какъ продолженіе того вечера, когда я увидалъ красивыя фигурныя слова: «Съ того берега». Никогда потомъ, на протяженіи всего моего житейскаго маячанья, всей мой умственности, не испытывалъ я такого мозгового толчка: точно подвели меня къ сильнѣйшей батареѣ и пустили въ обѣ руки весь зарядъ электричества. Ни лекціи Фейербаха, добытыя въ студентское же время въ литографированныхъ листкахъ, ни лиловая книжка Бюхнера, ни томы Бокля, ни Милль, ни Спенсеръ, ни Прудонъ, ни «Система» Конта—ничто уже не потрясало такъ... Въ теченіи пятнадцати лѣтъ продѣлывалось «подведеніе къ одному знаменателю» всего, что́ я прочелъ, пережилъ и передумалъ; но завѣса разодрана была у конторки пѣвческой комнаты...

Въ пѣвческой комнатѣ можно было все-таки задохнуться безъ такого удара... Университетъ никуда впередъ не тянулъ, кромѣ окончанія курса, а за нимъ какихъ-нибудь харчей повкуснѣе. Наука совсѣмъ и не выдѣлялась изъ-за мелкихъ клѣтокъ студенческихъ занятій; въ массѣ товарищей—мальчишество, пустой задоръ, сдаванье экзаменовъ, а то, такъ безпробудное шелопайничанье, ухарство и пьянство...

Какъ-же «стихійнымъ-то силамъ» было всего удобнѣе прорываться? У кого же было общество, у кого были впечатлѣнія, дающія встряску, или очищающія тебя отъ казенщины гимназиста?.. Человѣкъ десять барчуковъ изъ моихъ камераловъ ѣздили къ губернаторшѣ и въ «хорошіе» дома. Остальная братія пробавлялась кое-чѣмъ или промежду собою убивала время въ запойномъ кутежѣ.—Да чего: у насъ, въ пѣвческой, были ребята все степенные, народъ работящій и бѣдный, безъ всякихъ барскихъ порываній къ разнымъ нѣжностямъ, а ихъ брала-же хандра сѣраго житьишка, и имъ хотѣлось чѣмъ-нибудь встряхнуть себя.—Чѣмъ-же? Извѣстно чѣмъ: посылался «унтеръ» за четырьмя бутылками мѣстной откупной наливки и двумя полуштофами горько-шпанской, и производилась попойка. Зачѣмъ? Такъ... требовали того нервы. Другую *реакцію* отыскать было черезъ-чуръ трудно для нашего брата. Дѣлалось это ни съ того, ни съ сего, въ какіе-нибудь неподходящіе часы, иногда даже утромъ, часто при полномъ безденежьи. И никто не протестовалъ противъ того, что «выпить нужно». Это чувствовалось всѣми, точно было оно въ воздухѣ, точно забиралось въ кости, въ мышцы, какъ ломота и ревматизмъ. Принесутъ бутылки и полштофы, сядутъ въ кружокъ, примостившись къ какой-нибудь кровати, пойдетъ осушеніе стаканчиковъ; потомъ, когда заберетъ всѣхъ, начнется болтовня, слюнявая или бранчивая, цѣлуемся, или чуть не деремся, а то такъ запоемъ что-нибудь, иной разъ и «партесное». Если случится подъ вечеръ, особливо зимой, то на послѣдніе деньжонки—трое татарскихъ пошев-

ней, и валяй за рѣку Булакъ!.. про которую сложена была пѣсня...

Тамъ, въ одной избушкѣ на курьихъ ножкахъ, я, уже въ концѣ третьяго курса, чуть не очутился Гоголевскимъ художникомъ изъ «Невскаго проспекта».— Женщинъ я другихъ, кромѣ забулачныхъ, не зналъ.— Ну, прокралось вдругъ какая-то жалость.—Я не на шутку струхнулъ! Переломить себя было такъ трудно, что я хотѣлъ лечь въ больницу; но переломилъ-таки и безъ больничнаго халата... И съ тѣхъ поръ зажилъ уже совсѣмъ монахомъ.

Такъ вотъ въ какихъ «волнахъ жизни» купались мы. А никто изъ нашей пѣвческой комнаты не вышелъ ни пьяницей, ни развратникомъ.

VI.

Сошелся со мной изъ моихъ однокурсниковъ нѣкій Стрѣчковъ, матушкинъ сынокъ, сонный, придурковатый; но хорошій степнячекъ. Такъ онъ ко мнѣ, что называется, и прилипъ: больно ужъ онъ меня уважалъ за мою *ученость*. Я объ эту пору считался не только у камераловъ, но и у естественниковъ, первымъ химикомъ и взялся писать на медаль кандидатскую диссертацію. Ученость моя состояла, по правдѣ-то, въ томъ, что я свободно читалъ нѣмецкіе учебники и заглядывалъ въ «Annalen der Chemie und Physik»; но всѣ меня прочили въ магистры, въ томъ числѣ, кажется, и профессора.

У Стрѣчкова было большое имѣнье на Волгѣ. Онъ жилъ «съ своими лошадьми», и ими только, въ сущности, и занимался въ сласть, да охотой. Подошли

экзамены изъ третьяго курса въ четвертый. Стрѣчковъ запросилъ меня съ нимъ вмѣстѣ готовиться. Я этого школьнаго способа не долюбливалъ, но онъ такъ меня упрашивалъ, что я согласился. — Безъ меня-то онъ врядъ-ли бы перешагнулъ въ четвертый: такой онъ, богъ съ нимъ, былъ первобытный обыватель... За то онъ и ублажалъ-же меня: перетащилъ къ себѣ на квартиру, поилъ и кормилъ, возилъ кататься, купилъ шкапъ съ дождемъ и поставилъ его у меня въ комнатѣ, для утреннихъ вспрыскиваній. — Жилъ онъ одинъ, въ «барской» квартирѣ, и мнѣ его обстановка казалась совершенно даже неприличной для молодого малаго, а роскошь-то ея въ сущности заключалась въ томъ, что въ ней было три грязноватыхъ комнаты, кромѣ передней, и въ спальнѣ висѣли по стѣнамъ ружья на персидскихъ коврахъ. Цѣлыхъ двѣ своры лягавыхъ и гончихъ наполняли ее запахомъ настоящей псарни.

Къ концу экзаменовъ сталъ меня Стрѣчковъ упрашивать: поѣхать съ нимъ «на кондицію», къ нему въ деревню—давать уроки ариѳметики, и «тамъ чего хочешь» его двумъ сестренкамъ. Онъ былъ единственный сынъ у матери-вдовы и заправлялъ всѣмъ, какъ нàбольшій. Плату онъ мнѣ посулилъ чрезвычайную, по тогдашнему времени: двѣсти рублей за вакацію на всемъ готовомъ. Я, разумѣется, не сталъ упираться, хотя мнѣ не совсѣмъ нравилось учительство въ барскомъ домѣ. Но приходилось подумать о томъ, съ чѣмъ останешься по окончаніи курса: за мою вторую октаву казна не обязана была «строить» мнѣ сертучную пару и какое ни-на-есть бѣльишко.

Поплыли мы со Стрѣчковымъ внизъ по Волгѣ, и

приплыли къ его «Хомяковкѣ»—усадьбѣ на самомъ береговомъ юру, въ прекрасной мѣстности. Меня «обласкали» и предоставили полнѣйшую свободу бездѣльничества; объ урокахъ было упомянуто больше для блезиру и такимъ тономъ, что «дескать въ іюньскій жаръ деликатно-ли васъ и безпокоить на счетъ этихъ пустяковъ». Мать Стрѣчкова оказалась еще не старой, худой и кислой барынькой, бывшей больше все въ лежачемъ положеніи. Какъ она могла выносить въ своей утробѣ такого байбака, какъ ея Мотя—я недоумѣвалъ. Дѣвчурки были въ нее—зеленыя и малорослыя. При нихъ — гувернантка изъ московскихъ француженокъ. Сладости мадамъ Стрѣчкова была всякую мѣру превышающей. Съ ея устъ только и слетали ласкательныя и уменьшительныя, относившіяся не къ однимъ дѣтямъ, но и къ прислугѣ: Мотя, Мака, Саня, Аннушка, Сеня, Костинька... А Костинькѣ—дворецкому—было, навѣрняка, лѣтъ подъ шестьдесятъ. Глядя на нее и слушая ея медоточивыя рѣчи, тогдашняя «крѣпость» казалось гнусной выдумкой враговъ святой Руси! Слаще такого житья, безобиднѣе и миндальнѣе, и придумать было невозможно. Да и въ самомъ дѣлѣ: мадамъ Стрѣчкова ничего не знала, что̀ твой младенецъ, ни во что «не входила», боялась только собственныхъ немощей и всякаго громкаго слова избѣгала, не меньше запаха чеснока и баранины. Я сначала записалъ ее въ «презрѣнныя притворщицы»; но очень скоро убѣдился въ томъ, что никакого притворства тутъ не было. Она жила себѣ, какъ евангельскій «кринъсельній»; а такъ жить давала ей тысяча душъ, изъ которыхъ половина ходила по оброку, половина сидѣла на барщинѣ. Прикащикъ «Фролушка» вѣдалъ

всѣмъ этимъ; а мадамъ Стрѣчкова возила насъ въ длинныхъ дрогахъ на сѣнокосъ и жнитво, раздавала дѣвкамъ пояски и мѣдныя сережки, а парнямъ ситцевые платки. Я руку отдамъ на отсѣченье, что въ мозгу мадамъ Стрѣчковой ни разу до той минуты, когда заговорили «объ ней», т. е. «о волѣ», не проползла мысль: на какихъ правахъ держится ея исторически-рабовладѣльческое бытіе? Словомъ, экземпляръ былъ отмѣнный, и онъ освѣтилъ для меня всю картину барскаго приволья. Дни плыли какъ уточки въ дѣтскихъ игрушкахъ, изъ одной деревянной башенки въ другую, и съ такой-же музыкой: вставали, купались, пили чай, ѣли, опять купались, опять ѣли, катались, пили чай, ѣли, купались, ѣли. Въ моемъ городишкѣ, въ купеческихъ семьяхъ, я видалъ почти то же; а это были крупные бары. Но сами купцы сидѣли все-таки въ лавкахъ, маклачили, плутовали, несли повинности, получали медали «за трудолюбіе и искусство», а тутъ — какое-то сказочное блаженство, богоподобное питье барской браги.

VII.

Слово: «обломовщина» тогда еще не было найдено. Я въ первые дни возмущался; но выдержать не могъ: мнѣ стало просто смѣшно, когда я окунулся выше головы въ эту стоячую зыбь крѣпостного блаженства.

На товарища моего любо-дорого было смотрѣть: такъ просто онъ всему этому «внстовалъ». Потомъ, года черезъ три, онъ стоялъ за «эмансипацію» и его записали даже въ «красные», когда онъ служилъ посредникомъ; но все это случилось такъ, здорово жи-

вешь, по одному природному добродушію. Теперь-же онъ зналъ-себѣ гонялъ на кордѣ заводскихъ жеребцовъ, да «закатывался» на охоту, куда и меня бралъ.

— Ты хочешь самъ заниматься хозяйствомъ, когда кончишь курсъ? спросилъ я его разъ, лежа около него на опушкѣ лѣса, гдѣ мы закусили.

— Извѣстное дѣло, чего-же мнѣ въ службу лѣзть... Я—степнякъ.

Я сталъ ему слегка внушать, что пора-бы и теперь присмотрѣться къ порядкамъ управителя—Фролушки.

— На какого-же чорта ты въ камералахъ пребываешь?

Онъ чуть-ли не въ первый разъ, какъ слѣдуетъ, вспомнилъ, что камералъ значитъ: агрономъ и технологъ, и не безъ паѳоса вскричалъ:

— И въ самомъ дѣлѣ, на какого чорта!... Вѣдь я какъ лихо охваталъ билетъ о компостахъ.... а самъ только собакъ гоняю!...

Должно быть, тятенька его былъ хозяинъ; только въ моемъ Стрѣчковѣ съ того самаго разговора вдругъ заиграла помѣщичья жилка. Жеребцовъ своихъ и собакъ онъ не забылъ; но сталъ бѣгать въ поле, почитывать камеральныя книжки и безпрестанно совѣтоваться со мной.

Откуда-то объявилась у него и сметка, и даже, своего рода любознательность. Онъ добился-таки отъ меня разныхъ «мнѣній» по тому: что́ можно было-бы устроить въ усадьбѣ и какіе новые порядки завести къ будущему году, когда онъ вступитъ въ управленіе всѣмъ имѣніемъ. Мнѣ эта практика была сильно на руку, да и на совѣсти сдѣлалось легче! я не задаромъ, по крайней мѣрѣ, взялъ свои двѣсти рублей, а

то уроки ариѳметики и «чего хочешь» шли изъ рукъ вонъ плохо.

Управитель — Флорушка былъ торжественно уличенъ Стрѣчковымъ въ плутовствѣ. Мадамъ Стрѣчкова расплакалась, но почувствовала къ сыну сильное почтеніе, такое-же, какое онъ ко мнѣ. Меня онъ произвелъ въ Либиха на подкладкѣ агронома Тепфера, и потребовалъ отъ родительницы: немедленной затраты двухъ тысячъ рублей на машины и образцовыя сѣмяна. За столомъ мнѣ просто становилось зазорно: объ чемъ-бы ни шла рѣчь, сейчасъ-же Стрѣчковъ говорилъ во всеуслышаніе:

— Не знаю, что́ скажетъ Николай Ивановичъ.

Такимъ мудрецомъ и звѣздочетомъ сдѣлался я какъ разъ къ той порѣ вакацій, когда въ Хомяковку пріѣхалъ погостить дня на три родственникъ мадамъ Стрѣчковой, графъ Кудласовъ. Онъ ѣхалъ за своей женой на Сергіевскія воды и высадился, какъ и мы, прямо съ парохода.

Я въ первый разъ въ жизни очутился въ обществѣ настоящаго «всамдѣлишнаго» графа. Мы тамъ у себя въ пѣвческой называли «аристократами» всѣхъ губернскихъ баръ.... да чего тутъ баръ!... всякаго, кто ѣхалъ въ собственныхъ крытыхъ дрожкахъ или носилъ пальто-пальмерстонъ отъ портного Мельникова! Барыньки, дѣвицы и старушенціи, являвшіяся къ намъ въ университетскую церковь, тоже обзывались «аристократками», коли стояли поближе къ начальству и одѣвались почище. Про титулованныхъ господъ мы слыхали, но въ городѣ водились только князьки татарскаго рода; а графовъ съ звонкими именами что-то не водилось. Все, что́ пахло аристократіей *въ*

нашемъ вкусѣ—раздражало насъ, мы и не желали разсуждать, а сквозь зубы цѣдили только: «сволочь!» Когда я пожилъ у Стрѣчковыхъ и увидалъ: что́ такое эти аристократы (а вѣдь другихъ у насъ въ городѣ и не было), то сталъ надъ собой подтрунивать: меня и животненность-то ихъ не могла уже возмущать какъ слѣдуетъ—такъ она была достолюбезна.

Увидавши *графа*, я подобрался и во мнѣ что-то ёкнуло сердитое: я тотчасъ-же распозналъ, что это аристократъ не Стрѣчковскаго подбора. Графу казалось на видъ лѣтъ подъ тридцать. Лицо у него было какъ есть русское, но точно его кто обчистилъ и обточилъ для барскаго обихода. Надѣть на него цвѣтную шелковую рубаху — онъ смахивалъ-бы на красиваго полового, какихъ я потомъ пріятельски знавалъ въ московскомъ заведеніи Гурина: кудрявые темные волосы, подслѣповатые бойкіе каріе глазки, скулы и носъ—крупные, но не мужицкіе, усики и бородка (тогда только-что пошла воля на счетъ бородъ). Ростомъ онъ мнѣ подходилъ чуть не подъ мышку; но широкія плечи и легкая походка точно поднимали его на цѣлую четверть, и всякій-бы его назвалъ виднымъ мужчиной. Почему-то я ждалъ гвардейца, но оказался штатскій, весь въ желтоватой парусинѣ и соломенной шляпѣ.

VIII.

Стрѣчковъ озаботился немедленно моимъ представленіемъ графу, котораго онъ звалъ «дядя».

Графъ съ перваго-же разговора обошелся со мной такъ внимательно и точно даже вкрадчиво, что я еще

сильнѣе разсердился; но тутъ-же обозвалъ себя болваномъ и къ вечеру уже смотрѣлъ на него спокойно. Я только и остался спокойнымъ въ домѣ, а всѣ остальные были до самаго отъѣзда графа въ волненіи. Мадамъ Стрѣчкова рядилась цѣлыхъ три дня и то-и-дѣло упрашивала своего дворецкаго Костиньку, «чтобы все было прилично!» Меня удивляла такая суматоха: правда, графъ былъ другаго полета птица, но никакихъ претензій не заявлялъ, велъ себя простымъ родственникомъ и даже, за обѣдомъ, садился между молодежью.

Стрѣчковъ объяснилъ мнѣ, когда мы пошли спать въ первый день, причину общей передряги.

— Мать-то моя, ты видишь, съ норовомъ, и не хочетъ себя выказать степной помѣщицей.... Дядя — человѣкъ хорошій; но супружница-то его — ухъ какая...

— Да вѣдь ее здѣсь нѣтъ, такъ не все ли вамъ равно?

— Она его вотъ какъ держитъ (онъ сжалъ кулакъ) и все у него выспроситъ... Мать, не знаю изъ какого шута — и спитъ, и видитъ, чтобы та къ ней въ гости пріѣхала... Вотъ за этимъ и нялится...

— Ты тётеньку-то не долюбливаешь? спросилъ я такъ, зря, собираясь ложиться.

— Я всего разъ ее видѣлъ. Бабецъ, я тебѣ доложу...

Онъ не нашелся какъ опредѣлить ея качества. Прибавилъ только:

— Мраморная... одно слово. Не очень-то я желалъ бы принимать ее въ Хомяковкѣ... Она все на *парадфансе*...

Засыпая, онъ сказалъ мнѣ:

— Ты что̀ думаешь: дядя-то, вѣдь, георгіевскій кавалеръ; офицерскій крестъ имѣетъ.

Онъ успѣлъ уже наговорить графу съ три короба о моей учености и геніальности. На другой день съ ранняго утра мы втроемъ ходили по хозяйству. Графъ, кажется, пріѣхалъ больше за тѣмъ, чтобы купить на Стрѣчковскомъ заводѣ трехъ матокъ и пары двѣ хорошихъ «коньковъ». Онъ былъ какъ слѣдуетъ хозяинъ тогдашняго времени: не очень-то свѣдущій, но сильно наклонный къ «агрономіи». Слыхалъ онъ, что̀ такое Гогенгеймъ, гдѣ наши баричи 40-хъ годовъ обучались разной агрономической премудрости у виртемберскихъ нѣмцевъ. Раза два произнесъ фразу «вольный трудъ» и что-то разсказалъ про заведенный имъ въ глуши хуторъ. О Стрѣчковскомъ хозяйствѣ и разныхъ «улучшеніяхъ» онъ все разспрашивалъ меня, такъ что я поневолѣ долженъ былъ высказывать передъ нимъ всѣ мои «высшія соображенія».

Графъ слушалъ меня съ отмѣнно-ласковой улыбкой. Этакъ улыбаются молодые губернаторы на гимназическихъ актахъ, когда вручаютъ (за отсутствіемъ архіерея) золотую медаль ученику. Говорилъ онъ для меня совсѣмъ по новому, съ легкой, чисто-графской картавостью и безпрестанно повторялъ:

— Прекрасно, я съ вами совершенно согласенъ, вы стоите за настоящую, раціональную агрономію.

Слово «раціональный» смутило меня. Я никакъ не могъ сообразить, изъ *какихъ* былъ графъ, и даже, опять на сонъ грядущій, разспросилъ Стрѣчкова: что̀ такое его дядя: штатскій или военный, и почему у него Георгія, а онъ слова употребляетъ изъ книжекъ?

Стрѣчковъ всего доподлинно не зналъ, но умѣлъ-таки разсказать мнѣ:

— Дядя, видишь ли, учиться началъ въ Москвѣ, въ университетѣ, да какъ въ турецкій походъ пошли, въ волонтеры поступилъ юнкеромъ, тогда знаешь всѣхъ тамъ шагистикѣ учили... Ну, тоже отвага у него явилась. Подъ Силистріей чинъ получилъ, а потомъ и подъ Севастополемъ дѣйствовалъ, тамъ и Георгія ему повѣсили. Какъ только миръ заключили—онъ сейчасъ въ отставку—и женился: очень ужъ онъ былъ «втюримшись». Съ тѣхъ поръ все хозяйничаетъ.

Мнѣ этого довольно было, я ужъ больше не удивлялся студенческимъ словамъ графа; но и на другой день не могъ признать въ немъ бывшаго студента. Наша пѣвческая комната—и онъ! Даже мои франтики-камералы были другого совсѣмъ калибра. Сойтись съ такимъ человѣкомъ «по душѣ» было для нашего брата немыслимо. Но я на него не злобствовалъ. Онъ мнѣ даже нравился или, лучше сказать, очень занималъ меня.

— Ну, братъ, шепнулъ мнѣ Стрѣчковъ, когда мы шли позади графа по узкой тропкѣ между полосой тимоѳеевки и другой, засѣянной образцовой рожью — вазой, дядя въ тебя совсѣмъ влюбился, говоритъ: не видалъ еще въ жизнь такихъ дѣльныхъ студентовъ.

Я слегка покраснѣлъ, разумѣется отъ удовольствія, замѣтилъ это, пристыдилъ себя и промолчалъ. Съ графомъ простился я гораздо суше, чѣмъ онъ со мной.

Послѣднія его слова были:

— Если вамъ вздумается, по окончаніи курса, приложить на практикѣ ваши познанія — буду весьма радъ предложить вамъ поле дѣятельности.

Я только промычалъ что-то; а Стрѣчковъ бросился цѣловать дядю, должно быть за меня. Мадамъ Стрѣчкова прослезилась.

IX.

Вернулись мы изъ Хомяковки, гдѣ я запасся коекакимъ агрономическимъ опытомъ (какъ я тогда важно выражался). Ученики мои не дошли со мной и до тройнаго правила. Весь четвертый курсъ промчался на почтовыхъ:—такъ всегда бываетъ въ студенческомъ быту, когда на рукахъ диссертація, да еще на медаль, и какой ни на есть, хотя бы и *камеральный*, экзаменъ. У насъ на четвертомъ курсѣ всѣ норовили въ кандидаты—и обѣтованной землей была технологія, по выбору темъ для диссертацій. Даже мой Мотя Стрѣчковъ взялся мастерить что-то изъ «хвои» и пачкался весьма усердно въ одномъ изъ чулановъ, игравшемъ роль «залъ» технической лабораторіи. Разумѣется, и онъ узрѣлъ себя въ числѣ кандидатовъ.

Моя диссертація была на медаль по сельско-хозяйственной химіи—моему любимому предмету. Я ее кончилъ раньше срока, и медаль была у меня, все равно, что въ карманѣ, потому что и соперниковъ-то не имѣлось. Всѣ были увѣрены, что меня оставятъ при университетѣ, и звали съ усмѣшкой «адъюнктомъ».

Начался долбёжъ къ экзамену. Стрѣчковъ опять перетащилъ меня къ себѣ. Прошелъ у насъ первый экзаменъ—статистики, гдѣ допускалось вранье въ цифрахъ до пятисотъ тысячъ включительно.

Получаетъ, при мнѣ, Стрѣчковъ письмо и тотчасъ же подаетъ мнѣ.

— Это что? спрашиваю я удивленно.

— Прочти, прочти, до тебя касается...

Письмо было отъ графа Кудласова и дѣйствительно касалось меня, даже исключительно меня, такъ какъ у племянничка пожималась только рука.

Графъ дѣлалъ мнѣ, чрезъ него, формальное предложеніе: управлять однимъ изъ его хуторовъ, тотчасъ по окончаніи курса. Расписано все было отмѣннымъ штилемъ и съ такими деликатностями, что я просто диву дался. На меня смотрѣли, какъ на молодаго «ученаго», которому необходимо предоставить «широкое поле для экспериментовъ», а потому графъ и полагалъ, что его предложеніе отвѣчаетъ этой, такъ сказать, «идеѣ». Мнѣ будутъ предоставлены: полнѣйшая свобода дѣйствій и всевозможныя средства, по разнымъ отраслямъ хозяйства. Все на хуторѣ будетъ «отбываться вольнымъ трудомъ», и графъ, конечно бы, и не рѣшился предложить мнѣ заняться имѣніемъ съ крѣпостнымъ трудомъ. Жалованья полагалъ онъ тысячу двѣсти рублей съ полнымъ содержаніемъ и «тройкой лошадей», и десять процентовъ съ чистаго барыша «эксплуатаціи».

Читалъ я письмо цѣлыхъ четверть часа, хотя почеркъ у графа—англійскій, точно у какой конторщицы въ Сити.

— Ну что́-жъ отвѣчать-то? нахмурившись спросилъ меня Стрѣчковъ.

— Расписано сладко...

— На счетъ этого будь покоенъ—дядя не надуетъ, что̀ выговорено, все получишь... Только на какой-же ты шутъ засядешь въ этой берлогѣ, когда ты на виду у факультета и въ магистры поровишь?

Стрѣчковъ точно огорчился, хотя ему видимо пріятно было, что онъ такъ отрекомендовалъ меня графу Кудласову.

Я молчалъ и перебиралъ разныя «pro» и «contra» въ головѣ; а Стрѣчковъ началъ шагáть изъ угла въ уголъ, разсуждая вслухъ, чтò показывало, что онъ былъ сильно возбужденъ за меня.

— Знаю, вѣдь, я эту сторонушку. Хлябь непроходимая... мордовское царство... лѣсъ одинъ да медвѣжьи пансіоны устроены... Помѣщики...

— А ты вотъ что лучше скажи, перебилъ я его: хуторъ-то толково заведенъ?

— Не знаю я доподлинно; слыхалъ, что всякую штуку тамъ дядя затѣялъ... И скотоводство хорошее... У него чуть-ли не тиролецъ былъ выписанъ—учить, какъ съ скотиной обходиться... Денегъ онъ не жалѣетъ, больше, кажется, изъ охоты и хозяйничаетъ-то...

— Это не худо, закончилъ я.

Въ головѣ у меня рѣшеніе уже было готово, и я тутъ-же сказалъ Стрѣчкову, чтобъ онъ извѣстилъ графа о моемъ согласіи.

Отговаривать меня Стрѣчковъ больше не сталъ, онъ увидалъ, что я не сбухты-барахты согласился. Въ пользу хутора было, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ многое: обезпеченное содержаніе, личная независимость, свобода труда, настоящая практическая школа и большія средства для «экспериментовъ», какъ изволилъ выразиться его сіятельство. А чтò могъ мнѣ дать университетъ? Оставить при факультетѣ могли, конечно, но оставятъ либо нѣтъ — это еще вопросъ. Вакантной каѳедры не предвидѣлось. Чтò же я сталъ бы дѣлать съ моимъ магистерствомъ? Или пошелъ бы

въ ученые чиновники, или началъ-бы лить стеариновыя свѣчи у какого-нибудь почетнаго гражданина изъ казанскихъ «князей».

Дѣло съ графомъ оформилось мигомъ. Вмѣстѣ съ золотой медалью, получилъ я отъ него и проектъ контракта на два года, который и подписалъ. Одинъ профессоръ сулилъ мнѣ, правда, протекцію; но вѣрнаго ничего не указывалъ, а другой поздравилъ меня съ «отличнѣйшимъ» мѣстомъ.

— Пріѣдете на магистра держать, сказалъ онъ, такъ намъ всѣмъ посъ-то утрете.

X.

Добрякъ Стрѣчковъ снарядилъ меня въ путь, точно мать сынишку, идущаго въ «некруты». Денегъ я не взялъ, (графъ выслалъ мнѣ жалованье за треть года впередъ); но отъ разныхъ дорожныхъ вещей не могъ отказаться — вплоть до татарскихъ тебетеекъ и золоченыхъ ящиковъ съ яичнымъ мыломъ.

Путь мой лежалъ сперва вверхъ по Волгѣ, а тамъ отъ Василя-Сурска на перекладныхъ въ глухую мѣстность, гдѣ, дѣйствительно, значилось «медвѣжье царство». Но кромѣ лѣса есть тамъ и не дурная земля. Ее потомъ въ «Положеніи» окрестили «второй черноземной полосой». Меня на хуторѣ ждалъ самъ графъ. Я нашелъ, что онъ немного точно постарѣлъ, со мной обошелся еще ласковѣе, чѣмъ въ Хомяковкѣ, но за то и проще. Въ обхожденіи его прокрадывалось что-то смахивающее на пріятельскій тонъ. Впрочемъ, мнѣ нѣкогда было заняться спеціально личностью его сіятельства. Мы провели вмѣстѣ на хуторѣ всего двое

сутокъ. Они ушли на сдачу мнѣ всего по инвентарю и обзоръ разныхъ «частей» съ приличными случаю теоретическими и практическими соображеніями, и съ той, и съ другой стороны. Хуторомъ управлялъ до меня агрономъ изъ учениковъ Горыгорецкой школы. Графъ нашелъ его «несостоятельнымъ» и далъ ему другое мѣсто, попроще, на своемъ винокуренномъ заводѣ, въ сосѣдней губерніи.

На прощанье (я тогда уже замѣтилъ, что графъ все торопится уѣзжать), мы довольно, кажется, искренно пожали другъ другу руку.

— Я васъ здѣсь оставлю до будущаго лѣта, сказалъ мнѣ улыбаясь графъ, и даже письмами не стану безъ нужды безпокоить... Просидите въ этой берлогѣ годикъ, тогда мы поговоримъ съ вами о результатахъ. И, пожалуйста, не бойтесь бить меня по карману.

Ну, и засѣлъ я въ берлогѣ. Подъ меня отвели только-что отстроенный изъ сосноваго лѣса флигелекъ, гдѣ такъ славно пахло смолой, мхомъ и звѣробоемъ. Кругомъ стояли на-половину бревенчатыя, на-половину кирпичныя хуторскія строенія. Мѣстность была плоская, «потная» — въ одну сторону тянулись пашня и луговины,—съ другой, застилалъ небо темносиній боръ.

Тутъ я высидѣлъ свой первый годъ—и, право, не взвидѣлся какъ онъ проползъ. *Такъ* я уже потомъ никогда не жилъ. И дѣло, и люди, и природа—все это охватило молодую натуру и словно затягивало въ какую прохладную чащу, не взирая на усталость и скуку долгой ходьбы.

Позналъ я лѣсъ, «заказный», почти нетронутый людской рукой съ его медвѣжьимъ и пчелинымъ дѣломъ. Любви моей къ нему не охладили годы всякихъ,

совсѣмъ ужъ городскихъ передрягъ. Его звуки и краски крѣпко залегли во мнѣ, съ первыхъ дрожаній зари вплоть до густого душнаго сумрака все мнѣ въ немъ стало вѣдомо и любезно. И стóитъ мнѣ теперь, когда схватитъ тебя за горло надсада—вспомнить хуторской боръ... и вдругъ кашкой повѣетъ, и сосны заманятъ на свою мураву.

Идешь, идешь—часъ-два, и глазамъ твоимъ открывается «поляшка», вся залитая, нежаркимъ солнцемъ. Къ краю ея пріютился обширный пчельникъ. Тутъ сидитъ сиднемъ и сбирается начинать свою вторую сотню лѣтъ старикъ Иванъ Петровъ, лицомъ точно тотъ апостолъ, что̀ видѣнъ на правомъ концѣ «Тайной Вечери» Леонардо да-Винчи. Сѣдая, тонкая борода потряхивается, и острые, ясные еще глаза такъ и бѣгаютъ, оглядывая свое вѣковѣчное «бортное ухожье». Онъ и не шамкаетъ: губы еще крѣпки и голосъ чистый и высокій, точно бывало у нашего пѣвчаго альта—Павлуши.

— Роится? спросишь у старины, зайдя подъ его навѣсъ, гдѣ у него и малина разведена и подсолнечникъ.

— Нѣшто́, отвѣтитъ онъ съ тихой торжественностью, точно онъ тутъ священнодѣйствуетъ, какъ жрецъ, среди таинствъ природы.

Послѣ шатанья съ ружьемъ у него-же и соснешь, хлебнувши ковшикъ степного бѣлаго кваску... Проснешься, и отовсюду несутся къ тебѣ сладкіе запахи лѣсныхъ цвѣтовъ и пчелиный гулъ обволакиваетъ тебя кругомъ, щекочетъ ухо и наводитъ на неспѣшныя, здоровыя думы. Тѣни показались тамъ-и-сямъ, небо засинѣло, пора и въ путь.

Иванъ Петровъ—первый медвѣжатникъ по всей волости. У него кременное ружьишко и собаченка Шевырялка. Но онъ и съ ружьемъ ходитъ рѣдко. Рогатина въ его сухихъ рукахъ еще грозное оружіе въ борьбѣ съ «Михалъ-Иванычемъ». Съ нимъ и я пошелъ впервые на медвѣдя.

Стоитъ мягкій морозный день. Въ лѣсу—тишь, такая тишь, что индо хватаетъ тебя за сердце. Ни единаго звука, ни свѣто-тѣни, ни вѣтерка, доносящаго до тебя какой-нибудь запахъ. Лыжи скользятъ по твердому брильянтовому снѣгу. Вотъ обошли берлогу, разбудили пріятеля. Ждешь его не то съ замираніемъ, не то съ закоренѣлостью звѣринаго азарта, въ которой люди полагаютъ всю сладость охоты и смертельной опасности. Затрещали мерзлые сучья, переваливается не спѣша Михалъ-Иванычъ. Если голова промежду лапъ — дѣло дрянь! Тутъ на рогатину его не скоро поднимешь, тутъ нужны такіе герои, какъ Иванъ Петровъ. Не страшно имъ и въ ту минуту, когда древко рогатины летитъ, расщепленное напоромъ звѣриной туши. Вы не взвидитесь, какъ, съ ревомъ, желтобурая масса рухнется подъ ударомъ дряннаго сапожнаго ножишка, увлекая въ своемъ паденіи бѣлаго, въ нагольномъ полушубкѣ, дрожащаго отъ нервной силы, столѣтняго старика...

Началъ я съ ружья, а кончилъ рогатиной и ножомъ; испыталъ и я затаенную страсть скряги, укрывающаго свои мѣшки: наслѣдишь, что̀ твой ехидный мужичонка, берлогу, и никому не скажешь; одинъ пойдешь на лѣсное чудище съ Шевырялкой или съ Жучкой и... не ровенъ часъ! сгребетъ тебя Миша въ лапы и обдеретъ лучше всякаго азіатскаго хана. Мнѣ

сначала думалось, что я ужасный храбрецъ, а потомъ, какъ я обжился да узналъ, какіе водятся тутъ медвѣжатники, такъ мнѣ и самое-то слово «храбрость» показалось до крайности нелѣпымъ. Любой невзрачный старичокъ «цокая» на мордовскій маперъ (такой въ томъ краю говоръ) разскажетъ тебѣ подробности, отъ которыхъ у городскаго обывателя мурашки по кожѣ поползутъ; а онъ и не думаетъ рисоваться: *онъ привыкъ съ дѣтства, вотъ и все!*

Тутъ я, быть можетъ въ первый разъ, позналъ ту истину (а она мнѣ пригодилась), что ко всему можно привыкнуть, и никакое геройство не сравнится съ привычкой.

XI.

Лѣсъ лѣсомъ, но надо было производить и «агрономическіе эксперименты». Это оказалось потруднѣе, чѣмъ ходить съ рогатиной и нырять Мишку ножомъ, рискуя очутиться въ пушистыхъ объятіяхъ отвратительной смерти.

Графъ не худо сдѣлалъ, что оставилъ мнѣ на помощь нарядчика изъ мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, курьёзнѣйшую личность, наивную и плутоватую. Капитонъ Ивановъ — такъ его звали — выработалъ себѣ какой-то особый «деликатный» разговоръ, читалъ романы Зряхова и слагалъ собственнымъ умомъ куплеты; но рутинное хозяйство зналъ и никакихъ грубыхъ упущеній не допускалъ, докладывая мнѣ «на случай упустительности, или запамятованія» все, что могло произвести большой недочетъ въ доходахъ хутора, который онъ называлъ «хверма».

Я не рванулся сейчасъ же «умничать»; но не сразу разглядѣлъ, что о раціональномъ хозяйствѣ «по книжкамъ» нечего и думать, даже и на вольнонаемномъ хуторѣ. А тогда «вольный трудъ» былъ модной игрушкой. Въ немъ чувствовалось предверіе эмансипаціи. Иные изъ фанфаронства, другіе изъ боязни торопились заводить хутора.

Кругомъ дѣло это не было уже вновѣ. Ближайшими сосѣдями моими оказались тоже «агрономы», каждый въ особомъ типѣ: ругательномъ и благожелательномъ. Ругательный типъ изображалъ отставной гусарскій майоръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лессингъ. Мужчина онъ былъ круглолицый, ростомъ почти съ меня, моложавый, стройный. Ходилъ онъ лѣтомъ въ славянофильскомъ платьѣ собственнаго изобрѣтенья, т.-е. въ розовой рубашкѣ, бѣлыхъ штанахъ въ сапоги и въ коротенькомъ парусинномъ пальтецѣ. Говорилъ онъ высокимъ тенoромъ, рѣзко, громко, всегда почти ругательно. Лессинга—настоящаго, онъ конечно не читалъ, но въ корпусѣ заглядывалъ въ учебники геометріи, почему и вообразилъ себя великимъ механикомъ и изобрѣтателемъ. Все онъ строилъ и устроивалъ «по-своему», и даже изобрѣлъ собственную соломорѣзку. Дѣло у него, однакожъ, спорилось, потому что онъ хоть и въ гусарахъ служилъ, а все-таки былъ «изъ нѣмцевъ». Хутора свои (ихъ было у него цѣлыхъ три) онъ заводилъ щеголевато, на широкую ногу, хотя и не считался денежнымъ человѣкомъ. Разумѣется, всѣхъ своихъ сосѣдей обзывалъ онъ дураками и неучами; а меня съ перваго же знакомства сталъ звать презрительно: «этотъ студентъ». Сосѣдъ онъ былъ отвратительный: завистливый, мелочной,

забіяка и ненавистникъ. Отъ него не раздобылся бы я гарнчикомъ овсеца на посѣвъ, еслибъ былъ въ крайней нуждѣ.

Благожелательный сосѣдъ Павелъ Павловичъ Шутилинъ ходилъ тоже въ русскомъ ополченскомъ нарядѣ, изъ себя былъ сѣдоватый степенный баринъ, съ овальнымъ лицомъ и ласковыми карими глазами. Говорилъ тихо, успокоительно и дѣлалъ все не то что исподтишка, а «подъ шумокъ». Онъ въ механики не лѣзъ, но почитывалъ учебники политической экономіи «слѣдилъ за идеями» и хозяйничалъ исподволь, толково, держась навыковъ хорошаго мужицкаго хозяйства. Меня онъ началъ навѣщать и бесѣдовать объ университетахъ. Въ его «себѣ на умѣ» было что-то пріятное, своего рода барская гуманность, или по крайней мѣрѣ разсудительность и тактъ. Онъ не прочь былъ дать «добрый совѣтъ» и подшучивалъ-таки надо мной, когда я въ первую же запашку закобянился сначала на счетъ «рутинныхъ» посѣвовъ, а кончилъ тѣмъ, что внялъ резонамъ Капитона Иванова.

Эти два агронома *подмывали* меня, и ихъ сосѣдству я обязанъ тѣмъ, что чрезъ годъ всякія сомнѣнія во мнѣ улеглись и я пришелъ къ точнымъ выводамъ на счетъ того: *чего дѣлать не слѣдуетъ*. Но ихъ общество, ихъ жены и дочери меня ни мало не привлекали, да и когда мнѣ было разъѣзжать «на тройкѣ», поставленной графомъ въ наше условіе? И лѣто, и осень, и зима, и новая весна прошли такъ, какъ они проходятъ въ дѣятельномъ одиночествѣ молодого человѣка, впервые столкнувшагося съ жизнью народа. Мужики (хоть я и орудовалъ вольнымъ трудомъ) всего больше меня наполняли.

Сторонушка выдалась дремучая, по дикости, почти невообразимой. Въ двухъ верстахъ отъ меня дѣвки и бабы до смерти забивали всякаго мужика, который встрѣтится имъ, когда онѣ опахиваютъ деревню сохой. Изъ колдуновъ, напустившихъ «глазъ», выпускали «весь духъ», вѣря въ то, что больной, испорченный имъ, мигомъ выздоровѣетъ. И среди этихъ-то туземцевъ «Огненной земли» находилъ я моихъ героевъ-медвѣжатниковъ, простыхъ и добродушныхъ, какъ малыя дѣти. Я поставилъ себѣ задачей: знать, какъ Отче нашъ, весь годовой обиходъ мужицкаго хозяйства со всѣми его «ужасами», какъ нынче говорятъ о западномъ пролетаріѣ, и узналъ его. Этимъ я обязанъ графскому хутору, гдѣ я ничего не изгадилъ, но ничего и не «усовершенствовалъ», а нашелъ напротивъ, что все было заведено слишкомъ по-барски и въ такихъ размѣрахъ, что порядочнаго доходу давать не могло. Надѣясь на графа, какъ на порядочнаго человѣка, я смѣло ждалъ его пріѣзда, чтобы изложить ему мои *отрицательные результаты*. На хуторѣ я готовъ былъ просидѣть хоть еще пять лѣтъ; но не сталъ бы затѣвать съ графомъ дѣла, еслибъ онъ, вопреки контракту, прогналъ меня и послѣ перваго года. Кромѣ мужика и медвѣдя съ ихъ берлогами, я на хуторѣ же узналъ и того звѣрка, который сидѣлъ еще и во мнѣ самомъ. Не свѣтская дикость моя меня разсердила, а моя городская наивность, книжный формализмъ и самодовольство школьника, глупый задоръ «оберъ-офицерскаго сына», воображавшаго, что онъ «красный», потому что читаетъ тайкомъ рукописные листки «Колокола» и сердцемъ не думавшаго никогда о томъ; какъ взять за рога чудище народной дрёмы и мужицкаго

торя, какъ растолковать своимъ героямъ-медвѣжатникамъ, что колдуна Акилу колошматить бревномъ гнусно и нелѣпо, ибо тетушку-Маланью не перестанетъ отъ этого бить «лихоманка».

XII.

Къ Петрову дню дождался я графа. Онъ опять измѣнился противъ прошлогодняго: кудѐрьки на вискахъ кое-гдѣ блестѣли сѣдымъ волосомъ, по обѣимъ сторонамъ носа легли рѣзкія черты; но вообще-то онъ былъ все тотъ же видный баринъ, смахивающій на ярославца, и я нашелъ въ немъ даже бо́льшую юркость, чѣмъ въ первыя наши встрѣчи. Должно быть мой отчетъ очень понравился ему своей откровенностью, а лучше сказать: онъ уже тогда началъ свое «самосовершенствованіе», только вмѣсто того, чтобы отказать мнѣ, онъ разразился въ похвалахъ и сталъ упрашивать меня не покидать его хутора.

— Какой у васъ умъ! повторялъ онъ, ходя со мною по полямъ, я просто въ восхищеніи! Я, признаюсь, боялся, что вы, какъ молодой студентъ, занесетесь, а вы меня же удерживаете—благодарю васъ! Совершенно съ вами согласенъ: первое дѣло знать—чего не слѣдуетъ затѣвать. И готовъ на всякую жертву; но глупо лѣзть изъ кожи и пересаживать Англію въ наше медвѣжье царство.

Ему (какъ я тогда еще замѣтилъ) хотѣлось, прежде всего, выставить гуманнѣйшимъ русскимъ «сквайромъ», готовымъ насаждать всякій прогрессъ вплоть до личнаго освобожденія крестьянъ. На эту тему мы съ нимъ обширно не толковали; но онъ самъ загово-

рилъ, что «если дѣйствительно изъ *этого* что-нибудь выйдетъ», то онъ никому не уступитъ въ великодушіи и выкажетъ себя «дворяниномъ въ высокомъ значеніи слова».

Помню, когда онъ выговорилъ эту фразу—я опустилъ голову: въ голосѣ его зашлышались какіе-то «офицерскіе» звуки, какъ я ихъ опредѣлилъ впослѣдствіи. Я ихъ слыхалъ и потомъ, но подъ другой формой, когда графъ уже стыдился употреблять въ серьёзъ слово: «дворянинъ». Въ этотъ же пріѣздъ прорывалась и его, тоже офицерская, простота обращенія. Онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, началъ мнѣ разсказывать: какъ онъ славно воевалъ подъ Силистріей и подъ Севастополемъ; осада съ ея бойней выходила у него чуть не балетомъ, съ заманчивой перемѣной декорацій, со стеклышкомъ ярмарочной панорамы, въ промежутокъ кутежей и пьяныхъ вспышекъ глупой отваги. Но фанфаронства не слышно было, не слышно было и бездушія, а такъ, что-то гвардейское, стихійное, дѣтское. И вдругъ онъ словно спохватится и скажетъ что-нибудь хорошее, но это хорошее взято точно совсѣмъ изъ другого ящика, откуда-то имъ вычитано, или заучено съ голоса, или же надумано уже впослѣдствіи, когда нельзя было все переворачивать военныя картинки «райка».

На второй день своего пребыванія на хуторѣ, графъ, условившись со мною ѣхать на бѣговыхъ дрожкахъ, чѣмъ свѣтъ, смотрѣть всходы проса, что-то опоздалъ, такъ что я долженъ былъ его разбудить. Онъ ночевалъ, по собственному выбору, въ передбанникѣ, на сѣнѣ, покрытомъ ковромъ. Подхожу къ двери и стучусь. Дверь заперта на внутреннюю задвижку. Слышу: вскаки-

вастъ онъ врасплохъ, окликнулъ меня хриплымъ голосомъ и не сразу отворилъ дверь: я дожидался минуты двѣ-три. Вхожу — и меня тотчасъ-же озадачило лицо трафа. Онъ успѣлъ уже наскоро одѣться и облить всю голову водой. Лицо отекло и глаза смотрѣли воспаленно; щеки покрыты были особой блѣдностью, какой я у него не замѣчалъ до того. Поздоровался онъ со мною пріятельскимъ тономъ, но словно стѣснился чѣмъ-то. На полу, около того мѣста, гдѣ онъ спалъ, стоялъ раскрытый дорожный погребецъ. Мнѣ показалось, что одинъ изъ граненыхъ графинчиковъ (безъ пробки) былъ пустъ, отъ графа, какъ-будто, шелъ запахъ рома. Я подумалъ тутъ-же: — «Неужели онъ испиваетъ втихомолку».

Графъ наскоро докончилъ туалетъ и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ свою обычную тарелку: дорогой много и очень гладко говорилъ и о трехпольномъ хозяйствѣ, и о мельчаніи дворянскаго сословія, и опять объ «ней», т.-е. объ крестьянской волѣ. Онъ собирался дѣйствовать въ губернскомъ комитетѣ, и развивалъ мнѣ на словахъ свои будущія «записки» и мнѣнія». Я больше отмалчивался, видя, что онъ самъ блуждаетъ въ какомъ-то лже-либеральномъ туманѣ, а за свои «земельныя права» держится не хуже гусара Лесснига, который мнѣ уже отрѣзалъ разъ:

— Мнѣ, батенька, чортъ ихъ подери, всѣ эти души-то *крестьянскія;* я и съ хуторами не пропаду — иди они на всѣ четыре стороны, никакихъ я обязательныхъ отношеній знать не хочу!...

А годика черезъ три, сказать мимоходомъ, и онъ пошелъ въ посредники, учуявъ плохо-лежащія полторы тысячи рублей; да еще въ красныхъ очутился. — Графъ

все говорилъ; а я, нѣтъ-нѣтъ, да и вспомню про утренній расплохъ и запахъ рома.

«Неужели, думалъ я, трясясь позади его на осяхъ бѣговыхъ дрожекъ, у этого кровнаго аристократа (такимъ я тогда считалъ его) есть какое-нибудь ядовитое горе, и онъ заливаетъ его водкой, что́ твой послѣдній хуторскій батракъ?»

Мнѣ казалось, въ ту пору, что у такого благовоспитаннаго человѣка, говорившаго и о севастопольской войнѣ языкомъ изящнаго и бойкаго адъютанта, не можетъ быть никакихъ затаенныхъ вещей: порокали, страсти, зазнобы, или хронической душевной хандры.

XIII.

Графъ опять заторопился, всѣ мои хозяйственныя предложенія на слѣдующую осень и зиму безусловно одобрилъ и на прощанье сказалъ мнѣ:

— Вы, однако, добрѣйшій Николай Ивановичъ, подумайте немножко о себѣ. Вамъ нужно освѣжиться хоть недѣльку-другую. На Святки пріѣзжавте погостить къ намъ. Мы проведемъ зиму въ Москвѣ. Графиня будетъ весьма рада съ вами познакомиться.

Вотъ все, что́ я отъ него слышалъ о женѣ. Несмотря на свою словоохотливость, онъ до сихъ поръ не касался ни своего семейства, ни даже своихъ личныхъ житейскихъ испытаній. Онъ только разсказывалъ или резонировалъ, но не изливался. Изліянія пришли гораздо позже. Онъ даже ни разу не намекнулъ мнѣ на то, что и онъ учился въ университетѣ, и о своемъ Георгіѣ не упоминалъ: меня это изумля-

ло. Я думалъ: полно, не совралъ-ли Стрѣчковъ; но Стрѣчковъ не вралъ, и графъ былъ дѣйствительно георгіевскій кавалеръ.

«Вотъ, говорилъ я про себя, проводивши своего «патрона», какую выдержку имѣютъ эти «господа», не то, что нашъ братъ. Вѣдь поживи здѣсь графъ лишній денекъ, я бы, навѣрняка, сталъ съ нимъ разглагольствовать о собственной особѣ, — а моя особа нисколько не занимательнѣе его особы».

Приглашеніе пріѣхать въ Москву какъ-будто смутило меня. Вернулся я къ своему флигельку, оглядѣлъ дворъ, навѣсъ амбара, гдѣ я подъ вечеръ бесѣдовалъ съ Капитономъ Ивановымъ, избы рабочихъ. Кухарка моя Фелицата вышла на заднее крылечко, собираясь идти доить «пестрёнушку». Черезъ частоколъ виднѣлось облако пыли, взбитой стадомъ, овцы блеяли, пастухъ щелкалъ своимъ веревочнымъ арапникомъ. Картина куда невзрачная, а меня схватило за сердце: точно я прощался со всѣмъ этимъ.

И отчего? Оттого, что графъ пригласилъ меня на Святки въ Москву. Слова: «графиня будетъ весьма рада съ вами познакомиться» — все еще звучали въ ушахъ. Я даже разсердился на себя. А между тѣмъ впечатлѣніе сидѣло во мнѣ—я это чувствовалъ. «Что-же, я боюсь что-ли этой графини?» спросилъ я входя къ себѣ въ рабочую комнату и садясь у окна, хотя мнѣ нужно было идти на скотный дворъ распорядиться на счетъ годовалыхъ бычковъ.

Вспомнилъ я тутъ разговоръ со Стрѣчковымъ о его тётенькѣ. Мнѣ такъ ясно представился жестъ Стрѣчкова, когда онъ сжалъ кулакъ, желая показать,

какъ она держитъ въ рукахъ его дядю. Я даже повторилъ вслухъ его возгласъ:—«Мраморная»!

Заходящее солнце заглянуло въ комнату красноватымъ отблескомъ и разлилось по большому некрашеному столу. На немъ у меня стояли разныя стклянночки и горшечки, вся моя немудрая лабораторія, гдѣ я смастерилъ кое-какіе анализы почвъ. На стѣнѣ висѣла такая-же некрашеная этажерка съ книгами. Тутъ я просидѣлъ столько зимнихъ вечеровъ, одинъ, при свѣтѣ экономической лампочки, слушая храпъ Фелицаты, доносившійся изъ кухни. Это было единственное женское существо моего ежедневнаго обихода. И вдругъ я отъ общества Фелицаты, обрусѣлой мордовки, лѣтъ подъ пятьдесятъ, перейду въ общество графини! Почему-то я началъ вспоминать: съ какими женщинами водилъ бесѣду, и оказалось, что кромѣ Гоголевской исторіи за Булакомъ, у меня не было никакихъ, самомалѣйшихъ столкновеній съ женщинами. На мадамъ Стрѣчкову я какъ-то особенно посмотрѣлъ, больше какъ на курьёзный экземпляръ. У сосѣдей моихъ я могъ наткнуться на женское общество, и особаго смущенья и робости я не чувствовалъ, когда попадалъ къ нимъ. Жена гусара-механика лежала въ диванной, по разслабленному состоянію, и я до нея и не доходилъ совсѣмъ; а у благожелательнаго сосѣда значилась цѣлая орава старыхъ дѣвъ-сестеръ, дѣтей и гувернантокъ, такъ что я за обѣдомъ ни на кого и вниманія-то не обращалъ: очень ужъ ихъ много было. Жена его сидѣла въ концѣ стола, и только разъ послѣ обѣда спросила меня:

— Вы клубничное варенье предпочитаете, или малиновое?

Я предпочелъ клубничное.

Послѣ того и не былъ больше у Шутилина.

Съ крестьянскими дѣвками «медвѣжьяго пансіона», гдѣ я завелъ столько пріятелей между мужиками, я не прочь былъ балагурить, приглашалъ ихъ всегда самъ «на помочь», или полоть просо, разсчитывался тоже самъ, у себя на дворѣ, и немало у насъ случалось смѣху, но особаго знакомства ни съ одной не сводилъ. Моя Фелицита даже начала тужить за меня, и бывало, остановится въ дверяхъ, когда я пишу что-нибудь или читаю, у большого стола, постоитъ-постоитъ и начнетъ вздыхать:

— Все-то въ книжку читаетъ, скажетъ наконецъ, все-то въ книжку; хоть-бы на посидѣлки поѣхалъ, или денегъ жаль на пряники дѣвкамъ. Да и такъ любая прибѣжитъ.

Я посмѣюсь, молча; она махнетъ рукой и завалится спать.

А въ Москвѣ ждала меня *настоящая* графиня, поди еще болѣе настоящая, чѣмъ ея супругъ. Такъ я объ этомъ задумался, что просидѣлъ до сумерекъ у окна, и спохватился только тогда, когда Капитонъ Ивановъ, кашлянувъ въ руку, пришелъ спросить:

— Какъ въ разсужденіи завтрашней сѣнной разметки въ случаѣ наче-чаянія дождливаго ненастья полагать изволите?

Въ Москву эту я, въ концѣ-концовъ, могъ и не ѣхать. Меня никуда еще не тянуло съ хутора; но слишкомъ по-мальчишески было-бы отказываться отъ поѣздки потому только, что тамъ сидитъ какая-то «мраморная» бука.

«Ну ужъ это-то его сіятельство соврать изволилъ,

рѣшилъ я, что она *весьма рада* со мною познакомиться. Она, я думаю, и знать-то не знаетъ: какой-такой на хуторѣ *управитель*».—Въ первый разъ эта кличка слегка покоробила меня; и въ первый разъ же я ее примѣнилъ къ себѣ.

XIV.

Шесть мѣсяцевъ прошли до Рождества все въ той же обстановкѣ, но уже съ другой внутренней работой. Запахло-чѣмъ-то свѣжимъ оттуда, сверху, изъ Петербурга.

«Она» была ужъ на чеку, приближалась, какъ чудище въ зловѣщемъ туманѣ для рабовладѣльцевъ, какъ яркое солнышко въ радужномъ сіяніи для сермяжныхъ зипуновъ. И мои медвѣжатники загудѣли, стали ко мнѣ подсылать ходаковъ:

— «Взаправду, аль нѣтъ, Миколай Иваныцъ, баютъ воля будетъ?»

Было что-то крѣпкое, возбуждающее въ воздухѣ, точно его переполнили *озономъ*. Впереди блестѣла какая-то общая радость, нѣчто слагающее обузу грязи и неправды даже и съ тѣхъ, кто и не думалъ выходить изъ сословія душепріобрѣтателей, какъ я, напримѣръ. Это уже не была мечта, блажь, либеральное мальчишество; чувствовалось, что «она» станетъ, не черезъ годъ, такъ черезъ два-три года, правдой и былью.

Чѣмъ-же передъ этимъ «мірскимъ» дѣломъ показалось мнѣ мое хуторское хозяйство? Пустѣйшей забавой, или поблажкой барской широкой мошнѣ! И то и другое—не стоило честнаго труда и головной натуги.

Ну, какія тутъ «соломорѣзки» и «зерносушилки», когда милліоны народа стояли на порогѣ своей скотоподобной крѣпости, когда у каждаго человѣка съ душой дрожалъ внутри вопросъ: пустятъ-ли эти милліоны на всѣ четыре стороны, какъ желаетъ того майоръ Лессингъ, «безъ кола, безъ двора», или дадутъ имъ клочокъ земли, утвердятъ и закрѣпятъ въ ихъ вѣковой жизни общину?

Послѣ крестьянскаго двора, я обнюхалъ и то, чѣмъ держится вся финансовая машина нашей Руси православной, безъ чего ни одинъ питомецъ «народнаго просвѣщенія», въ родѣ меня, никогда-бы не выкарабкался. Искренно, безъ слезливой сантиментальности, я почувствовалъ себя должникомъ сермяжныхъ зипуновъ. Но цѣлымъ днямъ поздней осенью и ранней зимою толковалъ я съ моими медвѣжатниками, рискуя даже возбудить въ уѣздныхъ властяхъ всякія подозрѣнія. Свободнаго времени у меня всегда на это хватало. Графскій хуторъ отошелъ на самый задній планъ: я посмотрѣлъ на него, только какъ на средство жить среди народа и участвовать лично на великомъ праздникѣ его освобожденія...

Теперь, когда я это записываю, слова мои кажутся мнѣ если не книжными, то, по крайней мѣрѣ, черезчуръ торжественными. Десять-двѣнадцать лѣтъ сдѣлали свое, и то, что̀ теперь творится, вовсе не то, о чемъ тогда думалось; но въ ту минуту никакое слово не казалось слишкомъ громкимъ, тогда слѣдовало начинивать себя такими словами, чтобы не слыхать зубовнаго скрежета, раздававшагося отовсюду. Русскіе журналы и книги получили для меня новый смыслъ. Я зачитывался статьями, гдѣ впервые раздалось сло-

во за мужицкую душу «съ надѣломъ», гдѣ защищали мужицкую общину отъ набѣговъ ученыхъ профессоровъ политической экономіи. Перечелъ я «Записки Охотника» и понялъ, что и у нашихъ литературныхъ отцевъ не было ничего выше и живѣе «этого дѣла». Только мы, хоть и не умѣемъ писать, ближе стоимъ къ зипунамъ. Они—добрые «господа»; а мы—строптивые, но потянувшіе-таки лямку разночинцы. На насъ какой-нибудь «Антонъ Горемыка» наводилъ ужъ тошноту:—а вѣдь и въ немъ тоже мужичекъ обсахаренъ на славу и сотни душепріобрѣтательскихъ женъ проливали надъ нимъ слезы, гдѣ-нибудь на Женевскомъ озерѣ или въ Сорренто.

Даже въ письмахъ графа звучала нота особой тревоги. Онъ собирался «дѣйствовать» не на шутку, и объ хуторѣ почти меня не спрашивалъ. Въ первыхъ числахъ декабря онъ повторилъ свое приглашеніе: пріѣхать погостить въ Москву. Вызывалъ онъ меня не только для того, чтобы «развлечься», но и потому еще, что онъ въ *настоящее время, когда* «близится такое крупное событіе, когда мы такъ двинулись впередъ, было-бы особенно отрадно подѣлиться съ вами взглядами, да и вамъ самимъ будетъ дышаться здѣсь *другимъ воздухомъ*».

Да, воздуху тогда всѣ хотѣли, и объ воздухѣ всякій толковалъ. Я поѣздки не только не испугался, но обрадовался ей. Мнѣ нужно было хватить собственной грудью того, что̀ наполняло наши столицы. Я съ нѣкоторымъ душевнымъ сокрушеніемъ вспомнилъ, что ничего-то я не видалъ, кромѣ двухъ губернскихъ городовъ, гдѣ я жилъ школьникомъ, сперва съ краснымъ, потомъ съ голубымъ воротникомъ.

Къ Святкамъ я кончилъ всѣ хозяйскія продажи; составивъ отчетъ и давъ инструкціи Капитону Иванову, двинулся на Муромъ въ Москву, полный особыхъ подмывательныхъ ожиданій, чувствуя себя моложе, чѣмъ я былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи, съ небывалой во мнѣ бойкостью и цѣпкостью ко всякимъ впечатлѣніямъ.

О «настоящей графинѣ» я ни разу и не подумалъ.

XV.

Москва показалась мнѣ куда какъ велика и характерна. Въ первый разъ, въѣхавъ на Театральную площадь, я почувствовалъ себя истымъ провинціаломъ. Изъ рогожной почтовой кибитки поглядывалъ я направо и налѣво, и даже мысленно повторялъ заученные когда-то въ гимназіи Пушкинскіе стихи:

Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри...

— На Садовую! весело крикнулъ я ямщику, и немного смутился.

Графъ взялъ съ меня слово остановиться у него. Въ послѣднихъ двухъ письмахъ онъ еще разъ возвращался къ этому предмету и сообщалъ подробности о моемъ помѣщеніи, въ антресоляхъ «совсѣмъ отдѣльно», съ ходомъ изъ передней. Я, на хуторѣ, принялъ это предложеніе довольно смѣло. Мнѣ захотѣлось попасть сразу «въ самое пёкло» дворянской жизни, гдѣ навѣрно я увижу и услышу все, что мнѣ нужно знать «на счетъ этой эмансипаціи», какъ тогда выражались въ помѣщичьемъ обществѣ. Пора было стряхнуть съ

себя дикость и безпомощность увальня, поглядѣть чорту въ глаза, и убѣдиться въ томъ, что онъ вовсе не такъ страшенъ.

Но когда я весело крикнулъ ямщику: «На Садовую?» я все-таки смутился: житье въ графскомъ «антресолѣ» представилось мнѣ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Я захотѣлъ большей свободы въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ меня ждали неиспытанныя ощущенія.

«Кто еще знаетъ, думалъ я, какова-то графиня. Я не намѣренъ держать себя управителемъ; а пользоваться только квартирой, совсѣмъ не являться къ *господамъ*—тоже нельзя будетъ».

Смущеніе однако прошло, какъ только кибитка подъѣхала къ крыльцу графскаго дома. Эти наслѣдственные розовые хоромы, за палисадникомъ, съ гербомъ надъ фронтономъ и съ массивными колоннами мезонина, сразу повѣяли на меня настоящимъ московскимъ духомъ. И внутри дома все дышало родовымъ барствомъ. Пріѣхалъ я часу въ третьемъ дня, и въ передней, гдѣ меня уже ждало лакейство, мнѣ «доложили», что *его* сіятельство «изволили выѣхать»; но «*ея* сіятельство у себя и просятъ пожаловать въ угловую, когда вамъ будетъ угодно». Послѣдняя фраза: «когда вамъ будетъ угодно» смахивала на приказанье; но нужно же было явиться по начальству, не въ трактиръ же я въѣхалъ. Поднялся я въ антресоль, нашелъ тамъ двѣ низковатыхъ, но весьма уютныхъ комнаты, съ разными даже затѣями, наскоро одѣлся и послалъ «доложить» ея сіятельству, что я направляюсь въ угловую. Проходя большой залой съ желтыми оконными занавѣсками, отдѣланную «подъ мраморъ», я оглядѣлъ себя въ зеркало: такого зеркала

въ раззолоченной рамѣ мнѣ еще не приводилось видѣть. Смахивалъ я въ ту пору на настоящаго управителя: долговязый, сухой малый, съ рыжеватой бородой и безпорядочными волосами на головѣ посмотрѣлъ на меня изъ этой раззолоченной рамы. Черная сертучная «пара», построенная еще университетскимъ портнымъ, сидѣла неуклюже, вся фигура отдавала даже чѣмъ-то пасмурно-лакейскимъ. И лицо было подъстать прочему: длинное, загорѣлое, съ толстыми губами, съ надвинутыми глупо бровями. Не удивился бы я очень, еслибъ ея сіятельство, не зная, что я «изъ студентовъ», встрѣтила меня вопросомъ: — «Ну что, братецъ, какъ у васъ—тамъ все на хуторѣ?»

За залой слѣдовала, по чину, круглая гостиная, также подъ мраморъ съ малиновой штофной мебелью. Когда я ступилъ своими хуторскими сапогами по ковру, покрывавшему весь полъ, я ощутилъ совершенно новое щекотаніе во всемъ своемъ существѣ: прохладный воздухъ этой большой хромины, отсутствіе звука собственныхъ шаговъ, полусвѣтъ отъ тяжелыхъ гардинъ и портьеръ; бронзовые канделябры и часы на мраморныхъ консоляхъ — все это не то смущало, не то подзадоривало меня. Помню только прекрасно, что на порогѣ «угловой», гдѣ я долженъ былъ предстать передъ ея сіятельствомъ, во мнѣ робости не было. Я даже сильно нахмурилъ брови и остановившись въ дверяхъ, не очень-то, кажется, смиренно оглядѣлъ и комнату, и ту, кто тамъ сидѣлъ.

XVI.

До послѣдняго пустяка все врѣзалось мнѣ въ память. Комната была голубая: и по обоямъ, и по мебели. Прямо противъ входа изъ гостиной — широкій каминъ. Въ немъ въ ту минуту жарко тлѣла груда углей. У камина сидѣла за маленькимъ рабочимъ столикомъ съ корзинкой, подбитой чѣмъ-то голубымъ, «сама графиня».

Она не успѣла поднять головы отъ работы, когда я ее уже всю оглядѣлъ.

«Мраморная!» пронеслось у меня восклицаніе Стрѣчкова, и я врядъ ли удержалъ улыбку на своихъ толстыхъ губищахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, такого мраморнаго лица я уже никогда больше не видалъ, да врядъ ли и увижу, даже и въ странѣ «миртовъ и апельсиновъ», куда меня зовутъ теперь. Въ повѣстяхъ я встрѣчалъ это слово, и оно мнѣ казалось ужасно-пошлымъ; но тутъ — я самъ лично убѣдился, что каменное тѣло существуетъ. И въ шести шагахъ, и въ трехъ вершкахъ разстоянія, лицо это одинаково блѣдно, гладко, прозрачно, съ той голубоватостью на вискахъ и вокругъ глазъ, которую, какъ я слыхалъ отъ кого-то, стали подмалевывать съ тѣхъ поръ, какъ графиня Монтихо попала въ императрицы. Но графиня Кудласова не употребляетъ косметикъ.

Сколько ей лѣтъ, и тогда нельзя было опредѣлить: отъ двадцати до тридцатипяти, смотря потому, какъ вы на нее взглянете, и какъ она на васъ посмотритъ. Но живопись этого лица сразу выяснялась, до послѣдней подробности. Другія лица надо изучать цѣлыми

недѣлями, если не мѣсяцами. А тутъ соберите хоть тысячу человѣкъ — и у всѣхъ въ памяти останутся одни и тѣже очертанія: какой вы ее первый разъ увидали, такой она вамъ покажется и черезъ десять лѣтъ самаго короткаго знакомства. Нѣтъ для васъ новыхъ открытій, но за то ничто и неприскучитъ вамъ, не стушуется, не слиняетъ—одно слово: изваяніе, но изваяніе не въ греческомъ, и не въ римскомъ стилѣ. Небольшой носъ, немного даже приподнятый, съ круглыми рѣзкими ноздрями, отгоняетъ отъ этого лица всякій казенный классицизмъ. Лобъ, съ тонкой кожей, сдавленный сильно въ вискахъ, поднимается по-мужски, и съ обѣихъ сторонъ глянцовитые черные, изъ-синя, волосы спускаются двумя прядями, съ однимъ волнистымъ городкомъ по бокамъ полу-косого пробора. Глаза—зеленые—смотрятъ изъ-подъ тонкихъ бровей, нѣсколько загибающихся кверху, на переносицѣ; а короткій ротъ вывернулъ немного наружу красную верхнюю губу надъ широкимъ подбородкомъ. Такъ я все это и вижу, не прибѣгая ни къ какимъ портретамъ. Помню, что поверхъ головы положена была діадемой коса, что на плечи накинута была красная, кашемировая кацевейка (ужъ не знаю, какъ она тогда по-модному называлась) съ золотымъ шитьемъ, изъ-подъ которой выставлялась кружевная манишка съ отворотами чернаго атласнаго платья. Помню, какъ отблескъ каминнаго жара игралъ на толстыхъ складкахъ атласа, на блестящей пряжкѣ туфель и на сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками. Помню, что ноги графини лежали на высокой подушкѣ, и носокъ одной изъ туфель приходился, какъ разъ, у черной морды моськи, вышитой шерстью по

голубому фону. Помню даже, что графиня вышивала шелками какую-то красную суконную «ширинoцку», какъ выговариваютъ дѣвки въ медвѣжьемъ царствѣ.

Она подняла голову не спѣша, положила работу, немного выпрямилась, и отодвинула столъ. Глаза ея улыбнулись, и она протянула мнѣ руку, не то, чтобы указать на стулъ, не то, чтобы привѣтствовать меня.

— Очень рада съ вами познакомиться, Николай Иванычъ.

Голосъ, какимъ сказана была фраза, знакомая мнѣ изъ прошлогодняго приглашенія графа, точно кто придумалъ для мраморной женщины, низкій, отчетливый, слегка дрожащій, «нутряной», идущій не изъ головы, а изъ всего существа. Вы его также никогда не забудете, и онъ васъ не обманетъ: не пойдетъ онъ вверхъ, а будетъ вздрагивать; развѣ усилится, но ужъ не перейдетъ въ жидкую фистулу.

XVII.

Я не сразу сѣлъ. На меня напало особаго рода озорство, и, должно быть, вся моя долговязая фигура переполнена была въ эту минуту вопросомъ:

«А какъ, дескать, вы, ваше сіятельство, поведете себя съ нашимъ братомъ?»

— Присядьте, выговорила графиня, еще разъ улыбнувшись не ртомъ, а глазами.

Сказано это было такъ просто, точно будто она обращалась къ домашнему человѣку. Я опустился, довольно-таки неуклюже, на стульчикъ (кажется, онъ былъ раззолоченный) и продолжалъ пристально глядѣть на нее. На этотъ разъ мнѣ бросились въ глаза

два брильянта, точно ввинченные ей въ уши, и правая ея рука съ бирюзовымъ кольцомъ. Отъ нея пахнуло на меня благовоннымъ тепломъ; а я ожидалъ холода, такого же, какой ощущаешь при видѣ настоящаго мрамора.

Мы заговорили. Говорить съ ней было такъ легко, что мнѣ это показалось даже подозрительно: полно, она не потѣшается ли надо мной? Сюжетомъ разговора послужилъ, разумѣется, хуторъ. По нѣсколькимъ вопросамъ графини я увидалъ, что она отлично знаетъ, какъ ведется хозяйство. Она не стала расхваливать меня такимъ тономъ, какъ графъ; но *одобряла* меня гораздо полновѣснѣе и умнѣе. Все, что́ я слышалъ отъ графа и что́ читалъ въ его письмахъ, показалось мнѣ повтореніемъ взглядовъ графини.

«Такъ вотъ ты какая!» вскрикнулъ я про себя, и покраснѣлъ.

Меня это почему-то не порадовало. Я началъ самъ экзаменовать «эту аристократку въ красной кацавейкѣ». И вдругъ, помолчавъ съ минуту, выговорилъ, глядя на нее въ упоръ:

— По правдѣ-то вамъ сказать, графиня (я даже хотѣлъ сказать въ нику: «ваше сіятельство»), я не могу отдаваться всей душой барскому хозяйству, когда кругомъ меня тысячи живыхъ существъ ждутъ какой-нибудь воли, чтобы начать жить по-людски....

Фраза у меня оборвалась. Я опустилъ голову и выругался внутренно: мнѣ гадко сдѣлалось, что я лучшее свое *дѣло* превратилъ точно въ пошлое орудіе рисовки.

— Да? послышался мнѣ въ отвѣтъ. Звукъ этотъ, полувопросительный, полуутвердительный, былъ такъ

неожиданъ и хорошъ, что я встрепенулся и смѣлѣе поднялъ глаза.

Графиня сидѣла, положивъ руки на колѣни, и глядѣла на меня, безъ улыбки, серьёзно, но ласково.

— Да-съ, отрѣзалъ я.

— Только вы этого сразу не говорите графу, ужъ съ усмѣшечкой промолвила она, хотя его и начинанаютъ здѣсь считать краснымъ.

Потомъ, она провела рукой по своимъ блестящимъ волосамъ и точно про себя сказала:

— Разумѣется, вы живой человѣкъ. Благодарю, что сказали мнѣ это сразу.

И тутъ я почуствовалъ, что «эта аристократка» взяла нотой выше меня. Она сказала «разумѣется» на то, чѣмъ я хотѣлъ ее раззадорить. Для нея это было въ порядкѣ вещей, Стало-быть она—моего лагеря человѣкъ, уже пережившій внутренно то, что́ я «открылъ» на хуторѣ. Еслибъ она этого уже не пережила, въ ней не было бы такого спокойствія. Но это же остановило во мнѣ всякое дальнѣйшее изліяніе. О чемъ же разглагольствовать, когда *она* это знаетъ и даже благодаритъ меня за то, что ей сразу открылся по душѣ.

До возвращенія домой графа—я сидѣлъ съёженный, хотя разговоръ графини шелъ плавно, просто по домашнему, и я не чувствовалъ ни малѣйшей «свѣтской» неловкости.

Она не ставила мнѣ никакихъ вопросовъ, но говорила такъ, точно она знала меня вдоль и поперегъ: какъ я воспитался, гдѣ я до сихъ поръ жилъ, что́ меня можетъ интересовать въ Москвѣ. Еслибъ она при этомъ приняла тонъ покровительницы, я бы сказалъ

ей какую-нибудь грубость, а то нѣтъ: она «развивала» разныя соображенія насчетъ того, какъ мнѣ лучше воспользоваться моимъ житьемъ въ Москвѣ—и все это тономъ пріятельницы, или много-много сестры, поболѣе меня видѣвшей. Она указала мнѣ на университетъ, на студенческіе кружки, упомянула о двухъ-трехъ домахъ, куда бы графъ могъ свезти меня потому, что тамъ очень горячо интересуются «этимъ» (и я понималъ чѣмъ), на театры, на разные курьёзы Москвы, вплоть до Охотнаго ряда и трактирнаго заведенія Гурина.

XVIII.

Графъ облобызалъ меня, найдя въ угловой все на томъ же стульчикѣ. Онъ точно старался превзойти самого себя въ гуманности своего обращенія со мной, но я уже не замѣтилъ его хуторской болтливости. На него наведенъ былъ особый лакъ городской безукоризненности. Графиня мало глядѣла на него, когда онъ говорилъ, но онъ положительно прислушивался къ своимъ словамъ и какъ будто смотрѣлся въ какое-то невидимое зеркало. Это первое впечатлѣніе не обмануло меня. Вообще онъ рядомъ съ супругой показался мнѣ гораздо мельче, тревожнѣе и ординарнѣе, чѣмъ въ одиночку, у Стрѣчковыхъ, и оба раза на хуторѣ. Онъ въ сущности метался, хотя все это вставлено было въ мягкія формы. Графиня же точно про себя вела тайный контроль, и ни одна жилка на ея лицѣ не двигалась, ни одинъ звукъ въ голосѣ не поднимался. А все-таки она жила каждымъ нервомъ и каждой мышцей своего мраморнаго тѣла.

Къ обѣду вышла изъ внутреннихъ аппартаментовъ англичанка съ темными веснушками на широкомъ красноватомъ лицѣ, и съ нею дѣвочка лѣтъ такъ шести-семи, худенькая длинная, очень бѣлокурая, въ локончикахъ и темненькомъ платьицѣ съ голыми икрами. Я въ первый разъ видѣлъ такую шотландскую наготу. Она присѣла мнѣ и тихо, изъ-подлобья улыбнулась. Графъ поцѣловалъ ее въ темя. Графиня сказала что-то, для меня тогда непонятное, англичанкѣ; но на дѣвочку не посмотрѣла и указала мнѣ на мѣсто около себя противъ графа.

«Дочь ихъ сіятельствъ, подумалъ я, и вглядѣвшись въ нее, прибавилъ: вотъ ужъ подлинно: ни въ мать ни въ отца».

И въ самомъ дѣлѣ, въ ней не было ни одной черты, общей съ графомъ или графиней.—«Можетъ быть пріёмышъ», передумалъ я; но меня этой малолѣтней дѣвицѣ не представили, и объ ней ничего за столомъ не говорили.

Передъ графиней, въ сторонкѣ отъ прибора, стояла маленькая серебряная солонка, сдѣланная точь-въ-точь какъ мужицкая «солоница» съ подъемчатой крышкой и разными косячками. Я не безъ любопытства поглядѣлъ на нее, когда она, разливъ всѣмъ супъ, открыла крышку солонки и пальцами взяла щепотку простой, нетолченой соли и вкусно такъ посолила. Ея бѣлые, крупные пальцы при этомъ сложились въ красивую щепоть.

«Экая баба, подумалъ я, и соль-то посвоему беретъ, помужицки».

Выходило это у ней просто, истово, точно такъ и быть слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ для нея—графини

Кудласовой. Видимо было мнѣ, что никто на это и вниманія не обращаетъ, но графъ, и miss, и дѣвочка брали соль изъ маленькихъ хрустальныхъ солонокъ. Передъ моимъ приборомъ стояла также хрустальная.

Графъ постарался «оріентировать» меня въ Москвѣ. Но его слова были уже вторымъ изданіемъ того, что́ я слышалъ отъ графини. Послѣ обѣда онъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ мы курили и пили кофе, и сейчасъ же заговорилъ о томъ, какъ онъ меня ждалъ, чтобы познакомить съ «назрѣвающимъ движеніемъ». Объ англійскомъ клубѣ и его вожакахъ онъ выражался съ улыбкой; но не преминулъ прибавить, что «надо и ихъ послушать иногда». Тутъ же онъ мнѣ сообщилъ, что до конца зимняго «сезона» отправится «послужить такому дѣлу» въ нашу губернію.

— Мы съ вами поработаемъ, Николай Ивановичъ, сказалъ онъ, указывая на свое бюро; я уже много кое-чего набросалъ. Но сначала развлекитесь.

Слушалъ я его, но въ головѣ у меня была «настоящая» хозяйка дома, съ ея «разумѣется», мужицкой солонкой и мраморнымъ лицомъ. Мнѣ ужасно захотѣлось быть одному и я солгалъ графу, пожаловавшись на дорожную истому. Онъ отпустилъ меня въ восьмомъ часу наверхъ, и когда я уже пожималъ ему руку, онъ спросилъ со сдержанной усмѣшкой.

— Вы не чувствуете никакой неловкости въ обществѣ графини?

— Напротивъ, вскричалъ я разухабисто, мы съ ней разговорились, точно десять лѣтъ знакомы.

XIX.

Поднялся я къ себѣ въ антресоль и, не раздѣваясь, бухнулся на кровать.

— Такъ вотъ ты какая!—повторялъ я вслухъ.

Я былъ озадаченъ и сбитъ съ позиціи. До сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, но я все-таки жилъ же, почиталъ себя «первымъ кандидатомъ», хотя и презрительно относился къ своей школьной мудрости. Какова бы ни была та пѣвческая, гдѣ впервые заработала моя голова, но вѣдь не даромъ же мы обзывали «сволочью» каждую «аристократку«, являвшуюся къ намъ въ церковь. Потомъ полтора года уединенія и труда укрѣпили меня въ томъ убѣжденіи, что не всякому дано въ удѣлъ увидать то, что̀ живому человѣку слѣдуетъ поставить выше всякихъ лакейскихъ и барскихъ стяжаній, и *я* же это увидѣлъ. И вдругъ, московская какая-то графиня, Богъ знаетъ гдѣ и чему учившаяся и какъ жившая, *беретъ нотой выше меня*, однимъ словомъ, однимъ простымъ звукомъ показываетъ мнѣ, что новаго я ей ничего не открою моими «красными» идеями.

Но не одно это зоглодало меня. Я былъ еще полонъ впечатлѣніями *женщины*. До этой минуты я допускалъ, что въ романахъ и повѣстяхъ могутъ являться интересныя и бойкія «бабенки» и «барышни», но я ни разу не задумывался надъ женщиной, взятой какъ «цѣлое», какъ произведеніе среды, какъ звѣря что ли, выдрессированнаго и выхоженнаго во всѣхъ статьяхъ. И вотъ первая женщина, съ какой я столкнулся, какъ слѣдуетъ, прихлопнула меня; упираться было бы глупо и неблаговидно. Да это *произведеніе*

барства, презрѣннаго барства, ни мало не думая удивлять меня и приводить въ восторгъ, безъ малѣйшаго усилія, продолжая свой будничный обиходъ, открыло мнѣ цѣлый заповѣдный міръ. И я захотѣлъ, съ сердцемъ и упрямствомъ, проникнуть въ него, забраться во всѣ его закоулки, извлечь изъ него все, что только оно украло у другихъ, у меня, у своего лакейства, у своихъ медвѣжатниковъ, у всѣхъ, кто поплоше и побѣднѣе.

«Вотъ оно пёкло-то, повторялъ я; кинемся же въ него, коли на то пошло. Нужды нѣтъ, что она меня прихлопнула. Еще поглядимъ, какое это золото, не сусальное ли?

Со слѣдующаго же утра, я возбужденный и очень развязный въ своей черной управительской парѣ, велъ себя съ графиней безъ фамильярности, но съ напускнымъ самообладаніемъ, которое и ее кажется удивило. Отъ заигрываній графа я сначала уклонялся, а потомъ безъ церемоній сказалъ ему, чтобы онъ обо мнѣ очень не заботился и предоставилъ мнѣ побольше свободы.»

Хотя я сказалъ это ему съ глазу на глазъ, но графиня точно догадалась и косвенно попросила меня не претендовать на супруга.

— У графа, выговорила она очень серьёзно, слишкомъ много усердія... Онъ, видите ли, учился новымъ порядкамъ.

Фраза эта такая, что можно бы было, пожалуй, воспользоваться ею и начать «прохаживаться» на счетъ *его* сіятельства, но только не съ *ея* сіятельствомъ. *Она* могла себѣ позволить и не такую откровенность;

но надо было умѣть цѣнить это, иначе досталось бы на орѣхи.

Первые дни я рыскалъ по Москвѣ. Отъ нашего хуторскаго доктора (графъ его нанималъ съ Лессингомъ и Шутилинымъ) взялъ я нѣсколько карточекъ къ его товарищамъ по университету. Нѣкоторые уже были на мѣстахъ, другіе—оканчивали курсъ. Черезъ нихъ я попалъ въ два большихъ студенческихъ кружка. Такихъ кружковъ я еще не видывалъ. Прислушавшись и присмотрѣвшись, я нашелъ, что «мозговъ»-то, какъ тогда уже говорили, было не больше, чѣмъ и въ нашей пѣвческой, но *время*, *воздухъ* были другіе: легче было дышать, а потому и учиться было привольнѣе. Мнѣ даже не вѣрилось, когда я, въ самомъ зданіи университета, видѣлъ студентовъ въ цвѣтныхъ панталонахъ, старыхъ форменныхъ сертукахъ на распашку и круглыхъ пуховыхъ шляпахъ. Эти, небось, не знали нашего состоянія на морозѣ, безъ фуражки передъ «свиньей въ ермолкѣ». Настоящаго дѣла я не видалъ еще; а все-таки что-то точно отлегло, и за будущее гораздо меньше боялся: коли въ университетѣ рухнули шпага и шляпа, такъ и зипунамъ недолго ужъ маяться.

Наивно это; но *тогда* всѣ такъ вѣрили. И на скучномъ университетскомъ актѣ 12-го января, гдѣ читалась какая-то словесная, тяжелѣйшая рѣчь, тоже чѣмъ-то «пахло»; всѣ глядѣли другъ на друга съ подмывательными улыбками, и отъ стѣнъ залы уже не несло затхлой казенщиной! Куда я ни заглядывалъ: въ кабинеты, въ лабораторію, въ библіотеку, въ читальню, въ книжные магазины, въ студенческіе трактиры и въ

заведеніе Гурина — вездѣ разливалось то же самое «чаяніе» чего-то.

И вся многолѣтняя неволя школьника забывалась сразу, не хотѣлось ни ругаться, ни жаловаться. Если и закрадывался какой-нибудь ехидный вопросъ, то сейчасъ же отвѣтишь на него:

— Нѣтъ, шалишъ, теперь ужъ не такое время, не тѣмъ пахнетъ, да и Александръ Ивановичъ сейчасъ продернетъ!...

Люди и поогорченнѣе меня—также ликовали и чаяли невѣсть чего.

Вечера проходили либо въ «сладкихъ» разговорахъ, либо въ театрѣ. До той поры я почти не зналъ впечатлѣній сцены. Гимназистомъ видѣлъ изъ райка «Ермака» да «Терезу женевскую сироту», а студентомъ не на что и некогда было ходить въ театръ. Разъ, какъ-то на масляницѣ, попалъ на «Ревизора», но онъ шелъ такъ балаганно и мерзостно, что я не досидѣлъ и до третьяго акта.

Въ «Маломъ театрѣ» нашелъ я еще новый, мнѣ невѣдомый міръ. *Михаилъ Семенычъ* доживалъ свой вѣкъ, но въ немъ еще чуялись остатки великаго комика. Я смѣялся, какъ истый мужланъ, отъ удивительной мимики Садовскаго и заразительной веселости Живокини и Сергѣя Васильева; онъ же, въ драмѣ, просто пугалъ меня своей кипучей страстью. И «Мертвое царство» предстало предо мной лицомъ къ лицу на подмосткахъ: самихъ пьесъ я до того не читалъ совсѣмъ. Я видѣлъ то самое живьё, которое съ дѣтства залегало камнемъ въ душу и налагало на тебя сумрачную сдавленную оболочку. И женщины (мимо какихъ я хаживалъ, смутно догадываясь, что онѣ такъ

чувствуютъ, и такъ страдаютъ) плакали передъ мною, или закруживались въ загулѣ, или перебранивались до надсады, или несли на себѣ глупый, никому ненужный крестъ...

Изъ театра выходилъ я точно изъ какого-то житейскаго парника, гдѣ дышешь удвоеннымъ дыханіемъ, гдѣ каждый стебель, каждый листъ дрожитъ благоуханіемъ правды и того, что́ въ реторикахъ насъ *не* обучали называть «поэзіей». Сидишь у Гурина или у Барсова, за стаканомъ чаю, весь полный ощущеніями зрѣлища, такъ чудно сливающагося и съ тѣмъ, что́ было, и съ тѣмъ, что́ должно и можетъ осуществиться...

XX.

Черезъ недѣлю, по пріѣздѣ моемъ, графъ съ графиней собрались на бенефисъ въ Малый театръ. Они, разумѣется, пригласили меня въ ложу. Я поклонился— это было за завтракомъ, но потомъ я пошелъ къ графинѣ и сказалъ ей.

— Вы меня извините, графиня, я бы хотѣлъ быть одинъ въ театрѣ.

— Да вы не думаете ли, спросила она, что нужно быть непремѣнно во фракѣ?

— Нѣтъ, не то... да къ тому же у меня фракъ водится, а просто я люблю смотрѣть такъ, чтобы не думать гдѣ я сижу... *вы* это, навѣрно, поймете, и не будете на меня въ претензіи.

— Пойму, сказала она, и глазами погладила меня по головкѣ: «экій ты мальчикъ пай, распозналъ небось, какъ со мной говорить надо».

Мы такъ и порѣшили. У меня уже былъ припасенъ билетъ, купленный въ три-дорога у барышника. Графу она передала, что я съ ними не поѣду, и онъ за обѣдомъ даже и не упомянулъ о театрѣ.

Но графиня, отпуская меня изъ угловой, гдѣ она любила выкурить одну «пахитосу» и выпить чашку желтаго чаю, сказала:

— Я вамъ не мѣшала, Николай Иванычъ, разъѣзжать по Москвѣ. Подѣлитесь, какъ-нибудь вашими впечатлѣніями. Да вотъ хоть сегодня, васъ, я вижу, очень заинтересовалъ нашъ театръ. — Придите послѣ спектакля, напиться чаю: вы ужинаете?

— Иногда, отвѣтилъ я небрежно, такъ чего-нибудь; больше чаю.

— Ну и прекрасно. Смотрите же, васъ будутъ ждать.

За всю эту недѣлю у насъ съ ней никакихъ особенныхъ разговоровъ не происходило. Впечатлѣнія города дали мнѣ передышку, и я меньше думалъ о томъ, что меня «прихлопнули», не искалъ случая потягаться съ ея сіятельствомъ, но точно ждалъ чего-то...

Мое мѣсто въ амфитеатрѣ приходилось около перилъ, съ лѣвой стороны отъ сцены. Стало быть, мнѣ всю лѣвую половину залы прекрасно было видно. Я забрался рано и вникалъ въ обширную афишу, гдѣ значилось не меньше восьми актовъ. Позади меня помѣстились три дамы; одна худая и пожилая, съ жидкими кольчиками на вискахъ, и двѣ молодыя, должно быть барышни. Та, которая сѣла посрединѣ, вертлявая, черненькая, сейчасъ-же затараторила съ пожилой дамой, пересыпая свою болтовню французскими фразами. Мнѣ едва-ли не въ первый разъ

приводилось прислушиваться къ такому смѣшенію языковъ. По-французски я читалъ кое-какъ прозу, но звуки фразъ не сразу понималъ. Порядочной нелѣпицей и даже неприличностью показалась мнѣ эта сорочья болтовня, не знаю на какомъ языкѣ. Мнѣ захотѣлось даже шикнуть на нихъ: подняли занавѣсъ—а онѣ все продолжали шушукать, и пуще всѣхъ черномазенькая. Для съѣзда каретъ шелъ переводный водевильчикъ, глупенькій и плохо даже разыгранный. На одну только Варвару Бороздину и можно было смотрѣть.

Къ концу водевиля я (точно меня что толкнуло) повернулъ голову на лѣво и увидалъ, какъ входила въ ложу бель-этажа — графиня. За ней показался во фракѣ и графъ. Подойдя къ барьеру ложи, она сняла съ себя бѣлую лебяжью мантилью, отдала ее мужу, оглянула залу и словно вся потянулась. Бѣлыя круглыя плечи такъ и блеснули, выплывая изъ чернаго бархатнаго лифа. Голова сидѣла на плечахъ такъ картинно, что около меня двое мужчинъ задвигались и одобрительно переглянулись, и тотчасъ-же впились въ графиню своими биноклями. Но не успѣла она сѣсть, какъ позади раздалось опять сорочье щебетанье черномазенькой барышни.

— Chère Полина Карловна, говорила она пожилой дамѣ, vous la voyez... la comtesse?

Я обернулся въ полъ-оборота. Дама въ локончикахъ кивнула головой, сжала какъ-то на бокъ свои блѣдно-синія губы и наставила также трубку на ложу Кудласовыхъ.

— Какой декольтѐ, пробормотала она съ нѣмецкимъ акцентомъ и потомъ еще что-то по французски, чего я не понялъ.

— О да! шепнула пронзительно черномазенькая; это, говорятъ, ужасная женщина... Ея графъ просто дурачекъ какой-то... Она его женила на себѣ.

Тутъ она что-то такое добавила на ухо.

— Да, да, поддакивала нѣмка.

— Первый ея мужъ былъ ужъ совсѣмъ идіотъ... Какъ онъ умеръ—никто не знаетъ... Vous savez, это просто le procès... Какъ бишь я читала... да, le procès Lafarge...

— О! вздохнула нѣмка и даже подняла глаза.

— Я вамъ говорю chère Полина Карловна: c'est une femme à crime.

Эту французскую фразу схватилъ я на-лету, но такъ цѣпко, что она не выходила у меня изъ головы во весь спектакль; всѣ слова я зналъ и не могъ иначе перевести ихъ, какъ «женщина-душегубка»; частица «à», смутившая меня въ началѣ, не могла ничего иного значить, какъ «принадлежность» по грамматическимъ вѣроятностямъ.

Я даже вздрогнулъ и быстро обернулся къ сценѣ. Болтовня продолжалась ужъ объ другомъ: барышня выспрашивала даму: что у нихъ дѣлается «à l'institut», и онѣ заговорили про какую-то *фритку*. Это меня окончательно сбило съ толку. Но фраза гудѣла въ ушахъ. Я не смотрѣлъ ни на сцену, ни на ложу Кудласовыхъ, хотя меня тянуло навести трубку на графиню. Въ антрактѣ я не выдержалъ и поднялъ голову въ ея сторону. Она смотрѣла въ бинокль на амфитеатръ, и отыскавъ кого-то, отняла трубку отъ лица. Глаза ея остановились тогда на мнѣ и голова наклонилась впередъ, дѣлая легкій поклонъ. Я весь вспыхнулъ раломъ, такъ что у меня даже въ глазахъ заря-

било. Не помню, догадался-ли я или нѣтъ отвѣтить на поклонъ ея. Я нѣсколько секундъ сидѣлъ, выпучивъ глаза и тяжело дыша. Когда я пришелъ въ себя, голова графини виднѣлась уже въ полъ-оборота. Необычайная ясность ея лица поражала меня; но въ ушахъ то и дѣло гудѣла фраза «femme à crime», «femme à crime».

Подслушай я что-нибудь подобное теперь, т. е. двѣнадцать слишкомъ лѣтъ спустя, мнѣ бы это только подавало поводъ посмѣяться надъ «глупой уголовщиной», овладѣвшей нашимъ обществомъ, но тогда эффектъ былъ совсѣмъ иной. Черномазенькая барышня была, положимъ, безмозглая и злоязычная болтушка и не задумалась бухнуть, что графъ «дурачокъ», а я отлично зналъ, что онъ совсѣмъ не дурачокъ, особливо для этакой сороки; но слова «первый мужъ» произнесены были самымъ обстоятельнымъ манеромъ; стало быть это не вранье. Я и слыхомъ не слыхалъ ни о какомъ первомъ мужѣ графини. Правда, съ какой стати началъ бы мнѣ графъ или она сама разсказывать всю подноготную: а все-таки... На этомъ «все-таки» я запнулся и чувствовалъ, что меня всего ломаетъ, точно въ лихорадкѣ. Я старался отдаться тому, что происходило на сценѣ. Но пьеса задалась слезливая, тягучая, подогрѣтое жаркое, наворованное изъ купеческихъ комедій Островскаго. Самая игра меня не тѣшила и не трогала. У меня даже голова разболѣлась отъ жара, долгаго сидѣнья и внутренней тревоги.

Графиня не досидѣла до конца спектакля и уѣхала послѣ большой пьесы. Поднявшись съ мѣста и надѣвая бѣлую мантилью, она еще разъ посмотрѣла на меня. Взгляды наши встрѣтились, и я не могъ не

замѣтить, что она улыбалась и точно говорила мнѣ: «неужели вы будете сидѣть до конца»?

Я посмотрѣлъ на часы: было уже четверть двѣнадцатаго. Я самъ ждалъ минуты, когда она двинется. Мнѣ захотѣлось поскорѣе очутиться около этой женщины и еще разъ убѣдиться, какое впечатлѣніе производитъ она, когда въ васъ заброшено сомнѣніе въ ея.... ну не знаю тамъ въ чемъ, но, словомъ, большое сомнѣніе. Только-что начался водевиль, я вышелъ изъ креселъ, разсчитывая, что пріѣду въ извощичьихъ почныхъ пошевняхъ какъ разъ къ тому моменту, когда ея сіятельство будетъ налцвать себѣ чай и, быть можетъ, ждать управителя.

XXI.

Точь-въ-точь, какъ въ первый разъ, когда я вступилъ въ графскую переднюю, выѣздной лакей доложилъ мнѣ сейчасъ же:

— Графъ изволили поѣхать въ клубъ-съ; а ея сіятельство просятъ васъ кушать чай въ угловую.

Я не поднялся въ антресоль, а прямо, черезъ полу-темную залу и полуосвѣщенную гостиную, вошелъ въ знакомую мнѣ угловую. Еще на мягкомъ коврѣ гостиной у меня ёкнуло что-то внутри, какъ только я заслышалъ легкій звукъ чашекъ. Въ каминѣ жаръ тлѣлъ, какъ и въ первый мой «визитъ». Я также, какъ и тогда, остановился въ портьерѣ и также однимъ быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ графиню. Она сидѣла на диванчикѣ, передъ самоваромъ и, слегка наклонившись, заваривала чай. Свѣтъ лампы подъ абажуромъ падалъ на ея плечи и грудь. Бѣлизна ихъ

еще рѣзче, чѣмъ въ театрѣ, выдѣлялась изъ лифа, и формы чуть замѣтно вздрагивали при каждомъ движеніи рукъ. Лѣвая рука была вся облита свѣтомъ: на этой рукѣ, у локтя, сидѣла ямочка и такая-же ямочка у самаго плеча, пониже ключицы.

«Femme-à-crime»! промелькнуло у меня въ головѣ, и тотчасъ-же кто-то подсказалъ другую мысль: «на все, стало-быть, способна, только дерзай».

— Это вы, Николай Ивановичъ, окликнулъ меня все тотъ-же слегка дрожащій, и какъ-бы утомленный, голосъ.

Я подсѣлъ къ столу—не сводя съ нея глазъ. Она въ эту минуту бросила мимоходомъ взглядъ на свой лифъ, и безъ всякаго смущенія, съ какой-то дѣловой небрежностью поправила кружева (оно называется, кажется, у женскаго пола: modestie) и выпрямилась, отчего всѣ очертанія ея пышной груди стали строже и цѣломудреннѣе.

— Вы не озябли? Погрѣйтесь, продолжала она, и подняла руку на конфорку самовара.

Я молчалъ: меня что-то стянуло къ горлу. Быть можетъ, своего рода globus histericus. Я только широко раскрывалъ ноздри и вдыхалъ въ себя воздухъ этой голубой комнаты, гдѣ все было переполнено *ею*. И жаръ камина, и свѣтъ лампы, и темные углы, откуда выглядывали широкіе листья растеній, и главное, запахъ, тонкій, но проникающій всюду, запахъ фіалки обдавалъ меня, дразнилъ и щекоталъ. Когда она, съ чашкой въ рукахъ, обратилась ко мнѣ всѣмъ своимъ торсомъ, и глаза, кажущіеся вечеромъ совсѣмъ черными, прошлись по мнѣ, я долженъ былъ сдѣлать сознательное и напряженное усиліе надъ собой: зрѣ-

ніе у меня заволокло и я близокъ былъ, пожалуй, къ чему-то въ родѣ обморока.

— Вы съ лимономъ? повѣялъ на меня холодкомъ вопросъ графини.

Я съ чуть замѣтной дрожью въ пальцахъ принялъ чашку, и долженъ былъ вынуть платокъ и провести имъ по лбу.

— Пожалуй, хоть съ лимономъ, отвѣтилъ я, а въ глазахъ у меня все еще искрилось.

— Неужели вы подъ такимъ впечатлѣніемъ спектакля? спросила она, присаживаясь къ тому углу диванчика, гдѣ я сидѣлъ.

— Нѣтъ, сказалъ я, овладѣвъ уже собою; сегодня я недоволенъ Малымъ театромъ. Ни пьесой, ни игрой.

— А вообще вы, кажется, увлечены нашей сценой?

Она сказала фразу съ улыбочкой. Меня это раззадорило и я горячо заговорилъ о томъ новомъ мірѣ, какой открывался мнѣ съ театральныхъ подмостковъ. Графиня слушала меня внимательно, опустивъ нѣсколько голову, но продолжая тихо улыбаться. Ни разу она меня не перебила, ни возраженіемъ, ни жестомъ, ни восклицаніемъ.

Когда я кончилъ и залпомъ выпилъ свою остывшую чашку чаю, графиня покачала головой и тихо выговорила:

— Это вамъ такъ кажется, на первыхъ порахъ.

— Однако, что́-же вы можете возразить, рѣзко замѣтилъ я, противъ глубокой правды этихъ народныхъ драмъ?

— Ахъ, Николай Ивановичъ, какъ вы мудрено выражаетесь.... говорите со мною попроще, я вѣдь женщина, а не студентъ.

Она при этомъ улыбнулась улыбкой снисходительной сестры, говорящей: «ты не кипятись очень-то, вѣдь я не глупѣе тебя».

Я смирился немного и съ любопытствомъ ждалъ дальнѣйшихъ разсужденій «женщины, а не студента».

— Вы говорите: народная драма.... Полноте, какая-же тутъ драма.... Ну вотъ эта пьеса, гдѣ Косицкая-то все плачетъ цѣлыхъ два акта, какъ бишь она называется?

— «Не въ свои сани не садись», съ неудовольствіемъ подсказалъ я.

— Да, такъ.... что это за женщина, что это за страсть, какая это борьба! Ничего тутъ нѣтъ, кромѣ сентиментальности дурного тона и жалкаго рабства.

— Какого же-съ? вскричалъ я.

— Будто вы его не замѣчаете? Ее увозятъ отъ ея «тятеньки»—она ѣдетъ; потомъ гонятъ, она хнычетъ, возвращается домой, тятенька третируетъ ее, вы знаете какъ.... она продолжаетъ хныкать; беретъ ее замужъ тутъ-же какой-то.... какъ бишь его зовутъ?

— Ваня Бородкинъ, еще сумрачнѣе подсказалъ я.

— Да, Ваня Бородкинъ; она идетъ за него въ тотъ-же день.... и все хнычетъ; а подъ конецъ объявляетъ всѣмъ намъ, что она сохранила.... свою невинность! Тошно смотрѣть!

— Но если такова настоящая жизнь? вопросилъ я.

— Не знаю, можетъ быть и точно такая, но зачѣмъ-же это драмой называть? Ужъ и въ жизни-то только и видишь, и въ мужчинахъ и въ женщинахъ, тряпокъ и хныкалокъ, а тутъ еще героинь намъ изъ нихъ дѣлаютъ.

XXII.

Я взглянулъ на нее въ эту минуту. Она выпрямилась и смотрѣла куда-то вдаль. Лицо у ней было строгое, почти грозное, такъ что я не захотѣлъ больше возражать.

— Или вотъ еще другая комедія.... гдѣ такъ хороша Лаврова-Васильева. Вы ее видѣли на той недѣлѣ—«Бѣдная невѣста». Я ужъ не говорю, какъ это мѣстами длинно и скучно. Мнѣ она все-таки больше нравится, чѣмъ всѣ эти купеческія кривлянья, но опять какая.... *размазня!*

Графиня злостно разсмѣялась и прибавила:

— Вы видите, Николай Ивановичъ, что я съ вами не пускаюсь въ литературный споръ.... и позволяю себѣ даже такъ безцеремонно выражаться....

— Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь, глухо вымолвилъ я, каждый воленъ въ своихъ мнѣніяхъ.

— Покорно благодарю, послышался спокойно-насмѣшливый отвѣтъ графини. Исторія этой бѣдной невѣсты навѣрно очень похожа на житейскую правду.... какъ вы выражаетесь; но развѣ стóитъ сочувствовать и волноваться изъ-за такихъ истерическихъ дѣвъ, которыя продаютъ себя для маменекъ, напрашíйнсь въ любовь съ какими-то франтами изъ Замоскворѣчья?... Или вотъ еще та пьеса, гдѣ такъ хорошъ Васильевъ.... въ ямщикѣ, изъ мужицкаго быта. Что это такое?! Во всѣхъ четырехъ дѣйствіяхъ онъ пьянъ.... до гадости, до отвращенья!

— Это очень честная народная драма! вскричалъ я.

— Вы все народная! Далось вамъ это слово, Ни-

колай Ивановичъ, и вы хотите имъ все оправдать.... Въ балаганѣ, для мастеровыхъ, исторія, какъ сынъ съ отцомъ утаили потерянныя деньги и какъ сынъ дошелъ до того, что замахивается топоромъ на отца.... въ балаганѣ это очень.... душеспасительно; но зачѣмъ же насъ-то заставлять смотрѣть на то, какъ прекрасный актеръ до гадости хорошъ и даже ужасенъ въ припадкахъ пьянства?

— Кого-же это *насъ?* уже грубовато спросилъ я.

— Какъ кого? меня, васъ, каждаго, кто способенъ иначе думать, иначе чувствовать, иначе жить....

— Вамъ, стало-быть, угодно аристократическихъ пьесъ?

— Ахъ, полноте, Николай Ивановичъ, позвольте васъ отъучить отъ словъ аристократъ, аристократка, аристократическій.... У насъ, въ Россіи нѣтъ никакихъ аристократовъ. Есть общество пообразованнѣе.... состоитъ оно больше изъ помѣщиковъ, изъ благородныхъ, изъ тѣхъ, у кого есть крѣпостные. Такъ до сихъ поръ велось; а вотъ когда ваши друзья изъ медвѣжьяго пансіона очутятся на волѣ.... будетъ по другому; но все-таки останется общество получше и общество похуже....

— Я буду тамъ, гдѣ похуже, уже мягче отозвался я.

— Напрасно.... Вамъ никто не запрещаетъ попасть туда, гдѣ получше.... Вы учились въ университетѣ, передъ вами широкая дорога, вамъ очень не трудно сдѣлаться вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, испытать все, чѣмъ красна жизнь, искать самыхъ сильныхъ впечатлѣній, рѣшаться на самыя высокія дѣла.

Голосъ ея все крѣпчалъ и крѣпчалъ, глаза расширились и движеніемъ руки она точно что̀ отводила отъ себя.... Я просто заслушался, и повторялъ про себя: «какъ говоритъ, какъ говоритъ!»

— Когда вы поживете такъ, продолжала она, вы тоже найдете, что куда не занимательно смотрѣть на всѣ эти народныя пьесы... Ну, чѣмъ вы мнѣ докажете, что въ жизни людей, которыхъ вы называете аристократами, меньше матеріаловъ для комедій и драмъ, чѣмъ у купцовъ, мелкихъ приказныхъ и ямщиковъ?

— Тутъ страсти проще и есть борьба съ нуждой. Нѣтъ такой испорченности.

— Извините меня, даже этотъ патріархъ... котораго играетъ Садовскій, хоть онъ и сладко говоритъ, но третируетъ свою дочь хуже вещи... А это еще идеалъ! Что же остальные?.. Я вѣдь, Николай Иванычъ, не въ журналахъ вычитала то, что̀ говорю вамъ теперь—я до этого своимъ умомъ дошла—не прогнѣвайтесь...

— Что же тутъ дѣлать! перебилъ я, никто же не виноватъ, что въ вашемъ обществѣ нѣтъ писателей, изображающихъ высокія чувства и мысли?!

— Есть, Тургеневъ. Да я никого и не обвиняю, но, признаюсь, только одно «Горе отъ ума» и считаю хорошимъ спектаклемъ.

Это заключеніе она произнесла такимъ тономъ, что «довольно-молъ, выпей, если хочешь, еще чашечку чайку, да и убирайся».

Я попросилъ еще чаю, мнѣ не хотѣлось уходить «не солоно хлѣбавши». Умъ графини, ея языкъ, смѣлость,—все это раздражало меня несказанно и въ го-

ловѣ опять запрыгала французская фраза черномазенькой дѣвицы.

XXIII.

Подавая мнѣ вторую чашку, графиня, уже другимъ, нѣсколько утомленнымъ голосомъ, сказала:

— Я, быть можетъ, дурно дѣлаю, что отнимаю у васъ иллюзію... Теперь въ такой модѣ восхищаться полушубками.

Тутъ я не выдержалъ, и поставивъ на столъ чашку, отрѣзалъ:

— Такъ по вашему, графиня, надо зачитываться Дюмасами и Бальзаками?

Я ожидалъ чего-нибудь по носу; но меня преспокойно спросили:

— А что̀ вы читали изъ Бальзака?

Лгать я не хотѣлъ, и очень хорошо вспомнилъ, что по французски не прочелъ ни одного романа Бальзака. Въ переводѣ читалъ когда-то одну повѣсть, еще гимназистомъ, въ старой «Библіотекѣ для чтенія» Сенковскаго. Къ счастію, я не забылъ русскаго заглавія.

— Читалъ-съ, отвѣтилъ я съ увѣренностью, «Старика Горіо».

— Какъ? переспросила она... Вы вѣрно по русски читали?

— Да-съ.

— Этотъ романъ называется «Le père Goriot...» Если вы его со вниманіемъ прочли, вы не можете не согласится, что это—прекрасная вещь. Вотъ вамъ драма!.. Вы больше ничего не читали?

— Нѣтъ, я по французски читаю только научныя вещи.

— А сейчасъ такъ грозно обошлись съ Бальзакомъ. Полноте, Николай Иванычъ, зачѣмъ все дѣлать изъ себя юнаго студента? Вы гораздо старше этого. Увѣряю васъ. Вы повѣрили какому-нибудь русскому критику?

— Я привыкъ вѣрить Бѣлинскому.

— Слыхала о немъ; но не помню, читала-ли. Если онъ ставитъ Бальзака на одну доску съ Дюмасами, какъ вы называете, то онъ просто не заглядывалъ въ него. Вотъ когда-нибудь пріѣдете къ намъ въ Слободское — я вамъ дамъ нѣсколько томиковъ. Да припомните и Горіо. Развѣ тамъ одни аристократы? Самъ онъ старый аферистъ, дочери его—des parvenues... вы понимаете?..

— Понимаю-съ, злился я.

— Одинъ только молодой Растиньякъ—дворянинъ; а остальные — студенты, старухи, полицейскіе... Но все это живетъ... видишь все это отсюда... Я готова просидѣть цѣлую ночь надъ такимъ романомъ! А ужъ ѣхать во второй разъ смотрѣть на Васильева въ пьяномъ ямщикѣ — извините!

Графиня встала. Было уже поздно. Она протянула мнѣ руку; такъ протягиваетъ ее великодушный побѣдитель юному, но смѣлому побѣжденному.

Я пожалъ и, не выпуская ея руки, посмотрѣлъ на нее очень пристально и выговорилъ, насколько могъ просто:

— Позвольте узнать, графиня... вы по французски-то сильнѣе меня: какъ слѣдуетъ перевести фразу: «femme à crime»?

Выговорилъ я эти три слова по нашему, по гимназически... Графиня не стала улыбаться моему произношенію и спокойно, но съ блескомъ въ глазахъ, спросила:

— Почему вамъ пришла на умъ эта фраза?

— Слышалъ я ее сегодня... и затруднился перевести какъ слѣдуетъ по-русски.

— Мнѣ кажется, выговорила она, чуть-чуть сжимая брови, можно перевести на два манера: женщина, сдѣлавшая преступленіе, или такая, которая способна на него.

— А!.. значитъ мой переводъ былъ въ сущности вѣренъ?

— А какъ вы перевели?

— «Женщина-душегубка».

— Ха, ха, ха! глухо разсмѣялась она и отдернула руку... вы все хотите въ народномъ стилѣ...

— Благодарю васъ, громко выговорилъ я и откланялся.

Она отпустила меня поклономъ, и когда я уже былъ въ дверяхъ, окликнула:

— Николай Иванычъ?

— Что прикажете?

— Вы услыхали эту фразу сегодня въ театрѣ?

— Да-съ, сзади меня какія-то барышни мѣшали французское съ нижегородскимъ.

— Больше ничего?

— Больше ничего-съ.

— Прощайте.

Мнѣ захотѣлось оглянуться на нее еще разъ; но я этого не сдѣлалъ. По моимъ внутренностямъ разлилось злорадное довольство: теперь я одержалъ побѣду.

Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. Я смутилъ ее неожиданностью.

Но не успѣлъ я выдти изъ гостиной въ залу, какъ вопросъ: «неужели она въ самомъ дѣлѣ — femme à crime?» засосалъ меня.

— А очень мнѣ нужно! чуть не выругался я, и опять явилось обидное сознаніе, что и сегодня, въ литературномъ диспутѣ, эта графиня *взяла нотой выше*. Все ея существо точно обволакивало меня, и, какъ я ни бѣсился, тянуло куда-то.

Въ передней я наткнулся на графа въ ту минуту, когда сонный лакей снималъ съ меня шубу. Графъ былъ очень блѣденъ.

Мнѣ показалось, что эта блѣдность—неспроста.

— Покойной ночи, графъ... окликнулъ я его, проходя къ лѣсенкѣ моего антресоля.

— А! отозвался онъ, и, уставивъ на меня точно стеклянные глаза, твердо, но глухо проговорилъ: покойной ночи!

Я, шагая чрезъ три ступеньки, вбѣжалъ къ себѣ наверхъ.

— Неужели я былъ прзвъ на хуторѣ? громко спросилъ я себя, и мнѣ вдругъ сдѣлалось жаль ее, эту смѣлую, крупную, даровитую женщину. Она тутъ учила меня уму-разуму; а мужъ въ это время!.. Но я не вполнѣ еще увѣрился, что графъ былъ въ такомъ положеніи.

«Зачѣмъ мнѣ читать Бальзака? думалъ я, ворочаясь въ постелѣ. Довольно съ меня и того, что́ я здѣсь увижу».

Тогда я разсуждалъ съ задоромъ посторонняго наблюдателя и *обличителя*, и мнѣ казалось, что я такъ

чистъ духомъ, тѣломъ и помыслами... Я уже забылъ, что часъ передъ тѣмъ, скажи мнѣ графиня лишнее, ласковое слово, я бы, быть можетъ, какъ звѣрь кинулся на нее...

XXIV.

Меня влекло въ голубую комнату, но пособилъ графъ: пришла очередь его «запискамъ» и «мнѣніямъ», хранившимся въ бюро̀.

— Я буду смѣло стоять за крестьянина, заговорилъ онъ торжественно въ первый вечеръ, какъ мы засѣли въ кабинетѣ, вы можете мнѣ вѣрить.

— А за землю крестьянина? спросилъ я его въ упоръ.

Тутъ онъ не то, что смутился, а многословно началъ развивать, что нельзя же признать безусловное право власти—отнимать у дворянъ землю, что это хотя и симпатично, но сильно отзывается революціонной диктатурой и соціализмомъ, «а соціализмъ, какъ хотите...»

Захотѣлось мнѣ тутъ-же оборвать его, но я удержался. Я сообразилъ, что лучше сначала хорошенько у него все вывѣдать, а потомъ уже и рѣшать: какъ съ нимъ обходиться. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ еще одинъ изъ самыхъ мягкихъ сквайровъ, и чрезъ него я узнаю̀: каково̀-то настроеніе разныхъ вожаковъ «столбоваго дворянства» въ Москвѣ-бѣлокаменной?

Такъ я и сдѣлалъ. Онъ развернулся предо мной, и въ то время какъ-бы заискивалъ моего одобренія; каждое его слово и каждый жестъ точно будто говорили: «согласитесь, вѣдь для московскаго барина я,

право, очень порядочный человѣкъ и съ каждымъ днемъ исправляюсь».

И дѣйствительно, онъ «исправлялся». Это чувствовалось. Онъ похожъ былъ на ученика съ выдержкой, которому зарубили на носу: «коли ты не добьешься такихъ-то отмѣтокъ, то слѣдующаго класса тебѣ не видать, какъ ушей своихъ».

Этой «школѣ» я приписывалъ и его сдержанность, и тактъ, и положеніе его въ домѣ. Я послѣ болтовни черномазенькой барышни, спросивъ себя: точно ли графъ въ рукахъ жены своей безсловесная пѣшка и въ домѣ — нуль, долженъ былъ отвѣчать: нѣтъ, это неправда. Онъ былъ баринъ, какъ слѣдуетъ быть барину; но какъ мужъ, онъ что-то слишкомъ ужъ былъ порядоченъ. Я этакихъ мужей только изъ англійскихъ романовъ зналъ.

Съ утра до поздней ночи онъ велъ себя точно въ гостяхъ у хорошихъ знакомыхъ. Прислуга исполняла службу неизвѣстно по чьему приказу. Все дѣлалось въ порядкѣ, чинно, тихо. Громкихъ приказаній, ни графъ, ни графиня почти что не отдавали: больше жестами довольствовались. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ женой я его не заставалъ, и, проживя двѣ недѣли, въ домѣ не зналъ, въ какіе часы они оставались вдвоемъ. Опочивалъ онъ съ нею: я заключилъ это изъ того, что въ кабинетѣ его не было никакого приспособленія для спанья. За столомъ, въ обѣдъ и завтракъ, онъ говорилъ не мало, гораздо больше жены, совершенно почти такъ, какъ со мной, только еще посдержаннѣе: хуторскаго же «гвардейства» и въ поминѣ не было. Графиня обращалась къ нему тихо, просто, какъ къ родному, но очень рѣдко взгля-

дывала на него. Они были на «ты»—даже по-французски. Онъ звалъ ее «Barbe» и въ русскомъ разговорѣ — она его съ русскимъ произношеніемъ — «Платонъ.» Объ домашнихъ дѣлахъ они при мнѣ ни разу не разговаривали, и ни разу же не вышло у нихъ ни малѣйшаго разногласія, не только что ужъ спора.

«Что же это такое? спрашивалъ я себя, равнодушіе, или ужъ такая въ самомъ дѣлѣ аристократическая выправка?» Въ выправкѣ я не сомнѣвался; но отъ кого она шла? Отъ него или отъ нея? Мнѣ казалось, что отъ нея. Равнодушіе врадъ ли вызывало эту великобританскую ровность обхожденія. Графъ при женѣ находился всегда въ возбужденномъ состояніи. Я это подмѣтилъ въ первый же день. Нѣтъ-нѣтъ да и поглядитъ на нее, и въ этихъ взглядахъ сидѣло далеко не равнодушіе. Они сильнѣе еще, чѣмъ его фразы со мною, говорили: «Достоинъ я одобренія, или нѣтъ»?

Вотъ что̀ дали мнѣ наблюденія надъ супругами. Они не разнились ничѣмъ существеннымъ отъ моего перваго впечатлѣнія. Еще замѣтилъ я, что графъ гораздо нѣжнѣе съ дѣвочкой, чѣмъ графиня. Онъ то-и-дѣло послѣ обѣда возьметъ ее на колѣни, или уведетъ въ кабинетъ, откуда дѣвчурка выбѣжитъ всегда съ конфектами или съ крымскимъ яблокомъ. Графинѣ не очень-то нравилось это баловство. На дѣвочку она не кричала, но обращалась съ ней черезчуръ ужъ ровно, чтобы не сказать сухо...

Эта дѣвочка со мной только раскланивалась. Разспросить ее я не могъ ни о чемъ, да и не захотѣлъ бы, еслибъ и могъ. Но ея поразительное несходство ни съ графомъ, ни съ графиней почему-то подмывало

меня. Разъ я, ни съ того, ни съ сего, остановилъ графа и спросилъ его:

— У васъ дѣтей больше не было, кромѣ Наташи?

Онъ немного поёжился какъ-то и отвѣтилъ:

— Это не моя дочь.

— Какъ не ваша? схитрилъ я.

— Наташа — дочь графини отъ перваго мужа — князя Дурова.

— А! вырвалось у меня.

Стало быть, въ болтовнѣ черномазенькой — была правда.

— А у васъ не было дѣтей? продолжалъ я свой допросъ.

— Нѣтъ, не было.

Больше я не допытывался, замѣтивъ, что его сіятельству это не особенно нравится: значитъ, я дотронулся до какой-нибудь раны.

Тогда объ Дарвинѣ еще слыхомъ не слыхали; а все-таки меня очень бы заинтересовалъ вопросъ наслѣдственности, глядя на дочь графини, еслибъ *законнымъ* ея отцемъ былъ графъ. Съ другой стороны, его особенная нѣжность съ этой дѣвочкой показалась мнѣ подозрительной. Но будь графъ ея настоящій, хотя бы и не законный отецъ, откуда же это полнѣйшее отсутствіе сходства?

Точно помогая моему дарвиновскому любопытству, графиня сама спросила меня разъ, переходя изъ столовой въ залу:

— Кто подумаетъ, что Наташа моя дочь?

— Да, подтвердилъ я. Сходства никакого.

— Но она и на отца своего ни мало не похожа

— На графа? спросилъ я съ намѣреніемъ.

— Нѣтъ, выговорила она сухо, на моего перваго мужа, князя Дурова.

— А! протянулъ я, и какое-то злорадное чувство защекотало меня. Я въ эту минуту не далекъ былъ отъ черномазенькой барышни. Меня это огорчило, и я до отъѣзда положительно избѣгалъ угловой комнаты, чтобы не предаваться такой суетности.

XXV.

Мнѣ оставалось всего денёкъ до отъѣзда восвояси. Графъ свозилъ меня въ два дома, гдѣ каждый почти день толковали объ эмансипаціи. Одинъ домъ былъ славянофильскій. Все въ немъ показалось мнѣ курьёзно: и хозяинъ въ купеческихъ сапогахъ, но съ французскимъ діалектомъ, и византійскія иконы, и стулья, раскрашенные въ русскомъ вкусѣ, и языкъ, какимъ раздобаривали промежъ себя эти бары. Что они бары, какъ слѣдуетъ, хотя всѣ почти распинались за «святого мученика», т. е. за крестьянина, въ этомъ я убѣдился въ первыя десять минутъ, какъ послушалъ ихъ бесѣды. Хоть и то хорошо было въ этомъ всеславянскомъ гнѣздѣ, что въ немъ теоретически и красно отрицали самое слово «русскій дворянинъ» и не смѣли просить личнаго выкупа. Говорили всѣ очень велерѣчиво, точно они представляютъ на сценѣ именитыхъ бояръ въ парчевыхъ шубахъ. На счетъ «боярской думы» тоже прохаживались. Имъ, я думаю, всего больше и хотѣлось угодить въ бояре, потому они такъ злобно и дворянство-то уничтожали. Каждый не прочь былъ попасть, и послѣ воли, въ патріархи сво-

ей волости и, разумѣется, посѣкать, при случаѣ, «святого мученика».

Какой-то пьяненькій и точно юродивый господинъ, рябой, въ потертой плисовой поддёвкѣ и въ очкахъ отвелъ меня въ сторонку, гдѣ была приготовлена закуска и, пропуская одну рюмочку за другой, сказалъ:

— Вы, я вижу, вновѣ. Не вѣрьте имъ, это они— зря! Я у нихъ который годъ въ услуженіи, и во-о (онъ указалъ рукой) какое мѣсто всякаго дрянца имъ пособиралъ въ деревняхъ. Они господа рассейскіе, только больше все по нѣмецкимъ книжкамъ обучались.

Разсмѣялся я этой выходкѣ, такъ она мѣтко очерчивала весь ихъ скитъ. Я даже выпилъ рюмку водки съ любителемъ спиртнаго въ поддёвкѣ.

Возвращаясь домой, его сіятельство изволилъ разъяснить мнѣ: какіе-такіе есть въ Москвѣ славянофилы, при этомъ точно будто подсмѣивался надъ ними; но чувствовалось, что онъ ихъ побаивается и считаетъ гораздо покраснѣе, чѣмъ себя, напримѣръ. Онъ у нихъ прималчивалъ и выказывалъ такую напряженность въ лицѣ, слушая мудрую бесѣду, что мнѣ его даже жалко стало.

Я только моталъ себѣ на усъ, и никакихъ замѣчаній не дѣлалъ. Также повелъ я себя и послѣ «засѣданія» въ другомъ, уже западническомъ домѣ, или правильнѣе—салонѣ. Тутъ хозяина я не замѣтилъ; а орудовала всѣмъ хозяйка, узколицая, смуглая, худая, нестарая дама, изъяснявшаяся одинаково свободно и по-русски, и по-французски. Она точно предсѣдательствовала въ какомъ-то комитетѣ; говорила со всѣми присутствующими и словами, и глазами, и движенія-

ми головы. Въ этотъ вечеръ всѣхъ занималъ пріѣзжій изъ Петербурга модный чиновникъ, очень чопорный и напряженный, большой, должно быть, мастеръ докладывать: изъ его доклада значилось, что тамъ, наверху, «все уже рѣшено». Много его не разспрашивали: что̀ это «все»; но мужчины какъ будто были рады, не тому, что рѣшено, а тому, что наконецъ чѣмъ-нибудь да это кончится.

Въ сторонкѣ я и тутъ выслушалъ, но уже не характеристику хозяевъ, а разговоръ двухъ старушекъ. Одна разсказывала все о митрополитѣ: какъ онъ утромъ того дня «чувствовалъ себя прекрасно, и за чаемъ скушалъ цѣлыхъ полъ-просфиры».

Западническій домъ показалъ мнѣ то же, что̀ и славянофильскій; но меня это ни мало не смутило. И тамъ, и тутъ, всѣ уже помирились съ *фактомъ*, и даже взапуски гонялись другъ съ дружкой, чтобы отличиться своей гуманностью и гражданской доблестью.

Графъ и на этотъ разъ не добился отъ меня никакихъ разсужденій. Я, кажется, ввелъ его этимъ самымъ въ недоумѣніе. Вѣроятно онъ сообщилъ его женѣ.

Наканунѣ отъѣзда моего графиня сама пригласила меня къ себѣ «въ гости», какъ она выразилась! Я ее не видалъ почти цѣлую недѣлю. Мнѣ и обѣдать не привелось дома. Я уѣзжалъ за разными закупками «въ городъ» и обѣдалъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, а то такъ просто «въ сундучномъ ряду» кое-чѣмъ: мозгами, ветчинкой или пирожками съ капустой и малиновымъ вареньемъ. Не скажу, чтобы я намѣренно избѣгалъ графини; но я пользовался всякимъ случаемъ пораньше уходить со двора. Мнѣ не хотѣлось провѣрять сво-

ихъ впечатлѣній. «Какова бы ни была эта барыня— мнѣ съ ней не дѣтей крестить», — вотъ что̀ я тогда рѣшилъ, ограждая не то свое самолюбіе, не то свою душевную свободу: можетъ быть, и то, и другое.

Графиня не стала мнѣ пенять моей дикостью. Она приняла меня съ такимъ дѣловымъ выраженіемъ лица, что я тотчасъ же подумалъ:

«Ну, рѣчь пойдетъ о хуторѣ».

XXVI.

Но я ошибся.

— Николай Иванычъ, начала она, слегка наморщивая брови: ваши симпатіи по крестьянскому дѣлу я знаю. Вы не фразёръ—и я охотно вамъ вѣрю.

Я поклонился.

— Графъ вамъ читалъ свои записки. Вы знаете теперь къ чему онъ расположенъ; но *по вашему* этого мало—не такъ ли.

Я опять молча кивнулъ головой.

— Вотъ вамъ—*дѣло по душѣ*. Графъ богатый помѣщикъ... Разумѣется, сдѣлается такъ, какъ хотятъ тамъ. (И она подняла руку вверхъ); но лучше, чтобы и здѣсь дѣлалось по-вашему...

— Но что̀-жъ я могу, графиня, перебилъ я.

— Выслушайте меня. Если вы дѣйствительно хотите служить вашей идеѣ — я постараюсь поставить васъ въ такое положеніе, гдѣ вы будете правой рукой графа и благодѣтелемъ всѣхъ его крестьянъ. Угодно вамъ?

Я раскрылъ широко глаза.

— Что-жъ вы на меня такъ смотрите? съ улыбкой окликнула она.

— Не знаю, что̀ вамъ сказать, отозвался я съ гадкой усмѣшечкой; это такъ заманчиво, графиня, и такъ смѣло...

Я запнулся.

— Полноте, продолжала она, что это вы все какъ-то увертываетесь, Николай Иванычъ. Четыре недѣли вы прожили у насъ, и до сихъ поръ не хотите стать со мною на равную ногу. Это право... обидно... *за васъ!*

Графиня какъ будто покраснѣла; но краска не выступила на щекахъ; потомъ я узналъ, что она краснѣть не умѣетъ.

— Помилуйте, графиня, началъ-было я...

Но она, не слушая меня, встала, прошлась по комнатѣ, и ни къ кому не обращаясь, говорила:

— Для умнаго человѣка съ характеромъ все равно какая внѣшность у женщины: графиня она, или простая мужичка. Если то, что̀ она говоритъ и предлагаетъ — хорошо, надо брать безъ всякихъ заднихъ мыслей; иначе это мелкое самолюбіе: какъ смѣетъ, дескать, русская барыня раздѣлять наши идеалы.

Все это было выговорено не гнѣвно, даже не запальчиво, но сильно, не то съ грустью, не то съ упрекомъ. Голосъ остался тотъ же, и ни одинъ нервъ въ лицѣ не дрогнулъ.

Я былъ просто уничтоженъ. Тутъ ужъ не было никакихъ чувственныхъ раздраженій. Разговоръ происходилъ не вечеромъ, а въ полдень, каминъ не топился, цвѣты не выглядывали изъ темнаго угла, не блистали предо мною благоухающія плечи... Предо

мной вскрылась внезапно могучая женская натура, которую я оскорбилъ своимъ мѣщанскимъ умничаньемъ и упорствомъ, своей лакейской недовѣрчивостью. Такъ я показался самъ себѣ гадокъ и пошлъ въ эту минуту, что подбѣжалъ къ графинѣ, схватилъ ее за руку, нѣсколько разъ поцѣловалъ, какъ школьникъ, какъ преступникъ, какъ рабъ...

— Не гнѣвайтесь, шептали мои уже поблѣднѣвшія губы... Простите...

Не могу припомнить, какія были первыя слова, сказанныя въ отвѣтъ графиней; только черезъ нѣсколько секундъ мы ужъ очутились съ ней рядомъ на диванѣ, и моя рука продолжала держать ея руку.

Лицо ея, все такое же бѣлое и свѣтлое, глядѣло на меня съ довѣріемъ и лаской. Глаза говорили, что нечего мнѣ просить прощенья, что меня понимаютъ лучше, чѣмъ я самъ себя разумѣю.

— О себѣ я вамъ ничего не скажу, вымолвила мнѣ она тихо и вдумываясь, точно въ каждое слово. Обо мнѣ рѣчь впереди. Мы вѣдь съ вами увидимся лѣтомъ.

— Приказывайте, приказывайте, повторялъ я, хоть сейчасъ же...

— Нѣтъ, перебила она меня, угадывая мою мысль, поживите на хуторѣ еще съ полгода, приготовьтесь хорошенько, изучите рѣшительно все, что вамъ нужно для успѣха великаго дѣла. Я вашъ союзникъ. Только уговоръ лучше денегъ, впередъ выставляться я не хочу.

Она встала, и аудіенція кончилась. Я вышелъ преисполненный радостью, упреками себѣ, вѣрой въ будущее, *увлеченный* въ самомъ заманчивомъ и опас-

номъ смыслѣ слова. Желая сохранить во всей свѣжести впечатлѣніе этой короткой бесѣды, чудной по неожиданности и содержанію своему, я чуть не тайкомъ скрылся изъ Москвы. Вечеромъ я на-скоро простился съ графомъ, сказалъ ему, что хочу добраться на вторую ночевку до хутора, и выѣхалъ еще до свѣту, въ пять часовъ утра. Я бы долженъ былъ сходить проститься съ графиней, но я этого не сдѣлалъ, собираясь, тайно, объясниться съ ней при свиданіи, а можетъ быть и написать ей объ этомъ. На мысли объ ней я заснулъ въ кибиткѣ, отъѣхавъ уже станцій пять отъ бѣлокаменной. О графѣ я ни разу и не вспомнилъ. Никакого опредѣленнаго чувства не вызвала во мнѣ его личность за все мое житье на Садовой.

XXVII.

Хуторъ вдругъ сталъ для меня ссылочнымъ казематомъ. Въ первый же день, нанюхавшись угара (моя мордовская экономка угощала имъ черезъ день) и лежа со страшной головной болью, я дико осматривалъ бревенчатые углы моей избёнки. Дѣло, то самое *дѣло*, на которое снарядила меня *она*, было тутъ, подъ бокомъ; но мнѣ точно не хотѣлось готовиться одному безъ нея. Да и къ чему я могъ приготовиться? Мужицкую нужду я зналъ, зналъ хозяйство крестьянина, зналъ, что для него воля безъ земельныхъ угодьевъ все равно, что крѣпость. Бо́льшему я не научился бы на хуторѣ. Толковать зря, безъ толку съ «православными»—только смущать ихъ, подставлять ихъ, пожалуй, подъ исправничьи палки; изучать помѣ-

щиковъ-сосѣдей въ этомъ же духѣ—рѣшительно не стоило: я видѣлъ на что́ способенъ майоръ Лессингъ и мягкостелющій Шутилинъ. Въ должностныя лица я не попаду; но придется мнѣ и бороться съ ними. Если я понялъ графиню, она, назначивъ меня «правой рукой» мужа, подчинитъ его моему вліянію. Онъ получитъ, быть можетъ, важное мѣсто по крестьянскому дѣлу. Его голосъ будетъ что-нибудь да значить. И потомъ, у него три тысячи душъ, ихъ онъ можетъ обидѣть или щедро одѣлить,—стало, если сдѣлаться его правой рукой—все поведу *я*.

Да, я такъ ее понялъ, и теперь остается ждать, когда она скажетъ:—пожалуйста, начинайте дѣйствовать». Но къ такой роли я былъ достаточно подготовленъ. Неужели *она* не замѣтила этого? Конечно не замѣтила, и виноватъ я самъ. Вмѣсто того, чтобы спорить съ ней о литературѣ, я бы долженъ былъ разсказать ей: что́ я дѣлалъ въ медвѣжьемъ царствѣ, вошелъ ли я какъ слѣдуетъ въ мужицкую сермягу или нѣтъ?

Графское хозяйство опостылѣло мнѣ. Я велъ его какъ чиновникъ, но вовсе не какъ агрономъ. Спеціальныя книжки не привлекали меня, охота не тѣшила, въ разговорахъ съ пріятелями изъ крестьянъ я былъ до крайности сдержанъ—боялся слишкомъ ихъ обрадовать, да и не надѣялся вполнѣ на то, что кромѣ собственной души они унесутъ что-нибудь изъ барскаго добра. Тѣло мое жило на хуторѣ; но воображеніемъ, мыслью, порывомъ я оставался на Садовой, въ угловой комнатѣ, около той, кто меня такъ побилъ силой, блескомъ, правдой, обаяніемъ своей личности. *Женщина* являлась предо мной ежедневно и ея

мраморный обликъ привлекалъ къ себѣ какъ нѣчто, почти невозможное на Руси, но тѣмъ не менѣе живое, существующее...

Вѣдь я видѣлъ ее, эту графиню Кудласову, бывшую княгиню Дурову, собственными глазами видѣлъ, ощущалъ ее, знаю какими духами она душится, какъ пьетъ чай, какъ куритъ пахитосы; знаю, что у ней сѣрые чулки и туфли съ пунцовыми бантами, красная кацавейка и пуховая лебяжья мантилья. Мало того, я держалъ ее за прекрасные бѣлые пальцы, видѣлъ крупную бирюзу ея кольца, цѣловалъ руку и шепталъ слова прощенья, слышалъ этотъ грудной, вздрагивающій, мягкій и повелительный голосъ. Все это не мечта, не въ романѣ вычитано, а происходило въ Москвѣ, на Садовой, въ собственномъ домѣ и даже не его, а *ея* сіятельства, какъ я самъ прочелъ на воротахъ.

Да, но все это было и исчезло. Предо мной же стоитъ Капитонъ Ивановъ и докладываетъ, что двадцать коровъ, десять тёлокъ и три бычка поставлены на барду «къ господину помѣщику Шутилину».

Какъ я томился въ моемъ бревенчатомъ острогѣ, какою колоссальной глупостью казалось мнѣ мое бѣгство изъ Москвы! Развѣ я не могъ оставаться сколько хотѣлъ, хоть до великаго поста? Графъ былъ въ восхищеніи: стоило только слушать чтеніе его записокъ. Но она меня *отпустила*. Она дала мнѣ прощальную аудіенцію, напутствовала и благословила. А виноватъ все-таки я самъ! Зарекомендуй я себя полнѣе, вѣрнѣе, обстоятельнѣе, она удержала бы меня при графѣ. Изъ этаго круга упрековъ и соображеній я не могъ выбраться. Мнѣ тогда ни мало не совѣст-

но было того рабства, въ какое я вдругъ, по доброй волѣ, окунулся. Точно будто моей личности совсѣмъ и не существовало; а была только *она*, и никого ни выше, ни ниже, ни вокругъ, ни около. Такъ сильны были нравственные удары, нанесенные этой женщиной самомнѣнію самоучки-студента, считавшаго себя и отмѣнно умнымъ, и отмѣнно краснымъ, и отмѣнно суровымъ по части арестократовъ.

«Взяла нотой выше»—вотъ что̀ звучало безпрестанно въ ушахъ; а кровь, нервы двадцати-шести-лѣтняго медвѣжатника додѣлывали остальное вмѣстѣ съ обаяніемъ такого изящества, такой женской смѣлости, такихъ просвѣтовъ въ мірѣ красоты и неожиданности, о которыхъ и не снилось пѣвчему университетскаго хора, хуторскому управителю «изъ ученыхъ», оберъ-офицерскому сыну, не бравшему въ жизнь свою за руку ни одной благообразной дѣвицы, хоть для того только, чтобы протанцовать съ ней контрадансъ.

Впервые познакомился я съ тоской ожиданія; я началъ молча, тупо, сосредоточенно страдать...

XXVIII.

Ровно черезъ мѣсяцъ привозятъ мнѣ письмо изъ города, помѣченное «Москвой». Адресъ былъ написанъ неизвѣстною рукою, твердой и крупной, но тонкой, не мужской; пакетъ запечатанъ графской гербовой печатью.

Письмо начиналось словами: Добрѣйшій Николай Ивановичъ», и кончалось собственноручною подписью: «Графъ Платонъ Кудласовъ». Но все, кромѣ этой подписи, было писано *ея* рукой.

Въ началѣ графъ извинялся, что самъ не можетъ писать по болѣзни и диктуетъ женѣ. Письмо было гораздо менѣе любезно и многорѣчиво, чѣмъ обыкновенно графскія посланія. Но все, что́ въ немъ стояло лестнаго для меня, отзывалось новой, серьёзной симпатіей. Я видѣлъ другія слова и прозрѣвалъ другую личность, которая находила выраженія для мыслей, и подъ самый конецъ письма вдругъ, безъ всякаго предисловія *ея собственное* обращеніе ко мнѣ, шутливое и ободряющее.

Я чуть не десять разъ перечелъ эти строки:

«Хорошенько готовьтесь, писала она, и забудьте до лѣта Москву и Садовую. Графъ и спитъ, и видитъ сдѣлать васъ своимъ *сотрудникомъ*. Отъ васъ зависитъ все остатьное. Не хотите ли для великопостнаго чтенія нѣсколько вещицъ презираемаго вами Бальзака? Я бы прислала. Вы очень понравились моей дочери—поздравляю васъ. За то, что не пришли проститься—не сержусь: понимаю вашу благородную дикость. Вѣдь вамъ не было же стыдно? Вы только не хотите показывать, какая у васъ натура... Все равно, рано или поздно прорвется. До свиданія».

Я задыхался отъ радости. Но отвѣчать я не захотѣлъ. Черезъ графа—вышло бы пошло; прямо ей—она мнѣ не позволяла. Правда, она спрашивала меня: не прислать ли Бальзака, но это—простая шутка. Да я бы, можетъ быть, не захотѣлъ писать ей, еслибъ даже она и намекнула на это. Для меня слаще было сохранить впечатлѣніе ея неожиданной ласки, совершенно такъ, какъ я лелѣялъ свое чувство, послѣ сцены въ голубой комнатѣ, и не пошелъ прощаться.

Ясно было, что графъ не прочитывалъ письма про-

диктованнаго имъ. Она бы не стала обращаться ко мнѣ въ самомъ письмѣ мужа, за нѣсколько строкъ до конца, до подписи его. Что-то новое, неизвѣданное мною, зашевелилось у меня внутри: ощущеніе запретнаго плода, смутное сознаніе сообщничества...

Я ничего и не отвѣтилъ графинѣ; ограничился въ письмѣ къ графу общими заявленіями своей признательности за *ихъ* ласковое гостепріимство. Что́ мнѣ было торопиться? Я вѣдь зналъ, что чрезъ три, много четыре мѣсяца сдѣлается по-моему. Такъ сказала *она*— стало, что-жъ тутъ волноваться. На меня напало какое-то блаженное состояніе духа. Что бы я ни дѣлалъ, я повторялъ фразу графини: «Все равно, рано или поздно—прорвется». Что́ прорвется—я не спрашивалъ моя ли натура, какъ она писала, или та напряженность, которую я такъ грубо выказалъ въ Москвѣ. *Прорвется*, и конченное дѣло! Мной, моей натурой занималась *она*, а я, идя въ первый разъ въ угловую, боялся, что она скажетъ мнѣ, какъ управителю изъ вольноотпущенныхъ: «Какъ у васъ, братецъ, тамъ на хуторѣ?» *Она* дѣлаетъ *мнѣ* конфиденціальныя сообщенія, шутитъ со мною, понимаетъ меня, занимается мной, точно я не Николай Ивановичъ Гречухинъ, а особа изъ Бальзаковскаго романа.

Сладки эти минуты мужского упоенія; устоять передъ ними нельзя никому: ниже Муцію Сцеволѣ, или Катону, Робеспьеру или Сенъ-Жюсту; но что́ лучше: идти безъ рогатины на Мишку, или очертя голову на ласку такой женщины, какую я увидалъ, впервые, у камина—этотъ вопросъ рѣшаютъ только глядя прямо въ глаза смерти, тамъ тѣлесной, тутъ нравственной.

Однако чѣмъ ближе подходила весна, тѣмъ угрю-

мѣе становился я... Я точно чуялъ, что́ меня ждетъ въ селѣ Слободскомъ. Ужъ не воображеніемъ только, а въ заправду прощался я съ одинокой, чистой жизнью хутора, съ моими смѣшноватыми и честными порываніями, съ моей дикостью, упорствомъ, задоромъ и рѣзкостью разночинца. Меня ждала высшая школа, о какой не мечталъ ни одинъ худородный сынъ магистратскаго секретаря...

XXIX.

Но прошло почти все лѣто, а въ Слободское я еще не попадалъ. Графъ по возвращеніи изъ Москвы ѣздилъ въ Петербургъ, прожилъ тамъ долго, писалъ мнѣ оттуда нѣсколько разъ, и все о крестьянскомъ дѣлѣ. Послѣднее письмо быто довольно-таки язвительное. Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ за дворянское сословіе, говоря, что представителемъ «онаго» пришлось отправляться восвояси «не солоно хлѣбавши». Это вульгарное выраженіе стояло въ письмѣ его сіятельства. Онъ какъ бы сбирался пуститься въ нѣкотораго рода оппозицію и «умыть руки», ожидая: «чѣмъ все это кончится». Меня письмо серьёзно мучило. Я ждалъ чего-нибудь отъ графини; но она молчала. Докладывать ей письменно, что его сіятельство изволитъ черезчуръ огорчаться «за дворянское сословіе», я считалъ совершенно неблаговиднымъ, хотя она и объявила себя моей вѣрной союзницей.

По хутору лѣтомъ скопилось больше дѣла, чѣмъ въ рабочую пору прошлаго года. Я цѣлые дни проводилъ въ полѣ и загорѣлъ, какъ головешка. У насъ безъ устали дѣйствовали бутеноповскія молотилки и соло-

морѣзки, сѣялки и вѣялки; но кругомъ, въ крестьянствѣ все ждало, затаивъ дыханіе, и по лютости, съ какой иные помѣщики драли барщину, не трудно было видѣть, что наступила послѣдняя минута рабовладѣльческаго приволья...

И я тоже притаилъ дыханіе. Весь хлѣбъ былъ убранъ, раннiе посѣвы покончены, осень зарумянила лѣсъ, пришелъ управительскій досугъ. Не задолго до Покрова, въ большомъ и очень сладкомъ письмѣ графа, я нашелъ приглашеніе пожаловать къ нему въ Слободское—отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ «страднаго времени». Самъ же графъ не могъ, по нездоровью, пріѣхать на хуторъ. Переписки не было; но я читалъ это словообильное письмо, точно его писала *моя союзница*.

На этотъ разъ, я увезъ съ собой все свое добро: и книги, и ружье, и даже химическую посуду. Съ Капитономъ Ивановымъ и моей экономкой я расцѣловался и ничего не отвѣтилъ на вопросъ Фелицаты:

— Когда прикажите ждать васъ, батюшка Миколай Иваныцъ?

Село Слободское отъ хутора было всего въ ста съ небольшимъ верстахъ, но въ другой губерніи. Ѣхалъ я въ тарантасѣ и на сдаточныхъ. Къ вечеру того же дня добрались мы до графской усадьбы. Памятны мнѣ эти высокіе, побурѣвшіе хоромы съ зеленой крышей и краснымъ бельведеромъ? Какъ теперь вижу ихъ, изъ-за пожелтѣвшей гущи липовыхъ аллей сада, на фонѣ осенняго заката. И тогда у меня сильно забилось сердце, и теперь не могу совсѣмъ совладать съ собою, переживая въ памяти то, что случилось въ этихъ барскихъ хоромахъ.

Мнѣ, видно, на роду было написано: не заставать графа дома. И на этотъ разъ онъ отсутствовалъ. Тотъ же выѣздной лакей доложилъ мнѣ, что «его сіятельство изволили поѣхать верхомъ, на водяную мельницу; а ея сіятельство—*въ боскетной*.

Я сразу-то и не понялъ хорошенько, что это за штука «боскетная«. Но такой я набрался смѣлости, что попросилъ провести меня къ графинѣ. Весь я былъ грязный, и хотя въ передней меня немного обчистили щеткой и вѣничкомъ, но на лицѣ и въ бородѣ сидѣло нѣсколько фунтовъ пыли. На все это я вниманія не обратилъ.

Повели меня черезъ большую длинную столовую въ *угловую* тоже комнату, расписанную садомъ съ «горкой» въ углу, покрытой всякими камешками и раковинами. Вотъ здѣсь-то и была «боскетная». Графъ поддерживалъ эту отдѣлку александровскаго времени.

У окна, въ старинномъ креслѣ, пользуясь послѣдними отблесками заходящаго солнца, нагнулась надъ столикомъ графиня и выводила что-то карандашомъ. Я увидалъ знакомую мнѣ красную кацавейку, шитую золотомъ.

— Здравствуйте графиня! вскрикнулъ я грудью, и шумно подошелъ къ ней.

Мнѣ протянули руку. Я поцѣловалъ быстро, горячо и робко. Когда я поднялъ голову, то встрѣтилъ мгновенную улыбку, за которой слѣдовало тотчасъ же такое строгое выраженіе лица, что у меня индо сердце ёкнуло.

— Ждала васъ съ часу на часъ, заговорила она дѣловымъ, нѣсколько тревожнымъ тономъ. Садитесь и выслушайте.

Я не смѣлъ ее перебить вопросомъ и молча, какъ послушный мальчикъ, присѣлъ къ окну. Глаза мои разглядѣли, мимоходомъ, работу графини: она срисовывала по прозрачной бумагѣ какой-то узоръ.

— Я знаю, продолжала она, выводя рисунокъ узора, что̀ графъ писалъ вамъ. На него тамъ въ Петербургѣ повліяли разные разговоры... Онъ обидѣлся за свое сословіе...

Улыбка проскользнула по ея губамъ.

— Это чувство понятное, точно поправилась она; только оно намъ съ вами невыгодно. Я говорю: намъ съ вами—я вѣдь ваша союзница... Но теперь, въ эту минуту графъ успокоился. Онъ желаетъ только одного, чтобы кто-нибудь, кого онъ очень уважаетъ, напримѣръ вы, поддержалъ его. Ему надо пойти въ члены отъ правительства, какъ только будетъ объявлена воля. Онъ конфузится, повторяетъ фразы, что нужно занять независимое положеніе... Но все это вздоръ. Вотъ въ чемъ дѣло, Николай Иванычъ; я была вамъ вѣрной союзницей и прошу васъ: не тянуть, не деликатничать...

— Въ чемъ же? вырвалось у меня.

— Какъ только графъ предложитъ вамъ другое мѣсто, какое бы ни было, берите его. Вамъ надо сдѣлаться его правой рукой—помните нашъ московскій уговоръ. Если даже роль ваша ограничится тѣмъ, что вы будете вводить волю въ его имѣніяхъ, и то тутъ, для человѣка какъ вы, нѣтъ мѣста лишнимъ деликатностямъ, тутъ дѣло идетъ объ нѣсколькихъ тысячахъ душъ. Не правда ли?

Вопросъ этотъ былъ предложенъ такъ внушительно, что я прошепталъ только:

— Такъ, такъ.

Тѣмъ объясненіе и покончилось. Обо мнѣ она ничего не разспросила и встала съ мѣста. Точно будто мы свидѣлись, чтобы заключить контрактъ и тотчасъ же разойтись въ разныя стороны для дальнѣйшихъ дѣйствій. Я не смѣлъ оглядѣть ее хорошенько, обратиться къ ней, какъ къ доброй знакомой, отыскать въ ней чарующую женщину московской угловой комнаты. Она опять меня держала въ рукахъ; но совсѣмъ иначе, строго, почти сухо, повелительно.

Вѣроятно она увидѣла въ окно, что графъ подъѣхалъ къ крыльцу. Вставъ, она вышла въ столовую и отправилась на встрѣчу ему, даже заторопилась, что́ меня нѣсколько удивило. Она ушла къ нему въ переднюю, а меня оставила въ залѣ, покрытой сверху до низу фамильными портретами. Я всталъ противъ какого-то прадѣдушки въ пудренномъ парикѣ и красномъ мундирѣ и не могъ воздержаться отъ вопроса: «А зачѣмъ же она забѣгаетъ на встрѣчу мужу?»

Общаго разговора втроемъ у насъ не вышло, и она скрылась, сдавши меня съ рукъ на руки графу. Онъ, разумѣется, увлекъ меня въ кабинетъ своихъ праотцевъ съ очень неудобной мебелью, обитой мѣдными гвоздиками, и на этотъ разъ изливался до поздней ночи. Графиня не обманула меня. Онъ только того и ждалъ, чтобы я поддержалъ его въ либеральныхъ замыслахъ: стать рѣшительно на сторону власти и крестьянъ. Проникнуть поглубже въ его сіятельство я не захотѣлъ, потому что онъ собственно очень мало меня интересовалъ. Чувствовалъ я только, что онъ черезчуръ ужъ меня ублажаетъ, словно ему хотѣлось войти мнѣ въ душу и сравняться со мной въ добро-

дѣтели. Его тонъ напоминалъ мнѣ немного Мотю Стрѣчкова, хотя все это прикрывалось барскимъ неглиже́. Я дѣйствовалъ по инструкціямъ графини, и когда онъ громко заявилъ, что «двухлѣтняя моя хуторская дѣятельность даетъ мнѣ право на болѣе крупную роль», я тутъ же бухнулъ ему:

— Готовъ служить всякому честному дѣлу!

— А какое же дѣло, восторженно вскричалъ онъ, честнѣе и выше теперь, какъ не освобожденіе милліоновъ?!

«Хорошо ты, братецъ заряженъ», не безъ злобности подумалъ я, и на другой день считался уже «главноуправляющимъ» имѣніями его сіятельства. Графиня сказала мнѣ одно только слово, съ глазу на глазъ!

— Поздравляю.

XXX.

Все пошло, какъ по маслу. Черезъ недѣлю графъ и спалъ, и видѣлъ, какъ бы ему поскорѣе сдѣлаться вѣрнѣйшимъ исполнителемъ «воли, дарующей человѣческое достоинство милліонамъ». Онъ собрался въ губернскій городъ, а потомъ и въ Петербургъ, чтобы «ощупать почву». Я еще тогда замѣтилъ, что онъ смотрѣлъ на меня вовсе не какъ на молодого мужчину, а какъ на добродѣтельнаго любомудра, не вылѣзающаго изъ управительской кожи. Его, дѣйствительно, тѣшило то, что такой «стоикъ» и «радикалъ», какъ я, дѣлается его сотрудникомъ, раздѣляетъ его великодушныя порыванія.

Графиня такъ цѣнитъ наши достоинства, чуть не каждый день повторялъ онъ мнѣ.

Графиня настаивала на томъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, вступилъ въ исполненіе моихъ обязанностей и заключилъ съ графомъ формальное условіе. Онъ самъ мнѣ это предложилъ, но я хорошо видѣлъ, откуда идетъ его предложеніе. Условіе было написано на три года. Я получалъ по три тысячи рублей въ годъ жалованья. Графъ разчувствовался, когда я ему замѣтилъ, что это слишкомъ большое содержаніе. Моему надзору и руководительству онъ поручалъ не только техническую сторону всего своего хозяйства, но главнымъ образомъ «высшій распорядокъ», введеніе такого «режима» въ барщинскихъ и оброчныхъ имѣніяхъ, который бы «упреждалъ великое событіе». Его сіятельство не только на бумагѣ, но и на словахъ любилъ выражаться высокимъ слогомъ. Онъ далъ мнѣ полную довѣренность и просилъ: составить родъ проекта мѣръ «упреждающихъ великое событіе» къ его возвращенію изъ Петербурга. Обсудивъ съ нимъ этотъ проектъ, я долженъ былъ начать объѣздъ всѣхъ имѣній. Конторскія бумаги и вѣдомости предоставлялись въ мое полное распоряженіе.

Мнѣ становилось совѣстно, глядя на то, какъ графъ увлекался моей личностью. Случаю угодно было, чтобы это увлеченіе поднялось еще на нѣсколько градусовъ.

День отъѣзда графа въ губернскій городъ былъ уже назначенъ. Передъ обѣдомъ, я пошелъ побродить съ ружьемъ въ ближайшихъ островкахъ, не подвернется ли гдѣ бѣлячекъ—благо лѣсъ уже совсѣмъ почти оголился. Бѣлячка я не повстрѣчалъ, а подстрѣлилъ одну какую-то несчастненькую пичужку такъ, что совѣстно было и въ сумку класть. На возвратномъ пути про-

ходилъ я мимо пруда, обставленнаго двумя рядами старыхъ кленовъ. Красножелтые листья густо покрывали выгорѣвшій дернъ. Осенній свѣтъ игралъ по сучьямъ деревьевъ съ торчавшими кое-гдѣ листьями. Мѣстечко такъ показалось мнѣ, что я присѣлъ подъ одинъ изъ кленовъ и закурилъ папиросу. У самаго пруда что-то бѣлѣлось. Я воззрился по-охотничьи и увидалъ дочь графини — Наташу. Она гуляла съ гувернанткой; но миссъ поотстала и ее чуть видно было изъ-за толстыхъ стволовъ.

Дѣвочка двигалась въ моемъ направленіи. Я ей поклонился. Она улыбнулась и, поравнявшись со мною, остановилась: на лицѣ ея я прочелъ и смущеніе, и желаніе заговорить.

— Васъ зовутъ Наташей? спросилъ я ее.

— Наташа, повторила она точно съ какимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Правда-ли, продолжалъ я, разсматривая ея блѣдное, бѣлокурое, необычайно-мягкое личико, что вы меня полюбили?

Вопросъ этотъ вырвался у меня безъ всякаго приготовленія. Дѣвчурку мнѣ стало жаль. Я видѣлъ, что и здѣсь, въ деревнѣ, мать не была съ ней нѣжнѣе. Ея рѣзкое несходство съ нею еще разъ меня поразило.

Наташа вспыхнула: и уши, и за ушами—все покрылось алой краской.

— Да, прошептала она и стала ко мнѣ бокомъ.

— Ну, такъ будемъ друзьями, сказалъ я весело и взялъ ее за руку.

Она обернулась быстро. На большихъ ярко-голубыхъ глазахъ блистали двѣ слезинки. Я ее поцѣловалъ и чувствовалъ, какъ горячо ея губки прильнули

къ моей мохнатой щекѣ. Ребенокъ размягчилъ меня чуть не до слезъ.

— Вы хорошій, шептала она, отдѣлившись отъ меня пугливымъ движеніемъ.

Я видѣлъ, что она затрудняется говорить по-русски.

— Васъ много учатъ? спросилъ я.

— Миссъ Уайтъ учитъ.

— А по-русски?

— Мàма начала.

— Вы боитесь мàмы?

— Да, прошептала она и даже поблѣднѣла.

Меня это непріятно кольнуло, и я воздержался отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

«А чтобы тебѣ заняться съ ней», промелькнуло въ моей головѣ.

— У меня станете учиться? вслухъ выговорилъ я.

— О да! вздохнула радостно дѣвочка.

Я всталъ и подалъ ей руку. Мы пошли къ дому и у воротъ повстрѣчались съ графомъ.

Онъ издали видѣлъ насъ и особенно крѣпко пожалъ мнѣ руку, ни съ того, ни съ сего.

— Вы друзья? спросилъ онъ, обращаясь къ намъ обоимъ.

— Да, смѣло вскричала Наташа и потянулась обнять графа.

Онъ поднялъ ее на руку и нѣсколько разъ горячо поцѣловалъ. Вѣтерокъ раздувалъ ея песочные локоны, щечки раскраснѣлись. Дѣвочка была прехорошенькая.

Подоспѣла англичанка и увела ее.

— Золотое у васъ сердце, сказалъ мнѣ графъ, съ дрожью въ головѣ. Ему какъ будто хотѣлось объ чемъ-то излиться, но надо было идти обѣдать.

Мы всѣ: и онъ, и я, и Наташа присмирѣли, отправляясь предъ особу ея сіятельства.

XXXI.

Но отъѣздъ графа затянулся. Я не могъ понять, почему. Онъ каждое утро просилъ меня къ себѣ въ кабинетъ поздно, часовъ въ одиннадцать. Лицо его казалось мнѣ осунувшимся и голосъ слабѣе и хриплѣе обыкновеннаго. Я не считалъ умѣстнымъ разспрашивать его о здоровьѣ. Съ графиней я тоже не вдавался въ разговоры: дѣла по конторѣ нашлось не мало, да и сама графиня не поощряла меня къ пріятельскимъ бесѣдамъ. Это даже коробило меня нѣсколько.

Хоромы въ Слободскомъ устроены съ такими же антресолями, какъ и графскій домъ на Садовой. Посрединѣ идетъ темный корридоръ, откуда витая, темная же, лѣстница поднималась въ мое помѣщеніе. Сойдя съ нее на лѣво, въ углу корридора дверь ведетъ на площадку, отдѣляющую кабинетъ графа отъ спальной и уборной графини.

Я собрался совсѣмъ спать у себя наверху, просидѣвъ долго надъ книжкой журнала. Въ домѣ всѣ ужъ улеглись. Только изъ залы доносился тяжелый стукъ маятника въ старинныхъ часахъ, приставленныхъ къ углу.

Мнѣ захотѣлось испить квасу. У меня въ комнатѣ его не случилось. Задумалъ я спуститься тихонько внизъ, въ туфляхъ дойти до буфета, и отыскать тамъ графинъ съ квасомъ. Я захватилъ съ собою спички и свѣчку; но зажечь ее сбирался только въ буфетѣ, чтобы не испугать кого свѣтомъ.

Спустился я, благополучно добрался до буфета, зажегъ тамъ свѣчу, открылъ шкафъ, досталъ графинъ съ квасомъ и напившись, тѣмъ же путемъ двинулся назадъ, задувъ опять свѣчу.

Я уже добрелъ до столба витой лѣстницы и занесъ-было ногу, какъ вдругъ изъ двери, ведущей на площадку, показался свѣтъ, и я ясно увидалъ двѣ фигуры на темномъ фонѣ стѣны. То, что́ я разсмотрѣлъ и о чемъ мгновенно догадался, такъ на меня подѣйствовало, что я, притаивъ дыханіе, совсѣмъ замеръ, и еще съ минуту не могъ двинуться послѣ того, какъ видѣніе уже скрылось.

Вотъ что́ я увидалъ: графиня, въ бѣломъ узкомъ пеньюарѣ, въ «убрусѣ» (какъ она потомъ называла его мнѣ), со свѣчей въ рукѣ, вела мужа своего изъ кабинета въ спальню, поддерживая его подъ мышку. Я говорю *вела*, но слѣдовало бы сказать: *тащила*. Графъ волочился, съ мертвеннымъ лицомъ, закатившимися глазами и волосами на лбу.

Сомнѣнія не могло быть никакого: графиня влекла мертвецки-пьянаго человѣка. Я водился съ испивающими товарищами, и ошибиться мнѣ было трудно.

Тутъ же, какъ только я сказалъ самъ себѣ, что онъ безчувственно пьянъ, я сейчасъ и припомнилъ все: и случай на хуторѣ, и встрѣчу въ передней московскаго дома, и наконецъ этотъ болѣзненный видъ и позднее вставанье за послѣдніе пять-шесть дней. Не жалость, а злорадство, брезгливость, надменное омерзѣніе овладѣли мной, какъ только прошелъ первый моментъ изумленія. Вторая моя мысль обратилась къ *ней*. Ея образъ строгій, прекрасный, съ печатью скорби пронесся предо мной опять совершенно такъ, какъ

онъ прошелъ мимо меня по площадкѣ къ рамкѣ узкой корридорной двери. Я, взобравшись къ себѣ наверхъ, всплеснулъ руками и съ умиленіемъ прошепталъ:

— Святая мученица!

Я бросился бы къ ея ногамъ, еслибъ она стояла предо мною. И какъ я грозно каралъ самого себя, вспомнивъ, что кинулъ ей прямо въ глаза дерзкій, нахальный намёкъ. Она, навѣрно, помнила просьбу: перевести поточнѣе французскую фразу: femme à crime. Не подозрѣвать ее, а преклоняться передъ ея горемъ, передъ гордой нравственной мукой, передъ тайнымъ униженіемъ, которымъ отравляется ея супружеская жизнь—вотъ что́ я долженъ былъ дѣлать.

И всѣмъ этимъ я преисполнился за одну ночь. Сходя утромъ внизъ, я чувствовалъ въ себѣ не безсловеснаго раба ея, но благоговѣйнаго союзника, страдающаго за нее каждымъ біеніемъ своего пульса. Не будь у меня никакой иной цѣли, я только для того остался бы въ этомъ домѣ, чтобы охранять ее, чтобы быть всегда на-готовѣ: броситься туда, куда она прикажетъ...

Цѣлый день я молчалъ и всматривался исподлобья въ то, что́ творилось вокругъ меня. Графъ показался только къ обѣду. Она была невозмутима, и я не смѣлъ глядѣть на нее пристально. На весь вечеръ я ушелъ въ контору и ночью жадно прислушивался къ малѣйшему шуму, но ничто не шелохнулось внизу на площадкѣ.

Когда, на слѣдующій день, графъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, я съ замѣтной брезгливостью подалъ ему руку и много-много процѣдилъ два-три слова; а онъ разглагольствовалъ битыхъ три часа, вводя меня въ свои высшія идеи. Я несказанно обрадовался од-

ному: услыхавъ изъ устъ его сіятельства, что отъѣздъ его назначенъ черезъ два дня безотлагательно.

Чрезъ два дня онъ, дѣйствительно, уѣхалъ.

XXXII.

Мы очутились *вдвоемъ*. Я съ трудомъ скрывалъ свою радость. Должно быть, лицо мое такъ неприлично сіяло, что графиня въ первое же послѣ обѣда замѣтила мнѣ:

— Погода начала хмуриться, но это на васъ нисколько не дѣйствуетъ: завидный у васъ характеръ, Николай Иванычъ.

Мы бесѣдовали въ боскетной. Эта древняя хоромина замѣнила графинѣ ея голубую комнату на Садовой.

Тутъ только я дерзнулъ взглянуть на нее. Въ моемъ взглядѣ она, навѣрно, прочла все мое безпредѣльное преклоненіе передъ ея личностью, все сочувствіе ея тайному горю, внезапно открытому мною.

Она тоже поглядѣла на меня какъ будто строго; но въ ея зеленыхъ, глубокихъ глазахъ я прочелъ не строгость, а что-то, бросившее меня въ краску. (Краснѣть и теперь еще не отучился совсѣмъ).

— Вы ужъ подружились съ Наташей? вдругъ спросила она.

— Не знаю какъ, графиня, выговорилъ я глуповатымъ тономъ, но я бы очень хотѣлъ попасть въ ея друзья: она такая славная у васъ.

Чуть замѣтная гримаса проскользнула по ея губамъ.

— Ее бы надо учить русской грамотѣ, да у меня терпѣнья нѣтъ, небрежно промолвила она.

— У васъ-то?! вскричалъ я невольно.

Она улыбнулась и отвѣтила съ удареніемъ:

— На другое найдется, но на это нѣтъ.

— Что-жъ, графиня, обрадовался я, мнѣ приводилось не разъ учительствовать, терпѣнье у меня есть... вы бы меня осчастливили...

— Слишкомъ что-то сладко, Николай Иванычъ, счастье небольшое: моя дочь, кажется, не съ очень быстрой головой... Начните, если у васъ достанетъ времени.

И тотчасъ же она перешла къ дѣловой темѣ, какъ бы желая показать мнѣ, что не слѣдуетъ забывать про главную цѣль, стоящую выше всякихъ Наташъ.

Она мнѣ сообщила, что графъ уѣхалъ совершенно довольный мною и готовъ безусловно одобрить всѣ мои распоряженія.

Пришлось *докладывать* ей, какъ я думаю повести дѣло постепеннаго уничтоженія барщины и подготовлять крестьянскую общину къ волѣ и пользованію земельными угодьями. Я не побоялся даже сразу закинуть надежду: что, быть можетъ, графъ подаритъ имъ кое-какую землицу не въ счетъ выкупа, о которомъ тогда уже толковали, а то такъ и просто откажется отъ выкупа.

— Приведите его къ этому, сказала графиня сдержанно, что-нибудь онъ сдѣлаетъ. Я не прочь подѣлиться съ крестьянами въ моихъ имѣньяхъ.

Я вопросительно поглядѣлъ на нее.

— Вамъ извѣстно, Николай Иванычъ, что графъ поручилъ вамъ только свои имѣнья. Я въ сторонѣ. Мнѣ, какъ вашей союзницѣ, не пристало пользоваться вашими услугами. Но все, что вы сдѣлаете какъ распо-

рядитель имѣній графа, то пригодится и моимъ крестьянамъ.

Я тогда не совсѣмъ понялъ эту деликатность; но полный смыслъ ея словъ вскорѣ открылся.

Мое главноуправительство получало для меня двойную цѣну: идти прямымъ путемъ къ самой лучшей цѣли, какую только могъ имѣть человѣкъ въ моемъ положеніи, и сближаться этимъ самымъ съ женщиной, предъ которой я такъ всецѣло преклонялся.

Вечеромъ того же дня, возвращаясь изъ конторы, я остановился въ корридорѣ передъ дверью въ залу. Оттуда неслись звуки рояля. Играла графиня. Въ Москвѣ я ни разу не слыхалъ ея игры, не обращалъ даже никакого вниманія на инструментъ, стоявшій въ залѣ. Музыка была для меня до той минуты terra incognita, а порыванія къ ней таились во мнѣ, даже въ предѣлахъ моего убогаго пѣвчества.

На цыпочкахъ вошелъ я и прислонился къ стѣнѣ, за печкой, бросавшей длинную тѣнь на полъ полуосвѣщенной залы. Звуки, выходившіе изъ-подъ пальцевъ графини, защекотали меня неиспытаннымъ еще ощущеніемъ. Въ нихъ было что-то милое, игривое, точно какой задушевный разговоръ, прерываемый шуткой и тихимъ смѣхомъ, гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку зимнимъ или осеннимъ вечеромъ. Пьеса скоро оборвалась. Графиня перевернула листъ тетради, сдѣлала небольшую паузу и заиграла совсѣмъ другое: тихое, широкое, уносившееся неизвѣстно куда, безконечную какую-то грёзу, въ которой звуки переливались чуть слышно и тонули въ дрожаніи неопредѣленныхъ и сладкихъ отголосковъ.

У меня защемило на сердцѣ и небывалыя слезы

выступили нежданно-негаданно на глазахъ. Я закрылъ ихъ. Смолкли звуки и больше не возобновлялись.

— Кто тамъ? окликнулъ меня знакомый голосъ, отъ котораго я чувствовалъ каждый разъ внутреннюю дрожь.

Я вышелъ изъ своего темнаго угла.

— Это вы, Николай Иванычъ? какъ притаились! Вы охотникъ до музыки?

На эти вопросы я только отвѣтилъ:

— Что вы такое играли, графиня?

— Это—Шуманъ.

Для меня имя Шумана было тогда—пустой звукъ.

— А самая-то пьеса. что́ такое?

— Первая называется am Kamin—у камина.

— Такъ и есть. обрадовался я заглавію.

— А вторая называется Träumerei.

— Грёзы, перевелъ я вслухъ.

— Вы по-нѣмецки знаете?

— Маракую.

Съ чистосердечіемъ ребенка сознался я графинѣ. что въ музыкѣ—круглый невѣжда; а теперь увидалъ, какъ она на меня сильно дѣйствуетъ. Не скрылъ я ей и комическаго эпизода моего пѣвчества.

Вы все-таки пѣли? спросила она съ интересомъ.

— Смѣху подобно и вспоминать. сказалъ я и разсмѣялся.

Мнѣ было въ эту минуту особенно какъ-то весело.

— Дайте попробовать. какой у васъ голосъ.

Она положила на пюпитръ переплетенную тетрадь и развернула страницу.

— Вы знаете ноты?

Оказалось, что я могу разбирать только басовый

ключъ, да и то по семинарскимъ каракулькамъ. Графиня все-таки изловчилась заставить меня «просолфировать».

У васъ очень пріятный и даже сильный баритонъ, сказала она послѣ испытанія. Грѣшно оставлять его безъ обработки. Голосъ — первый даръ человѣка. Я цѣлыхъ три года билась — и ничего не могла выкричать.

— Вы, графиня? спросилъ я удивленно, у васъ такой густой, звучный голосъ.

— Да, въ разговорѣ; а въ пѣніи ничего не выходитъ: это бываетъ. А вамъ надо пѣть. Я вамъ буду акомпанировать и направлять васъ, насколько съумѣю, вотъ мы и поквитаемся: вы будете скучать съ Наташей...

— А вы со мною? позволилъ я себѣ довольно-таки плоскую игривость.

— А я съ вами, повторила она, и стала акуратно складывать ноты и закрывать рояль.

Все это дѣлалось съ невозмутимымъ спокойствіемъ; но я поднялся къ себѣ на верхъ, какъ въ чаду, благословляя свой «баритонъ» и свое суденческое пѣвчество.

XXXIII.

Пѣніе повело за собою и другіе уроки. Графиня нашла, что мнѣ слѣдуетъ познакомить съ итальянскимъ языкомъ, хоть настолько, чтобы читать тексты романсовъ и арій. За итальянскимъ пошелъ и французскій. Меня заставили прочитать вслухъ нѣсколько строкъ изъ какого-то романа. Произношеніе у меня

было убійственное. Я выговаривалъ почти всѣ буквы словъ и съ носовыми звуками, въ родѣ «on», никакъ не могъ совладать. Но учительница моя съ невозмутимымъ лицомъ поправляла меня и доказывала, что я до тѣхъ поръ не выучусь порядочно языку, пока не образую свой слухъ.

Я долженъ былъ съ ней безусловно согласиться.

Наташа оказалась совсѣмъ не такая тупица, какъ предваряла меня графиня. При урокахъ моихъ обыкновенно присутствовала и миссъ Уайтъ. Она тоже пожелала заниматься со мною по-англійски, должно быть, по распоряженію графини. По крайней мѣрѣ главная моя учительница, проэкзаменовавъ меня по части англійской литературы, въ которой я оказался крайне невѣжественъ, заявила то мнѣніе, что учиться языку никогда не поздно. Я и съ этимъ согласился.

Всѣ мои вечера были биткомъ набиты уроками, какъ у самаго прилежнаго школьника; утромъ я училъ Наташу и съ полудня до обѣда сидѣлъ въ конторѣ. Съ графиней мы проводили цѣлые вечера; но я ее все-таки *не видалъ*. Со мной занималась старшая сестра-воспитательница, показывающая мнѣ азы; но женщина, мать, жена, чувствующее и страдающее существо не открывалось мнѣ ни въ одномъ звукѣ, ни въ одномъ жестѣ, ни въ одномъ намёкѣ.

Черезъ недѣлю я задыхался отъ этой жизни съ глазу на глазъ, гдѣ все время шло на обученіе меня пѣнію и французскому произношенію. Каждую ночь я, ворочаясь въ постелѣ, спрашивалъ съ плачемъ въ голосѣ:

«Но зачѣмъ же эта женщина затаиваетъ такъ свое

горе и униженіе? Къ чему эти молчаливыя, гордыя страданія? Развѣ бы ей не было легче, еслибъ она хоть однимъ словомъ приблизила къ себѣ человѣка, который чуть не молится на нее».

Потомъ я упрекалъ самого себя въ тупости, въ неумѣніи обращаться къ ней съ живою рѣчью, затронуть въ ней симпатичную струну. Но упреки эти ни къ чему не вели. Она такъ наполняла всѣ семь часовъ осенняго вечера, что было бы совсѣмъ некстати прерывать наши занятія какимъ-нибудь постороннимъ вопросомъ. Отъ графа писемъ не приходило — стало-быть и этотъ сюжетъ не стоялъ еще на очереди.

Наступилъ восьмой день нашего уединеннаго житья въ слободскихъ хоромахъ. Только-что кончился урокъ итальянскаго чтенія. Графиня пошла въ залу черезъ темную гостиную, а я остался въ боскетной, гдѣ тускло горѣла лампа подъ абажуромъ. Мнѣ слѣдовало двинуться за учительницей, такъ какъ должны были начаться мои вокальныя упражненія, но я не шелъ. На жесткомъ старинномъ диванчикѣ сидѣлъ я, свѣсивъ голову и кусая ногти: признакъ высшаго душевнаго разстройства моей деревянной особы. Въ залѣ раздались раскаты аккордовъ. Проиграна была цѣлая прелюдія; а я все не двигался.

Меня окликнули изъ залы. Я не двигался.

Это не было озорство или предумышленная тактика — нѣтъ: я слишкомъ преклонялся тогда передъ графиней. Но я рѣшительно не могъ идти въ залу, становиться за ея табуретомъ и начинать голосить: ре-ми-фа-ре-соль-си-ля!

Раздались шаги и шелестъ платья. Я не поднималъ головы. Съ порога меня спросили:

— Что́ съ вами, Николай Иванычъ? Вы развѣ забыли про урокъ?

Я молчалъ, и только длинная борода моя вздрагивала на груди отъ тяжелаго и учащеннаго дыханія.

— Что́ съ вами? повторила она, подходя къ диванчику и вглядываясь въ мое лицо. Вамъ дурно?

— Простите, графиня, выговорилъ я полушепотомъ, я этакъ не могу.

— Не можете—чего? изумленно переспросила она.

Вы страдаете, заговорилъ я тверже, поднимая голову; я знаю: какова ваша доля. Конечно, я не сто́ю еще вашего довѣрія; но я не хочу и васъ обманывать...

Она вся вздрогнула и стремительно перебила меня:

Я вамъ очень довѣряю, Николай Иванычъ. Развѣ вы не видите, какъ мы съ вами скоро сошлись. Я знаю: у меня сухая манера; но вы не обращайте на нее вниманія—прошу васъ.

Въ голосѣ заслышались почти нѣжные звуки. Я испугался своей выходки, но настолько овладѣлъ собою, что всталъ и совершенно твердо выговорилъ:

— Есть такія минуты, графиня, когда самый прилежный ученикъ оттягиваетъ часъ урока — извините меня.

Она ничего не отвѣтила и только пристально поглядѣла на меня. Я выдержалъ этотъ взглядъ: въ немъ я ничего не прочелъ.

Весь урокъ пѣнія она не промолвила ни слова.

XXXIV.

Слѣдующіе два дня прошли очень напряженно. Графиня обходилась со мною все также, но я чувствовалъ себя виновнымъ. Оправдываться я не сталъ. Сцена въ боскетной вышла, помоему, такъ нелѣпа, что лучше было и не намекать на нее.

На третій день, графиня не явилась къ обѣду; прислала сказать горничную, что у ней болитъ голова, но что «если мнѣ угодно», то я могу придти заниматься въ ея уборную.

Если мнѣ угодно: мнѣ и за обѣдомъ-то кусокъ не шелъ въ горло, хотя Наташа занимала меня своей милой болтовней, а англичанка старательно переводила мнѣ по-англійски каждое названіе кушаній и каждую вещь на столѣ. Горничную я тотчасъ же попросилъ доложить ея сіятельству, что я боюсь ее утомить, но явлюсь, съ ея позволенія, узнать о здоровьѣ.

Ужъ не знаю, въ какихъ словахъ передала она мою тяжелую фразу, только когда я вошелъ въ уборную, графиня, сидѣвшая въ большихъ креслахъ, оглядѣла меня и спросила:

— А книги вы забыли?

Я объяснилъ ихъ отсутствіе боязнью утомить ее.

— Полноте, возразила она шутливо, вы совсѣмъ, я вижу; излѣнились. Мигрень не помѣшаетъ мнѣ заняться съ вами.

Надо было повиноваться; но вѣроятно лицо мое такъ жалобно сморщилось, что она разсмѣялась, и указывая мнѣ рукой на стулъ, сказала:

— Ну, ужъ Богъ съ вами, на сегодня прощаю вамъ урокъ. Присядьте.

Въ эту уборную я еще не проникалъ. Она была рядомъ съ спальней ихъ сіятельствъ. Графиня оставила ее съ старомодной обстановкой, съ золотыми стрѣлами поверхъ гардинъ и люстрой въ видѣ чернаго амура съ позолотой. Все это я довольно обстоятельно оглядѣлъ, подавляя и скрывая свое волненіе.

Она вытянулась въ креслѣ. На ней былъ тотъ самый бѣлый пеньюаръ, который я видѣлъ на площадкѣ. Это меня привело еще въ бо́льшую тревогу. Видно я такъ поблѣднѣлъ, что она спросила меня:

— Что́ съ вами, Николай Иванычъ, зачѣмъ вы все такъ волнуетесь? Вы что-то начали тогда, въ боскетной, говорить обо мнѣ... лучше бы вы повѣрили ваше горе... Какой вы, право, странный. Видно жили мало. Вамъ который годъ?

— Двадцать семь, проговорилъ я машинально и стараясь не глядѣть на нее.

— Вы потеряли кого-нибудь?—Любимую женщину?

— Никакой любви у меня не было, отвѣтилъ я чуть не со злостью.

— Никакой? спросила она глухимъ голосомъ.

Въ комнатѣ начало смеркаться: былъ пятый часъ. Я продолжалъ сидѣть на стулѣ въ жесткой, напряженной позѣ, не зная куда мнѣ обратить глаза.

— Вы все такой же Николай Иванычъ, продолжала она медленно, и каждое ея слово отдавалось во мнѣ; такой же, какой были въ Москвѣ, когда я вамъ предложила свой союзъ. Правда, или нѣтъ?

— Нѣтъ, графиня! вскричалъ я съ испугомъ, я не тотъ, не тотъ. Тогда я былъ неблагодарный звѣрь,

глупый, пошлый, я кичился передъ вами Богъ знаетъ чѣмъ; а теперь, теперь...

Я не могъ докончить. Меня всего забила лихорадка. Въ эту минуту я былъ ужъ на ногахъ. Графиня тоже поднялась, и ея бѣлый обликъ слѣпилъ мнѣ глаза.

— Теперь что̀ же? шопотомъ спросила она.

— Теперь я живу вами и для васъ...

Слова сорвались и застыли на губахъ. Я закрылъ глаза. Но вдругъ меня всего потрясло и схватило за горло что-то необычайное, странное по своей неожиданности и нестерпимому блаженству: шею мою обвили двѣ руки, и губы, трепетныя, прохладныя, полувлажныя, цѣловали меня...

Я вскрикнулъ и подался назадъ: меня объяло настоящее помраченіе разсудка. Ничего, ничего я не помню, кромѣ какого-то особаго страданія, да, страданія, переполнявшаго меня среди невыносимыхъ ласкъ. Я отдавался припадку первой, роковой, цѣломудренной страсти, гдѣ наслажденіе равняется боли, гдѣ слезы смѣшаны съ дикими порывами безумной радости...

Когда я вернулся къ смутному сознанію, чьи-то уста въ сумракѣ тихо говорили:

— Люби, люби, лучше этого ужъ ничего нѣтъ въ жизни; зажмурь глаза на все, и знай, что двухъ молодостей не бываетъ.—Ты такой чистый!.. Тебѣ надо любить!

Я все еще не понималъ: чей это голосъ, гдѣ я, что̀ со мной случилось, и съ новымъ испугомъ схватился за голову. И когда я разглядѣлъ: чье лицо прильнуло къ моему, я зарыдалъ и рыдалъ долго, молча, опустившись на полъ передъ нею и прижимаясь къ ея колѣнямъ.

— Успокойтесь! сказали мнѣ твердо и звучно, и пойдемте въ залу.

— Въ залу, сейчасъ? безсильно прошепталъ я.

— Да, мой другъ, я вамъ поиграю Шумана. Уроковъ сегодня не будетъ.

XXXV.

Было бы позволительно обезумѣть отъ полноты нежданнаго счастія. Я — управляющій изъ камералистовъ, хмурый, неуклюжій, скучный, казенный—обладалъ такой женщиной, какъ графиня Кудласова. И *надо* было обладать ею, да *надо:* иначе такія натуры остаются загадками, томительно раздражающими васъ до изнеможенія, до полнаго паденія силъ, если только поддаться страсти; а не поддаться ей нельзя было.

Но съ перваго же дня я позналъ ту истину, что обладатель такой женщины не перестаетъ быть ея подданнымъ, именно подданнымъ: слово «рабъ» и слишкомъ пошло, да и невѣрно. Такъ допускаютъ до себя «любимцевъ». Только въ минуту забвенія, какъ писали въ старыхъ повѣстяхъ, та женщина принадлежитъ вамъ. Она можетъ считать себя вашимъ другомъ, но подданство ваше отъ этого не исчезаетъ. Въ тотъ же вечеръ я уже видѣлъ, что графиня нисколько не притворяется, не принимаетъ со мною подставнаго тона *при людяхъ.* Нѣтъ, такой она осталась нѣсколько лѣтъ. Она нисколько не притворялась, говоря мнѣ «вы, Николай Иванычъ» и бесѣдуя со мною во всеуслышаніе о разныхъ разностяхъ. На «ты» мы съ ней не были никогда и по сіе время не не состоимъ. Она постаралась, молча, безъ всякихъ

лишнихъ объясненій показать мнѣ, какъ пойдетъ наша жизнь въ Слободскомъ. Эта жизнь не должна была ничѣмъ разниться отъ того, что̀ было до сцены въ уборной. Точно также я давалъ утромъ урокъ Наташѣ, завтракалъ вмѣстѣ, потомъ я шелъ въ контору оттуда обѣдать; а послѣ обѣда начиналось мое обученіе пѣнію и языкамъ. Во время уроковъ никакой ласки, никакого страстнаго взгляда графиня не позволяла себѣ. Она занималась со мною усердно, кротко, добродушно, говорила постороннія вещи и не задавала мнѣ почти никакихъ интимныхъ вопросовъ. Спрашивать ее о чемъ-нибудь—я не смѣлъ. Такъ-называемыхъ «лирическихъ порывовъ» она точно и не знала совсѣмъ: ни возгласовъ, ни вздоховъ, ни нѣжныхъ именъ, ничего... Но мнѣ было хорошо около нея: я чувствовалъ въ ней что-то могучее, искреннее, смѣлое, *благосклонное*. Вотъ это слово—самое подходящее къ тогдашнему моему ощущенію.

За то одна минута настоящихъ ласкъ приводила меня въ то же полубезуміе, какое я испыталъ, когда двѣ руки впервые обвили мою шею.

Но не больше, какъ чрезъ недѣлю, въ одну изъ такихъ минутъ—я не выдержалъ и назвалъ ее «мученицей».

Она даже разсмѣялась и шутливо спросила меня: «Это почему такъ?»

Я разсказалъ ей все, что̀ видѣлъ ночью изъ коррридора.

Лицо ея тотчасъ же затуманилось, но нисколько не измѣнившимся тономъ она отвѣтила:

— У графа бываютъ припадки: но онъ лечится, и вылечится.

Какіе «припадки»? она мнѣ не объяснила и дальше объ этомъ разговоръ не пошелъ.

«Онъ вылечится». Стало-быть, онъ не пьяница, стало-быть, она не терпитъ униженія: вотъ что я узналъ, и это меня не особенно утѣшило. Всякій разговоръ на тему нравственныхъ страданій дѣлался нелѣпымъ, а если и можно было заговорить, такъ о страданіяхъ мужа.

Я переживалъ тотъ періодъ страсти, когда ни одинъ любовникъ не думаетъ о мужѣ, особливо если его нѣтъ на глазахъ. Ни единой мысли о томъ: *что мы дѣлаемъ*, мнѣ не явилось. Графиня похвалила меня потомъ за такой крѣпкій сонъ совѣсти: она объясняла его моей «неиспорченной натурой».

Чтожъ, я въ самомъ дѣлѣ былъ неиспорченъ; но далеко не ушелъ съ моей «натурой». Я продолжалъ не думать о графѣ. Графиня получала отъ него письма, но ничего мнѣ объ нихъ не говорила: точно будто мужа и на свѣтѣ нѣтъ. Съ каждымъ днемъ она становилась усерднѣе въ обученіи меня всякой всячинѣ.

Въ библіотекѣ Слободскихъ хоромъ она подвергла меня еще новому испытанію: вынула большую коллекцію гравюръ и начала просматривать ихъ со мною. Тутъ я выказалъ такую же невѣжественность, какъ и по части музыки. Только по слухамъ зналъ я имена Рафаэля, Микель-Анджело, Рубенса; копій никакихъ не видалъ и ничего не читалъ объ искусствѣ: мои товарищи были такого же художественнаго образованія—стало-быть, особенно стыдиться не приходилось, да мое чувство къ графинѣ уже не знало щекотаній самолюбія. Цѣлыя лекціи выслушалъ я въ библіотекѣ,

разсматривая коллекціи и альбомы. Все, что говорила графиня, было такъ ново для меня, и она съ такимъ умѣньемъ и охотой вводила ученика въ пониманіе красоты, что ему слѣдовало родиться идіотомъ, чтобы не получить вкуса къ изящному. Каждая знаменитая статуя или картина наводили ее на личныя воспоминанія; она успѣла вездѣ побывать: и въ Дрезденѣ, и въ Парижѣ, и въ Мюнхенѣ, и во Флоренціи, и въ Римѣ, и даже въ Гагѣ. Слушая ее, я такъ и видѣлъ предъ собою и тотъ диванчикъ, съ котораго англичанки смотрятъ на Сикстинскую Мадонну, и круглую комнату флорентинскихъ Уффицій, и вертящуюся на пьедесталѣ капитолійскую Венеру, и ватиканскую нишу Лаокоана, и тотъ плохенькій застѣночекъ на виллѣ Людовицы, гдѣ стоитъ голова Діаны, и скромныя комнаты голландскихъ музеевъ, куда записные любители пріѣзжаютъ постоять передъ «Быкомъ» Поль-Поттера, «Ночнымъ Дозоромъ» Рембрандта и «Банкетомъ аркебузировъ» Фанъ-деръ-Гольдта. Къ инымъ, совершенно мнѣ неизвѣстнымъ мастерамъ, учительница моя заставила меня особенно привязаться. Мурильо, *большіе и малые* голландцы сдѣлались моими пріятелями. Черезъ двѣ недѣли я уже говорилъ фразы въ родѣ такой:

— Какъ хорошъ этотъ *Вуверманчикъ!*

Еслибъ насъ въ пѣвческой спросили: кто былъ Вуверманъ, мы бы не могли и фамиліи-то такой выговорить. А графиня сообщила мнѣ даже, что Вуверманомъ его называютъ по французскому произношенію; а по-голландски-де—его произносятъ: *Вауэрменъ.*

У большого круглаго стола библіотеки, гдѣ меня такъ наглядно и легко просвѣщали во всемъ, что че-

ловѣчество создало прекраснаго, я предавался особаго рода страстному и почти благоговѣйному созерцанію. Созерцалъ я ее, т.-е. женщину, бывшую моей просвѣтительницей. Какъ она входила въ свою наставническую роль! Точно будто затѣмъ только мы съ ней и сошлись; а между тѣмъ она же отдавалась мнѣ такъ смѣло и пылко, ея уста цѣловали меня, ея руки обвивались вокругъ моей шеи. Я заново, еще сильнѣе, еще безраздѣльнѣе преклонялся предъ этой личностью. Ея *дѣятельность* просто изумляла меня, какъ нѣчто необычайное въ русской барынѣ. Каждый урокъ былъ новымъ доказательствомъ силы и даровитости ея натуры. И все это шло — на одного меня... было съ чего обезумѣть.

XXXVI.

— Графъ будетъ здѣсь черезъ два дня.

Вотъ что́ вымолвила мимоходомъ графиня подъ конецъ урока французскаго языка.

Я вскочилъ. Меня не столько поразило извѣстіе, сколько то, *какъ* оно было сообщено. Но графиня точно не обратила вниманія на мой переполохъ, и закрывъ книжку, сказала:

— Я васъ, другъ мой, сегодня совсѣмъ замучила урокомъ. Ступайте-ка спать. Но въ такія ночи, какую я провелъ, сна не дается человѣческому организму.

Нѣсколько недѣль прошло — и я не оглянулся на себя, не назвалъ никакимъ именемъ того, что́ у насъ завязалось съ графиней. Но тутъ разомъ, безъ всякихъ тонкостей и извиненій обозвалъ я себя «мер-

завцемъ» — и связь съ женой моего патрона — «гнуснымъ обманомъ». Къ разсвѣту во мнѣ сидѣло одно чувство — покончить во чтобы-то ни стало. Вся отвратительная гадость прелюбодѣянія терзала меня нестерпимо.

Съ готовымъ рѣшеніемъ сошелъ я внизъ. За завтракомъ и за обѣдомъ промолчалъ и ждалъ минуты перехода въ боскетную, чтобы начать.

Но меня предупредили, какъ мнѣ и слѣдовало ожидать, еслибъ я тогда получше зналъ мою наставницу.

— Вижу, сразу начала она, затворяя за собою дверь, что́ васъ волнуетъ. Присядьте.

— Я не сяду, отвѣтилъ я сумрачно.

— Ну какъ хотите; а я сяду.

И она сѣла аккуратно въ свое кресло, взяла работу и, поглядывая на меня, начала неспѣшно:

Вы не вспомнили до вчерашняго вечера о моемъ мужѣ: иначе и не могло быть; у васъ хорошая натура, вы отдавались своей страсти, и мучить себя за это угрызеніями — наивно. Я знаю, что вы мнѣ скажете: обманывать мужа—гадко; если вы меня любите, должны быть моей, а не его женой. Вѣдь такъ?

Вопросъ засталъ меня врасплохъ. Я наединѣ съ своей совѣстью не шелъ такъ далеко, я не мечталъ о томъ, что она броситъ все *для меня*.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, еле выговаривая слова отъ волненія, я не претендую на это.

— Стало быть вы хотите меня оставить?

Я обомлѣлъ и уставилъ на нее глаза.

— Хотите? повторила она.

Въ глазахъ у меня закружились искры; неизвѣданная ярость овладѣла мною, похожая на ту, съ ка-

кой я вонзалъ рогатину въ тушу разсвирѣпѣвшаго звѣря.

— Если не хотите, продолжала графиня, блѣднѣя и кладя работу на столъ, то не требуйте отъ меня невозможнаго. Я графа не брошу, не потому что я его больше васъ люблю, нѣтъ; а потому, что такъ не слѣдуетъ дѣлать, я не привыкла себѣ противорѣчить. Вы меня вашими студенческими идеями не передѣлаете, Николай Иванычъ, да и не скажете мнѣ ничего новаго. Обманъ, ложь—безнравственность. И вы это такъ называете, и въ свѣтѣ такъ зовутъ. Неужели вы думаете, что я не обдумала *всего*, прежде нежели согласъ съ вами? Ну, такая ли я женщина, поглядите на меня.

Голосъ ея до того рѣзалъ меня по нервамъ, что я, подойдя къ креслу, продолжалъ ощущать что-то охотничье, точно въ рукахъ у меня былъ ножъ, а предъ глазами вѣрная смерть, если промахнусь.

Графиня привстала, поглядѣла на меня въ упоръ и выговорила съ холодной улыбкой:

— Вы ходили, одинъ-на-одинъ, на медвѣдя: я это знаю, Николай Иванычъ. Вы сильный мужчина; но я, въ эту минуту, не слабѣе васъ. Лучше будетъ вамъ сѣсть и успокоиться.

Я опустился на диванъ.

— Полноте, продолжала она мягче и искреннѣе; жизнь — такое трудное дѣло. Вы еще только начали учиться искусству жить. Вы свободны—можете ѣхать отсюда хоть завтра. Но зачѣмъ же вы уѣдете? Что вы будете спасать? Вашу совѣсть? Она не причемъ тутъ: я васъ полюбила, я вамъ отдалась, я вамъ вдругъ, товарищъ, союзникъ. Вы только отвѣчали мнѣ. Вы

никого не обманываете. Графъ — человѣкъ для васъ посторонній, и вдобавокъ вы на него смотрите... я знаю какъ. Стало, изъ-за чего же вамъ-то мучиться?

Вся эта логика скользила по мнѣ, не убѣждая, но отвѣтить что-нибудь посильнѣе я не могъ. У меня вырвался одинъ вопросъ:

— А ваше-то чувство?

— Мое? подхватила графиня; вы его видите: на выходку я не способна, не хочу васъ и обманывать; да вы вѣдь и не подбиваете меня на побѣгъ изъ-подъ супружескаго крова.

— Это ваши принципы? прошепталъ я, чувствуя, какъ страсть снова овладѣваетъ мною, и уже дрожа за исходъ нашего разговора.

— Перестаньте, Николай Иванычъ, шутливо возразила она, говорить все по книжкѣ. Хотите—вѣрьте мнѣ, хотите—нѣтъ; но, право, иначе нельзя сдѣлать. Вы свободны, повторяю еще разъ. Я васъ не завлекала: мы теперь говоримъ съ глазу на глазъ— и вы можете мнѣ сказать, что я лгу; но вы не скажете. *Такъ* должно было кончиться наше сближеніе. Вы хорошій, свѣжій, нетронутый человѣкъ, вы не знали ни ласки, ни сочувствія женщины — все это влекло къ вамъ. Остальное—подробность.

— Подробность! вскричалъ я, какъ ужаленный.

— Да, я такъ это называю. Не знаю: чей взглядъ чище—мой или вашъ, да я спорить не стану. Поживете и согласитесь со мною: иначе нельзя мнѣ разсуждать, и я съ вами поступаю также честно, какъ и вы со мною.

— Стало быть, чуть дыша, выговорилъ я: вы будете жить съ двумя мужьями, если я останусь?

— Я предвидѣла и этотъ щекотливый вопросъ, возразила она съ возрастающимъ спокойствіемъ, которое тогда просто холодило меня,—и онъ мнѣ не страшенъ. Да, я буду женой графа и вашимъ другомъ, до тѣхъ поръ, пока иначе сдѣлать нельзя, опять-таки по моимъ грѣшнымъ понятіямъ. Но не стыдно ли вамъ, Николай Иванычъ, вести себя какъ любовнику изъ плохаго французскаго романа? Вы, значитъ, чувствуете ревность! Нѣтъ, вы это спросили такъ, изъ принципа. Для настоящаго чувства никакія жертвы не трудны; а это такое маленькое лишеніе...

Что́ оставалось отвѣчать ей? Не мнѣ, при тогдашней моей дубоватости и простотѣ, было бороться съ діалектикой моей просвѣтительницы.

Она помолчала, потомъ подошла ко мнѣ, сложила руки на груди и строго такъ вымолвила:

— Я не допускаю колебаній, Николай Иванычъ. Надо жить, а не нервничать. Если я развратница—бросьте меня. Если вамъ нельзя меня оставить—будьте выше всего этого... какъ бы назвать... по французски оно называется «marivaudage».

Вотъ какъ она называла мою душевную бурю: *marivaudage!* И сколько разъ потомъ, вспоминая сцену въ боскетной, я сознавалъ, какъ тогда графиня, пропитанная Бальзакомъ, была сильнѣе и послѣдовательнѣе студента съ обрывками какихъ-то принциповъ.

XXXVII.

Я былъ первый человѣкъ, попавшійся графу въ день его пріѣзда. Злобнаго чувства къ нему я не возъимѣлъ, когда онъ обнималъ меня въ передней. Въ немъ

я долженъ былъ видѣть врага моего, но я вѣдь зналъ, что онъ—не препятствіе моему *счастію*. Онъ не удержалъ бы жену въ супружеской неволѣ, еслибъ такая женщина, какъ графиня Варвара Борисовна, пожелала покинуть домашній очагъ. Онъ былъ такой же *подданный* наперсникъ, только поплоше меня.

По юности моей, я сталъ избѣгать разговоровъ втроемъ, за что́ получилъ, разумѣется, внушеніе отъ графини, и... испугался, еще сильнѣе; чѣмъ въ ту минуту, когда она категорически сказала мнѣ: «если я развратница—бросьте меня». Храбрости я вообще не признаю, но смѣло могу сказать, что принадлежу къ породѣ медвѣжатниковъ; а въ этой профессіи съ боязливостью далеко не уйдешь. Во всякой страсти лежитъ густой слой трусости. Да и силы-то, въ ту пору, у насъ были неравныя, о чемъ графиня тоже мнѣ весьма категорически заявила.

Супругъ ея, распаковавъ и очистивъ весь чемоданъ своихъ столичныхъ новостей, воспользовался первымъ вечеромъ, чтобы пуститься со мной въ изліянія.

Въ немъ давно-давно жила потребность: взять меня въ повѣренные сердечныхъ тайнъ. Сдержанный этотъ «Trieb», какъ нѣмцы говорятъ—прорвался наконецъ.

— Вы, Николай Иванычъ, началъ онъ, навѣрно теперь оцѣнили натуру графини.

— Оцѣнилъ, отвѣтилъ я не безъ нахальства.

— Ее трудно изучить; но разъ она привлечетъ къ себѣ человѣка...

Это предисловіе показывало, къ какой удобной категоріи мужей принадлежалъ графъ.

Я только мычалъ въ знакъ согласія.

— Скажу вамъ откровенно, продолжалъ онъ, что я самъ положилъ годы на сближеніе съ женой моей...

Тутъ начались конфиденціи и продолжались съ семи до одиннадцати часовъ вечера. Я увидалъ въ-очію то, о чемъ смутно догадывался: человѣка рабски, смертельно влюбленнаго въ свою жену и преклоняющагося предъ нею въ тысячу разъ больше, чѣмъ я преклонялся до разговора въ боскетной.

Все узналъ я: и какъ графъ студентомъ еще влюбился въ княжну Черкесову, приходившуюся ему троюродной сестрой; какъ онъ отъ безнадежной любви къ ней пошелъ волонтеромъ на войну, искалъ смерти, отличился, получилъ Георгія и чуть не умеръ, узнавъ, что она въ его отсутствіе вышла замужъ за другого своего дальняго родственника—князя Дурова. Съ отчаянія онъ предался кутежу; но судьба сжалилась надъ нимъ, и они опять встрѣтились. Князь Дуровъ, болѣзненный, совсѣмъ почти дурачокъ, черезъ два года послѣ женитьбы умеръ. Сближеніе съ Варварой Борисовной началось слишкомъ за годъ до его смерти. Она вняла наконецъ его мольбамъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вдовства сдѣлалась графиней Кудласовой.

Кое-чего графъ не договаривалъ; но все давалъ пониматъ и чувствовать. И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше преисполнялся своимъ сюжетомъ. Графиня была третьимъ словомъ каждой его фразы. Никто бы не повѣрилъ, что этотъ тридцатилѣтній баринъ такъ восторженно разсказываетъ про свою собственную жену, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его сожительства. Кто изъ насъ тогда больше любилъ графиню— не берусь рѣшить, но онъ больше уничтожал-

ся въ своей страсти, чѣмъ я; для него графиня была нѣчто «не отъ міра сего».

Послѣ историческаго очерка начались признанія нравственно-воспитательнаго характера.

— Николай Иванычъ, вскричалъ онъ со слезами на глазахъ—если я похожъ на человѣка, если вы чувствуете ко мнѣ какое-нибудь уваженіе, всѣмъ этимъ я обязанъ женѣ моей, и никому больше! Она направила меня во всѣхъ отношеніяхъ. Я не доучился въ студентахъ, и послѣ военной службы сталъ заново читать и учиться, чтобы быть ея достойнымъ. Въ меня въѣлось много офицерства—она меня перевоспитала. Тщеславіе стало изчезать; прежде я носилъ и въ визиткѣ георгіевскій крестъ, а теперь мнѣ было бы совѣстно выставить и ленточку. Разумѣется, мнѣ это стоило и стóитъ не малыхъ усилій. Еще не отъ всѣхъ скверныхъ привычекъ я избавился, не отъ всѣхъ, но избавлюсь, даю вамъ честное слово, у меня хватитъ воли!...

«Отъ какихъ же это привычекъ? подумалъ я; отъ припадковъ-то что ли?»

— У меня хватитъ воли! повторилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ: графиня—мое евангеліе, и до тѣхъ поръ, пока она жива—я буду идти впередъ и впередъ.

«Что же это, думалъ я: ея сіятельство изволило устроить у себя въ Слободскомъ учебное заведеніе: мужа исправляютъ, меня просвѣщаютъ!»

Не знаю, куда бы меня завели злобныя мысли, еслибъ графъ не взялъ меня за руку и не прошепталъ:

— Вамъ я глубоко благодаренъ за Наташу. На мою

дружбу вы можете разсчитывать, какъ на каменную стѣну. Мнѣ этотъ ребенокъ особенно дорогъ. Вѣдь вы довольны ею?

— Очень, отвѣтилъ я добрѣе.

— И способности въ ней находите?

— Не особенно блестящія, но прочныя: учится она прекрасно и дѣвочка пресимпатичная.

Графъ трясъ мнѣ руку и глаза его были влажны.

Мнѣ стало его, не на шутку, жалко; врага я въ немъ не видалъ, но не могъ идти къ нему и въ друзья, даже еслибъ между нами и не легла пропасть обмана.

— Графиня, чуть слышно вымолвилъ онъ, строгонька къ ней и не особенно ласкова... Тутъ есть причина... я неимѣю права объяснить ее... но причина есть. Я преклоняюсь передъ строгостью ея нравственныхъ началъ...

Фраза вышла у него до того искренно и горячо, что я чуть не фыркнулъ: очень ужъ смѣшно мнѣ стало, и горько въ то же время, сопоставить ее съ тѣмъ, чему учила меня графиня ровно за пятеро сутокъ до этого разговора. Врядъ ли въ состояніи былъ бы я выслушать еще нѣсколько фразъ въ такомъ вкусѣ; но «евангеліе» графа Платона Дмитріевича появилось въ дверяхъ кабинета и прервало нашу бесѣду.

Догадалась ли графиня о томъ, что графъ изливался мнѣ? Думаю, что нѣтъ. Онъ же не посмѣлъ сообщить ей этого.

Но въ ея присутствіи онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и обращаясь къ ней сказалъ:

— Вотъ нашъ вѣрный другъ, Barbe. Чувствую, что мы съ нимъ скоротаемъ нашъ вѣкъ.

Слѣдовало бы мнѣ прощаться на мѣстѣ; но я вы-

несъ, даже глазомъ не моргнулъ! Наставницѣ не мѣшало похвалить меня за выдержку.

XXXVIII.

Ничего не измѣнилось въ моемъ днѣ. Даже занятія съ графиней пошли по старому. Графъ зналъ объ нихъ изъ писемъ жены и настаивалъ на томъ, чтобы я продолжалъ учиться. Въ то время, какъ я бралъ уроки въ залѣ или боскетной, мужъ запирался въ кабинетѣ и писалъ тамъ разныя записки.

За уроками графиня вела себя, какъ ни въ чемъ не бывало, т.-е. такъ, какъ и безъ графа. Подъ конецъ учебнаго вечера, она говорила мнѣ двѣ-три фразы—не больше, добродушныя и невозмутимыя. До дальнѣйшихъ объясненій она не допускала меня.

— Мы ѣдемъ около Рождества въ Москву, объявила она мнѣ заблаговременно; не хотите ли теперь отправиться въ вашъ первый объѣздъ, чтобы потомъ быть свободнымъ до весны.

Умъ этой женщины работалъ неутомимо; она вполнѣ поняла, что мнѣ необходимо исчезнуть хоть на время. Даже и въ этомъ она меня предупредила.

Я уѣхалъ черезъ два дня, напутствуемый сладостями графа. Никакого особаго прощанья съ нею не было. Съ пріѣзда мужа она не выходила изъ роли наставницы, вѣроятно, чтобъ успокоить сколько-нибудь мою «студенческую совѣсть».

Выпалъ снѣгъ, и я, засѣвши въ кибитку, началъ шнырять по восьми уѣздамъ двухъ губерній. Имѣнья графа были крайне разбросаны, и я нашелъ въ нихъ порядочную безтолочь, хотя мужику жилось почти без-

дѣ настолько хорошо, насколько можно было при крѣпостномъ правѣ. Графъ позволялъ обкрадывать себя; но живодерства и грабительства крестьянъ не любилъ. Мнѣ пришлось распоряжаться диктаторски съ разными бурмистрами, прикащиками, земскими и старостами. Съ глазу на глазъ съ крестьянской нуждой я нашелъ въ себѣ прежнюю стойкость хуторскаго отшельника, и разжалобить меня не удалось ни одному шельмѣ-писарю. Не смутился я тѣмъ, что на меня полетѣли жалобы къ его сіятельству. Мужикамъ я говорилъ вездѣ одно и то же: «воля не за горами; но съумѣйте дождаться ея; я вашъ заступникъ и выхлопочу вамъ все, что только могу». Въ одномъ торговомъ селѣ оказалось, что вся почти осѣдлость была куплена крестьянами еще у стараго барина, т.-е. у отца графа Платона Дмитріевича; но останется ли она за ними безъ выкупа — они сильно сомнѣвались. Я ихъ обнадежилъ, и тутъ обратился мысленно къ своей союзницѣ. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ:

«*Съ ней* ты этого добьешься; только будь умникъ, не смущайся вздоромъ».

Но молодость брала свое. Я ни одного дня не провелъ безъ думы объ ней, безъ тоски по ней: и все-таки съ каждымъ днемъ зрѣло во мнѣ новое рѣшеніе: «обманомъ жить нельзя». Время летѣло очень быстро въ разъѣздахъ, ревизіяхъ, сходкахъ, разбирательствахъ и диктаторскихъ переворотахъ; но я считалъ каждый день и зналъ, что онъ приближаетъ меня къ разрыву, къ смертной операціи, къ самой смерти. Да, я не лгалъ себѣ. Я могъ тогда сгибнуть отъ такого исхода, а все-таки шелъ на него.

Переписки между нами не завязалось. Меня оста-

вляли успокоиться, и самъ я не писалъ. И что́ могъ я писать? Пришли только въ разныя мѣста моихъ стоянокъ два письма графа. Онъ извѣщалъ, что волю ждутъ къ Новому году, или много-много къ масляницѣ, и что онъ собирается въ Петербургъ ненадолго, а меня ждетъ въ Москву въ январѣ. Мѣсто члена отъ правительства въ одной изъ губерній, гдѣ онъ помѣщикъ—за нимъ, и его предложеніе принято министромъ съ заявленіемъ особаго удовольствія.

Онъ былъ переполненъ «событіемъ» гораздо больше меня, и это удвоило мою рѣшимость. Послѣднія два имѣнія я обревизовалъ наскоро, разсчитывая начать съ нихъ весной и какъ фельдъегерь мчался въ Москву.

На этотъ разъ я остановился въ гостинницѣ Шевалдышева. Графиня могла чрезъ мужа знать, что я пріѣду около Новаго года; но я попалъ только послѣ Крещенья. Въ нумерѣ я не спѣша разложился, отдохнулъ, съѣздилъ позавтракать въ Лоскутный и тогда только велѣлъ извощику везти себя на Садовую. На меня напалъ особаго рода столбнякъ и я свиданія нисколько не боялся. Мнѣ даже смѣшно было вспомнить, съ какимъ волненіемъ подъѣзжалъ я въ кибиткѣ къ розовому дому съ колоннами и графскимъ гербомъ.

Лакеи съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, и одинъ изъ нихъ, ходившій за мною въ Слободскомъ, съ очень глупой миной сказалъ:

А вѣдь для васъ, сударь, антресоль приготовленъ. Вотъ ужъ которую недѣлю отапливаютъ.

Я ничего не замѣтилъ на это, но видъ хранилъ отмѣнно-суровый.

— Графиня дома? отрывисто спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхали съ визитами.

— Барышня дома? продолжалъ я также.

— Барышня учится, и мамзель дома.

Наташу я нашелъ въ классной и при ней дѣвицу — «кандидатку», замѣнившую меня по части русской грамоты. Дѣвочка бросилась ко мнѣ съ криками и поцѣлуями. И миссъ Уайтъ мнѣ обрадовалась. У меня что-то не хватило духу сказать имъ, что я не буду жить съ ними въ одномъ домѣ.

Съ Наташей на колѣняхъ (кандидатка удалилась) застала меня графиня.

Мы оба вскочили. Графиня стояла предо мной въ бѣлой шляпкѣ, въ темно-малиновомъ бархатномъ платьѣ, съ улыбкой, нѣсколько удивленная. Отъ нея пахло воздухомъ и зимой, щеки чуть-чуть порозовѣли. Она была удивительно хороша.

— Что за сюрпризъ? спросила она, подавая мнѣ руку такъ, чтобы я ее поцѣловалъ.

— Сегодня только прибылъ, доложилъ я.

— А написать трудно было. Пожалуйте-ка за мной.

Она вышла изъ классной, Наташа выпустила мою руку и жалобно поглядѣла на меня.

Мы не дошли до угловой. Въ гостинной графиня остановилась и выговорила въ полъ-голоса.

— Обрадовать васъ новостью?

— Какой? хмуро откликнулся я.

— Вы—отецъ...

Я отскочилъ, а она, приблизившись ко мнѣ, взяла меня за руку, и тономъ серьёзной, спокойной жены, совершенно какъ и быть слѣдуетъ, продолжала:

— Вотъ у васъ еще цѣль: будете воспитывать вашего ребенка, не говоря уже о Наташѣ. Не сердитесь на меня: я невиновата.

Она улыбнулась и громко сказала:

— Вы не думаете ли въ трактирѣ жить? Я сейчасъ пошлю за вашими вещами. Пойдемте въ угловую.

XXXIX.

Отецъ! Кто не дѣлался имъ въ моей кожѣ, тотъ не знаетъ, какой ударъ нанесло мнѣ это двусложное слово. Я даже не рѣшился его выговорить. Что-то смѣшанное, не то радость, не то отчаяніе, не то ужасъ, не то умиленіе — овладѣло мною. На эти состоянія не даютъ отвѣта никакіе психологи. Послѣ, читая Бэна, Маудсли, Спенсера, я старался раціонально выяснить ощущенія моего родительства; но ничего не нашелъ подходящаго. Пришлось повторять простую мужицкую прибаутку: «про то знаютъ грудь да подоплека».

Но *мать* не думала смущаться. Негодовать на нее было тоже не за что. Она относилась ко мнѣ какъ къ близкому человѣку, самому близкому изъ всей ея обстановки. Въ ея тонѣ не чувствовалось ни напряженности, ни сухости, ни особенной нѣжности. Преобладали совершеннѣйшая серьёзность и искренность, такая искренность, что она производила бы пожалуй впечатлѣніе великаго цинизма. Каждое ея слово, каждое ея обращеніе ко мнѣ говорило:

«Бери меня такою, какова я есть: я тобой занимаюсь и помогаю тебѣ въ хорошемъ дѣлѣ. Ты стоишь для меня на самомъ первомъ планѣ. Я рада, что сдѣлалась матерью, и предоставлю тебѣ полныя права на твоего ребенка: можешь мнѣ вѣрить».

Меня понесла волна, неспѣшная, но могучая и не-

удержимая. Въ Москвѣ, кромѣ выѣздовъ и театра, пошла, почти іота въ іоту, такая же жизнь, какъ и въ Слободскомъ: тѣ же занятія, то же пѣніе, тѣ же педагогическіе разговоры. Графиня очень мало выѣзжала, и къ молодымъ людямъ выказывала спокойное презрѣніе. Они буквально для нея не существовали. Менѣе тщеславія и такъ-называемаго кокетства я потомъ не видалъ ни въ одной женщинѣ. Она ни мало не дорожила «свѣтомъ». Ея разсказы и замѣчанія проникнуты были язвительнымъ юморомъ. Про всю дворянскую Москву она иначе не выражалась, какъ «нашъ Арзамасъ». Ни передъ чѣмъ рѣшительно она не преклонялась, и ужъ конечно никого и ничего не боялась. Смѣлость—ея коренной «видовой» признакъ, какъ выразился бы натуралистъ.

Я смирился: не предавался безсонницамъ, не ковырялъ себя, не являлся къ ней съ сумрачной физіономіей, не хныкалъ и тому, что̀ случилось, больше не удивлялся. Я *ждалъ:* вотъ настоящее слово, ждалъ событій, сознавая ежеминутно, что я связанъ съ этой женщиной серьёзной, безповоротной связью, безповоротной до тѣхъ поръ, пока она «беретъ нотой выше».

Поэтому я успокоился и могъ, безъ всякаго трагизма, вести съ графиней бесѣды о самыхъ жгучихъ вопросахъ.

Чуть не наканунѣ возвращенія графа изъ Петербурга, я сказалъ ей въ угловой:—Вы довольны мной?

— Да, кротко отвѣтила она, вы возмужали. И чѣмъ же вамъ не житье, Николай Иванычъ? весь рискъ, вся темная сторона—на моей отвѣтственности. Вы теперь живете, и живите себѣ. Будетъ слишкомъ трудно бросить меня; но, право, я этому не вѣрю.

— Не вѣрите? спросилъ я съ усмѣшкой.

— Не вѣрю. Какъ же вамъ бросить меня? Надо будетъ все говорить графу, вы этого не сдѣлаете; а безъ причины вы не нарушите вашего условія: вы обязались три года заниматься его крестьянами.

— Это точно, проговорилъ я какъ-бы про себя.

— Вы можете прекратить ваши отношенія ко мнѣ и остаться на службѣ у графа. Но развѣ это искупитъ вашу вину предъ нимъ, если вы считаете себя виновнымъ? Нимало. Живите—вотъ и все: вы будете благодѣтель нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ, отецъ, ребенка, котораго я вамъ отдамъ подъ надзоръ, и воспитатель вашего друга—Наташи.

Это было слово въ слово то, что̀ я читалъ въ тонѣ и обращеніи со мной графини.

— Графъ, заключила она, не Богъ знаетъ какая высокая личность; но онъ *выравнивается* и будетъ очень порядочный русскій баринъ, такъ лѣтъ черезъ пять. Онъ меня до страсти любитъ. Если онъ внезапно узнаетъ о нашей связи *отъ васъ* — это убьетъ его, по крайней мѣрѣ теперь. Зачѣмъ же это дѣлать? Повторяю, вы не рѣшитесь на такую дикую выходку.

Я и не рѣшился: логика дѣйствительности не позволила, наравнѣ со страстью.

Пріѣздъ графа ничего не измѣнилъ. Онъ просто былъ окруженъ какимъ-то счастьемъ. Въ немъ я въ ту эпоху впервые увидалъ человѣка, вполнѣ наслаждающагося жизнью. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ съ положительною вѣстью, что воля будетъ объявлена на масляницѣ, 19-го февраля. Силою умственнаго напряженія и страстнаго желанія отличиться передъ женой, графъ сдѣлалъ изъ освобожденія крестьянъ свой кровный

вопросъ. Такого энтузіазма я не встрѣчалъ ни въ одномъ дворянинѣ-помѣщикѣ, ни въ крупномъ, ни въ мелкопомѣстномъ. Еслибъ всѣ землевладѣльцы, державшіе крестьянъ въ крѣпости, раздѣляли его тогдашнія чувства — никакого бы выкупа не надо было и вводить въ «Положеніе». Во-вторыхъ, графъ тоже зналъ, что *онъ отецъ*. Это преисполняло его дѣтской радости, даже какого-то особеннаго смѣшноватаго самодовольства: точно онъ былъ 70-ти-лѣтній старикъ или совсѣмъ извѣрился въ плодовитость своей супруги. Ему совѣстно было признаться не только графинѣ, но и мнѣ, что онъ боялся умереть *послѣднимъ въ родѣ;* а онъ вѣрилъ, должно быть, что новорожденный будетъ непремѣнно сынъ, а не дочь. Въ-третьихъ, изъ Петербурга онъ привезъ еще какой-то радостный гостинецъ. Объ немъ онъ мнѣ слегка проговорился.

— Вы никогда не слыхали, Николай Иванычъ, объ одномъ мѣщанинѣ, который врачуетъ отъ страсти къ напиткамъ?

— Нѣтъ, не приводилось, отвѣчалъ я; и опять въ головѣ моей пронеслась мысль: такъ вотъ ты какими припадками страдаешь.

— Да, подите, малограмотный человѣкъ, и добивается прекрасныхъ результатовъ самыми простыми средствами.

— Болѣзнь народная—нѣтъ ничего мудренаго, замѣтилъ я.

— Да, болѣзнь, вздохнулъ громко графъ; но безъ силы воли не обойдется это леченіе.

— Странная терапія, отозвался я насмѣшливѣе: у меня уже зрѣла мысль: поставить графинѣ нѣсколько вопросныхъ пунктовъ.

— И въ простой медицинѣ, проговорилъ наставительно графъ, бодрость духа въ паціентѣ помогаетъ лекарствамъ.

Я согласился.

XL.

Вопросные пункты были-таки мною предложены графинѣ, при первомъ удобномъ случаѣ.

— Графъ ликуетъ, сказалъ я съ улыбочкой, онъ ждетъ себѣ сына.

Она поглядѣла на меня искоса и вымолвила.

— Вамъ завидно?

— Нѣтъ, я только констатирую фактъ.

— А фактъ вашей тайной ревности не констатируете?

— Ревности? удивился я.

— Вы ревнуете безсознательно. У васъ, я вижу, на губахъ фраза: а чѣмъ вы меня увѣрите, что вашъ будущій ребенокъ не его ребенокъ?

— Увѣряю васъ.

— Полноте. Ну, подождите немножко, тогда увидите: кто настоящій отецъ. Ребенокъ можетъ выдти въ васъ; но я этого не боюсь, да и графъ способенъ будетъ помириться съ этимъ...

— Ну, я сомнѣваюсь.

— Я вамъ говорю что способенъ будетъ, *если мнѣ такъ будетъ угодно.* Не стыдно вамъ завидовать его эфемерному счастію, его заблужденію. Онъ радъ, ну, и оставьте его: онъ вамъ никакого зла не сдѣлалъ, и послѣ меня и Наташи любитъ васъ больше всѣхъ.

— Мнѣ его жаль, сталъ я оправдываться.

— Не вѣрю, Николай Иванычъ, не вѣрю. Мужей люди въ вашемъ положеніи не жалѣютъ. Вы не можете еще побороть ревности.

— Но вы видите, что я совершенно спокоенъ.

— Наружно; а если дѣйствительно успокоились, то не подражайте героямъ грязныхъ романовъ. Я ужъ вамъ сказала разъ, что вы на нихъ желаете смахивать. Федò написалъ романъ «Фанни». Прочтите его. Мнѣ кто-то говорилъ, что его и по-русски перевели. Теперь каждая уѣздная барышня знаетъ, какъ волнуется такой господинъ, ревнуя свою возлюбленную къ мужу.

Она отвернулась. Я не унимался, хотя въ сущности дѣлалъ больше холодный допросъ, чѣмъ добивался задушевнаго объясненія.

— Графъ, продолжалъ я не спѣша, пріѣхалъ изъ Петербурга съ какимъ-то рецептомъ отъ крѣпкихъ напитковъ.

Быстро обратила она лицо ко мнѣ, отодвинулась (мы сидѣли на диванѣ) и почти гнѣвно сказала мнѣ:

— Вы какъ же это знаете?

— Онъ самъ разсказывалъ...

— Графъ напрасно болтаетъ съ вами, перебила она; вы злоупотребляете его довѣріемъ...

— Нисколько, перебилъ я ее въ свою очередь — и уже горячѣе; кромѣ васъ я ни съ кѣмъ объ немъ не бесѣдую. Но мнѣ странно: отчего это вы такъ храните тайну его припадковъ? онъ просто страдаетъ болѣзнью, правда не барскою, но очень распространенной у насъ: запоемъ.

Она встала и нѣсколько секундъ молчала. Только

глаза сдѣлались больше и ротъ дрогнулъ. Я ожидалъ бури.

— Вы, можетъ быть, въ правѣ такъ говорить, начала она, сдержавъ первый наплывъ раздраженія; вы огорчились тѣмъ, что я отъ васъ скрывала правду. Но это вовсе не отъ недовѣрія къ вамъ: вы знаете, что я вашъ настоящій другъ... поймите, что я сдѣлала это изъ особаго чувства... деликатности къ нему... Онъ впалъ въ эту страсть отъ меня же...

— Отъ васъ? спросилъ я недовѣрчиво.

— Да изъ-за любви ко мнѣ, мальчикомъ, студентомъ, юнкеромъ. Я знаю хорошо, что это—*болѣзнь*; я видѣла, какъ онъ мучится, какъ онъ борется съ тѣмъ, что̀ вы сейчасъ назвали... Зачѣмъ же я стала бы выдавать его, жаловаться на него вамъ? Это—ниже меня, Николай Иванычъ.

Я молчалъ и чувствовалъ, какъ краска проступала у меня подъ бородой.

— Я и не требую, съумѣлъ выговорить я.

— Вы лучше посмотрите: какъ *онъ* любитъ. Изъ-за этого сто̀итъ простить ему его смѣшныя стороны и даже такой ужасный порокъ. Онъ потому теперь и радъ, что надѣется покончить съ своимъ запоемъ. И я ручаюсь вамъ, что онъ покончитъ съ нимъ. Онъ лечится и я вижу, что леченіе идетъ ему въ прокъ. Вотъ что я отъ васъ скрыла: вы знаете теперь почему, и я прошу васъ не возвращаться больше къ этому.

Я и не возвращался больше: мнѣ достаточно было и того урока, какой я получилъ. Больше у насъ, кажется, и не было столкновеній; все потомъ дѣлалось и говорилось безъ всякихъ задорныхъ вопросовъ и внушительныхъ отвѣтовъ.

Подошло 19-ое февраля. Мы его отпраздновали съ графомъ и съ графиней точно семейный праздникъ, и я тотчасъ же отправился по вотчинамъ читать, пояснять, втолковывать положеніе, приготовлять и успокоивать, предупреждать и объявлять радость. Я забылъ про свою личную жизнь на цѣлыхъ три мѣсяца. Дѣла открывалась цѣлая бездна, и оно совершенно наполняло меня. Графъ отправился со всѣмъ семействомъ въ губернскій городъ, гдѣ поступилъ членомъ въ крестьянское присутствіе, и ему дѣла было столько, что по самымъ важнымъ вопросамъ онъ присылалъ мнѣ краткія дѣловыя записки. За то писала графиня, разсказывала про Наташу, къ которой, по моему выбору, приставили русскую воспитательницу, подсмѣивалась надъ губернскимъ обществомъ, указывала на разныя подробности, о которыхъ графу некогда было писать мнѣ; изрѣдка говорила о своемъ здоровьѣ и чтеніяхъ, посылала мнѣ книги и журналы, настаивала на томъ, чтобъ я не бросалъ языковъ.

Тонъ этихъ писемъ не позволялъ никакихъ изліяній; да и о чемъ мнѣ было изливаться? Я отвѣчалъ ей охотно; но письма мои отражали исключительно «наше дѣло», какъ мы называли крестьянское освобожденіе. Каждый день являлись новыя осложненія, и разрѣшать ихъ было совсѣмъ не такъ легко, даже при либерализмѣ графа. Мнѣ приходилось каждую недѣлю сообщать графинѣ: что слѣдуетъ выпросить у графа, къ чему его подготовить, на что вызвать самого. И я по краткимъ записочкамъ мужа видѣлъ, *какъ* дѣйствовала жена. Еслибъ не она, три тысячи крестьянъ его сіятельства не поднесли бы мнѣ, черезъ годъ, благодарственнаго адреса, къ которому они

обратились послѣ того, какъ я не пожелалъ принять отъ нихъ никакой иной «благодарности».

Три мѣсяца я прожилъ такъ, какъ, конечно, не жилъ ни одинъ возлюбленный, состоящій въ перепискѣ съ «дамой своего сердца».

XLI.

Лѣтомъ я попалъ въ Слободское. Графъ оставался въ городѣ, но часто наѣзжалъ. Вообще, я ужъ не знаю какъ это случалось, онъ всегда отсутствовалъ, когда я являлся, или скоро исчезалъ, когда я его заставалъ дома. Онъ былъ все въ томъ же праздничномъ настроеніи: по службѣ онъ дѣйствовалъ прямо, смѣло, безъ задора, съ такой искренностью и стойкостью, какой я все таки отъ него не ждалъ, а каждый прожитой мѣсяцъ приближалъ его къ вожделѣнному дню появленія потомства...

И я началъ ждать этого дня. Какъ я ни храбрился, а особое безпокойство овладѣвало мною незамѣтно, и все усиливалось по мѣрѣ приближенія роковаго дня. Сначала я боялся за мать, боялся почти до малодушія; а потомъ *и отѣческое* чувство начало брать верхъ, чувство себялюбивое и тщеславное, какъ оно ни смягчается умиленіемъ и способностью на жертву. Да въ этомъ случаѣ и жертвы-то никакой не предвидѣлось. Мать все вела, какъ самый тонкій изъ европейскихъ политиковъ. Разъ присмирѣвъ, я ужъ не начиналъ «бурь въ стаканѣ воды» (обычное выраженіе ея сіятельства), а остальное додѣлывалъ спокойный и удобный ходъ жизни

Мы зажили опять такъ, какъ въ первую осень въ

Слободскомъ. Пріѣзды графа никого не стѣсняли. Я ему принадлежалъ наполовину; онъ сдѣлалъ изъ меня болѣе чѣмъ наперсника: я сталъ его сотрудникомъ и товарищемъ. Не только его дѣла, какъ члена по крестьянскому присутствію, но и дѣла по введенію положенія въ его селахъ и деревняхъ наполняли цѣлые дни. Объ его интимныхъ бесѣдахъ съ женой я ничего не зналъ. Ихъ отношенія какъ-бы не существовали для меня. Я бы, пожалуй, способенъ былъ признать его, безъ особаго возмущенія, отцемъ ожидаемаго ребенка, еслибъ мать сама такъ настоятельно не наградила меня этимъ титуломъ.

Въ срединѣ іюля пришелъ день, который намъ обоимъ давалъ, по всей вѣроятности, сходныя ощущенія. Графъ пріѣхалъ за два дня. Онъ видимо боялся за графиню, хотя поменьше моего, но я скрывалъ свое волненіе, а онъ по нѣскольку разъ на дню повторялъ:

— Вы понимаете, Николай Иванычъ, ей ужъ подъ тридцать лѣтъ.., сложеніе у ней здоровое, но все-таки трудно будетъ, очень трудно...

Привезенный изъ губернскаго города акушеръ оказался ненужнымъ. Наши опасенія всѣ разлетѣлись: ребенокъ родился такъ легко и быстро, что бабушка, показывая его графу, сказала со смѣхомъ:

— Еле успѣла принять, ваше сіятельство, такой прыткій уродился.

Это былъ—сынъ.

Когда графъ устремился къ родильницѣ, первыя ея слова были:

— Я хочу назвать его Николаемъ.

И графъ ничего не возразилъ; я убѣжденъ, что

онъ ни одной секунды не подумалъ даже, почему графиня выбрала непремѣнно это имя.

Я сидѣлъ въ комнатѣ рядомъ со спальной, но отдѣленной отъ нея капитальной стѣной, и прислушивался къ ходьбѣ, шопоту, стонамъ родильницы. Графъ убѣжалъ въ залу и тамъ ходилъ изъ угла въ уголъ. Мнѣ показалось, что я услыхалъ первый крикъ ребенка (хотя врядъ ли это было возможно), по крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ того горничная выбѣжала въ корридоръ и начала искать графа. Она то мнѣ и кинула второпяхъ:

— Сыночка Богъ далъ!

Чему больше я обрадовался—не знаю хорошенько; но сильно обрадовался, до глупости, до идіотства. Радость эта была не за одинъ счастдивый исходъ родовъ, а скорѣе за самый фактъ рожденія сына, котораго мать приписывала *мнѣ*.

Законный (можетъ, и настоящій) отецъ тотчасъ же порадовалъ меня извѣстіемъ, вбѣжалъ, какъ сумасшедшій, въ мою засаду, схватилъ за руку, поцѣловалъ и потащилъ въ корридоръ.

— Куда? куда? упирался я, съ трудомъ сдерживая свое смущеніе.

— Поздравить графиню... съ сыномъ.

— Да развѣ можно?

— Можно, можно, она очень бодро себя чувствуетъ, только не давайте ей говорить, вы останетесь за перегородкой.

Вступилъ я все также смущенный въ спальню, куда до тѣхъ поръ ни разу не проникалъ. Шелковая зеленая занавѣсъ раздѣляла эту большую, барскую, нѣсколько угрюмую комнату. Въ первой половинѣ я

увидалъ акушера, какъ-бы недовольнаго, что безъ него обошлось дѣло, и бабушку съ ребенкомъ на рукахъ.

— Посмотрите, посмотрите, кинулся графъ къ ребенку: глаза-то точно у Barbe, совсѣмъ зеленые.

Я одинъ жаднымъ взглядомъ окинулъ красное, сморщенное и довольно крупное личико ребенка: глаза дѣйствительно отливали зеленымъ цвѣтомъ, но больше никакого сходства распознать было нельзя; у меня отлегло на сердцѣ, но тотчасъ же подползъ вопросъ: какъ же распознать настоящаго отца?

— Поздравьте шепнулъ мнѣ графъ, толкая къ перегородкѣ; только Бога ради не давайте ей говорить.

— Поздравляю васъ, графиня, выговорилъ я неуклюже.

— Это вы, Николай Иванычъ, раздался довольно сильный голосъ; благодарю. Видѣли, какой у меня бутузъ.

— Видѣлъ, ваши глаза.

— Ну, ужъ и мои!

Графъ началъ упрашивать ее помолчать и вывелъ меня изъ спальни.

— Не знаю право, чѣмъ мнѣ ознаменовать такую радость, излился онъ.

— Хотите я вамъ подскажу? спросилъ я, оправившись.

— Сдѣлайте милость!

— Мы вчера толковали о торговой площади въ Становищахъ. Подарите ее крестьянамъ.

— Извольте! Благодарю за совѣтъ!

И мы съ нимъ расцѣловались.

Да и за что́ намъ было злобствовать другъ на друга?

Наша повелительница и наставница тоже чувствовала себя прекрасно. Она объявила, что новорожденнаго Колю будетъ кормить сама. Графъ не протестовалъ, а мнѣ не полагалось и рта открыть въ таномъ вопросѣ.

XLII.

Какъ только графиня оправилась, она прежде всего не одобрила графа за то, что онъ втащилъ меня въ спальню и заставилъ поздравить ее; она какъ-бы извинялась за него и даже добавила:

— Долго еще у него останется офицерство; а я его предупредить не успѣла.

Какъ ужъ она предупреждала бы его—я недоумѣвалъ.

Ребенокъ очень занималъ ее; она кормила его со страстью, и то-и-дѣло любовалась имъ. Я, минутами, не узнавалъ ее—такъ материнское чувство мѣняло ея натуру.

Черезъ двѣ недѣли она уже слушала мое чтеніе, сидя въ креслѣ. Графъ, убѣдившись, что все идетъ прекрасно—улетѣлъ. Мнѣ также предстояло ѣхать, но мужъ упрашивалъ меня походить за выздоравливающей женой.

Я читалъ графинѣ вслухъ «Пиквикскій клубъ», и она похваливала мои успѣхи въ англійскомъ языкѣ. Это происходило въ уборной до обѣда.

— Вы продолжаете находить, остановила она меня, что Коля—вылитый я.

— Вылитый.

— Глаза, правда, похожи.

— А окладъ лица, а блѣдность, а черные волосы?

— Васъ это смущаетъ?

— Нимало. Вы вѣдь сами сказали мнѣ разъ, что вы сильнѣе всякаго, кто ходитъ на медвѣдя одинъ-на-одинъ, что-жъ мудренаго, что сынъ похожъ на васъ...

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошла Наташа, вмѣстѣ съ мамкой, неся на рукахъ своего братишку.

Графиня испугалась, чтобъ она не уронила ребенка, прикрикнула на мамку и прогнала сухо дѣвочку.

Та удалилась, глотая слезы. — Вышла маленькая пауза.

— Вы успокоились? освѣдомился я.

— Читайте, сказала она, стараясь улыбнуться.

— Я до сихъ поръ не знаю, заговорилъ я кротко, но безъ всякой сладости, почему вы такъ обращаетесь съ Наташей? Вѣдь въ васъ очень сильно материнское чувство,—я это теперь вижу; а тутъ—постоянная сухость, очень дурно дѣйствующая на ребенка...

Графиня не сразу отвѣтила. Она начала говорить нехотя, но потомъ оживилась.

— Вы правы, я съ Наташей суха. Принудить себя къ нѣжности—я не могу. Вы говорите, что у меня есть материнское чувство — не знаю. Я не самого Колю люблю теперь, а больше вашего сына... Вы меня поймете, когда я вамъ все разскажу. Не хотѣлось мнѣ этого, да вы такой неугомонный: все вамъ объясни и выложи, какъ на ладонкѣ.

Когда она что нибудь интимное разсказывала, то часто закрывала глаза. То же сдѣлала она и тутъ.

— Я до сихъ поръ не могу простить себѣ моей первой незаконной любви. Вамъ графъ изливался. Вы знаете, что онъ въ меня влюбился студентомъ. Я была моложе его, но только годами, въ остальномъ — куда постарше. Увлечься имъ я и тогда не могла. Онъ бро-

сился на войну и вернулся севастопольскимъ героемъ. Я была уже замужемъ. Вышла я за кузена, зная какъ онъ плохъ; вышла потому, что не хотѣла больше выносить глупой дѣвичьей жизни и видѣла вдобавокъ, что князь Дуровъ, за котораго я шла, очень добрый. Это все-таки кое-что. Онъ заболѣлъ чуть не со второго мѣсяца нашего брака, и былъ очень жалокъ. Роль сидѣлки пришлась не по мнѣ: я тогда думала только о своей особѣ. Графъ вернулся съ Георгіемъ и бросился къ моимъ ногамъ. Да, такъ-таки и рухнулся и сталъ пылать ко мнѣ страстью, совершенно какъ у Марлинскаго. И вообразите вы себѣ: я ему отдалась, да еще съ увлеченіемъ, вотъ какой я была милой особой; а онъ, въ то время, ужъ никакъ не выше, стоялъ, чѣмъ мой первый мужъ. Черезъ годъ родилась Наташа. Какъ я на нее взглянула въ первый разъ, этотъ ребенокъ тотчасъ же сталъ для меня живымъ укоромъ. Ни на меня, ни на отца своего она не похожа; она была, значитъ, дочь графа. Въ это время я уже остыла и увидала, какъ весь нашъ романъ отзывался Марлинскимъ.

— Зачѣмъ же вы вышли за графа? перебилъ я ее.

— Зачѣмъ? жалко стало. Онъ дѣйствительно изнывалъ по мнѣ, и наконецъ дочь была его—я не могла ему отказать въ возможности воспитывать своего ребенка. Вотъ какая печальная исторія, Николай Иванычъ, и право, напрасно вы заставили меня возвращаться къ ней. Я знаю, что вы скажете: ребенокъ не виноватъ, несправедливо изливать на него свое тяжелое чувство. Но что́ прикажете дѣлать: какъ я себя ни пріучала къ роли матери—я не чувствовала къ Наташѣ никакой нѣжности. Съ тѣхъ поръ много воды

утекло; графъ очень исправился — вы сами видите; я съ нимъ помирилась и онъ любитъ меня очень даже серьёзно; но я до сихъ поръ не могу простить себѣ моего смѣшного и гадкаго московскаго романа. Ничего болѣе гадкаго и смѣшного я въ жизни не дѣлала... Не могла я, точно, дождаться смерти умирающаго и совсѣмъ полоумнаго мужа!..

Легкая дрожь пробѣжала по ея членамъ, она взяла платокъ и точно съ физическимъ отвращеніемъ прошлась имъ по губамъ.

— Вотъ почему въ Москвѣ всѣ и увѣрены, что я отравила князя. Вы помните фразу: femme à crime? Вы не хотѣли мнѣ тогда досказать; но навѣрно говорили обо мнѣ?

Я долженъ былъ признаться, что объ ней.

— Ну, да, съ той минуты мнѣ эта дѣвочка стала еще дальше!.. Я васъ умоляю: посмотрите на нее, какъ на вашу дочь; я буду сдерживать себя, я не сдѣлаю ей никакого зла, но любящей матери она во мнѣ не найдетъ.

Договоривъ, она обернула голову къ трельяжу, прикрывавшему одинъ уголъ комнаты и позвала меня:

— Подите-ка сюда.

Я подошелъ. Она указала мнѣ на небольшой акварельный портретъ, прибитый около зелени, такъ что его трудно было разглядѣть.

— Вы мнѣ все еще не вѣрите; вглядитесь-ка въ это лицо покойнаго князя и вы увидите, что Наташа на него ни капли не похожа.

Изъ овальной рамы портрета на бѣломъ фонѣ выставлялось продолговатое, запуганное мужское лицо, безъ бороды, съ проборомъ посреди головы, съ русыми

волосами и отвислой нижней губой. Сходства съ Наташей дѣйствительно не замѣчалось. Но я остановился попристальнѣе на глазахъ; глаза были ея: большіе, голубые, съ той прозрачностью, какая именно разливалась по ея глазамъ. Глаза всего ярче и вышли на портретѣ.

— Чтó скажете? спросила нетерпѣливо графиня.

— Глаза точно у Наташи.

— Ну, ужъ извините меня, Николай Иванычъ, мать очень хорошо знаетъ отъ кого у ней дѣти.

Я замолчалъ, но съ этой минуты снялъ съ Наташи клеймо незаконнаго дитяти, по крайней мѣрѣ для себя.

XLIII.

Съ той поры я не удивлялся больше, встрѣчая молодыхъ, умныхъ, энергическихъ людей, которые не могли отдѣлаться отъ дряблыхъ, скучныхъ или даже распутныхъ бабёнокъ, потому только, что между ними становилось незаконное дитя. Еслибъ я и не любилъ тогда графиню, еслибъ она сдѣлалась для меня противной, возмущающей личностью, я бы и то чувствовалъ себя привязаннымъ той страстной потребностью отеческаго призванія, какое дано въ удѣлъ инымъ. Такою воспитательною натурой надѣлила и меня судьба. Я уже это видѣлъ на Наташѣ, а она мнѣ ничѣмъ не приходилась. Графиня вѣрно разсчитала (если только было ей изъ чего разсчитывать), что отеческое чувство всплыветъ во мнѣ и покроетъ собою всякія колебанія и уколы совѣсти.

Ребенокъ питался, росъ, мать выкормила его на

славу и даже перепустила срокъ кормленія, такъ что онъ ее преизрядно покусывалъ. Къ концу перваго года лицо его оформилось. Онъ выходилъ — вылитая мать. Мнѣ и не случалось видѣть такого разительнаго сходства. Это сначала огорчало графиню: доказательствъ того, кто былъ отецъ, на ребенкѣ не значилось. Но я, разъ увѣровавъ, вѣрилъ и засыпалъ каждый день съ фразой: «Коля—мой!» Графъ сталъ «своего сына» баловать съ самыхъ первыхъ минутъ младенческаго сознанія, когда въ ребенкѣ развиваются себялюбивые инстинкты въ ужасающей прогрессіи.

Мать замѣчала это, старалась противодѣйствовать, совѣтовалась со мною; но дурное вліяніе баловства графа шло своимъ порядкомъ, да и она сама подчинялась все больше и больше исключительной привязанности къ сыну, которая позднѣе перешла въ слабость, непонятную для такой натуры.

Къ зимѣ *мы* переѣхали въ губернскій городъ. Вотъ тамъ-то и началось общее идолопоклонство передъ единственнымъ продолжателемъ рода Кудласовыхъ. Графъ то-и-дѣло бралъ его на руки, носился съ нимъ, какъ съ божкомъ, накупалъ ему игрушекъ, приставилъ къ нему дѣвчонку, которая должна была играть роль живой куклы, носилъ его на себѣ по цѣлымъ часамъ и сажалъ Наташу или самоё графиню играть казачка, прыгалъ передъ нимъ какъ маленькій.

Зрѣлище это глубоко возмущало меня. Есть что-то противное въ такой слабодушной, эгоистической страсти къ самымъ маленькимъ дѣтямъ. По силѣ родственнаго чувства я, конечно, не уступалъ ни его сіятельству, ни кому бы то ни было, но я продолжалъ возмущаться, сознавая, что самъ я неспособенъ былъ

бы на такое безумное воспитаніе, еслибъ и получилъ законныя отеческія права на этого ребенка. Разъ, вечеромъ, зрѣлище родительскаго безумія было до того отвратительно, что я, черезъ пять минутъ по уходѣ графа въ кабинетъ, сказалъ графинѣ:

— Вы въ три мѣсяца такъ испортите ребенка, что его десятью годами воспитанія не исправишь. Отставьте отъ него эту дѣвчонку.

Я такъ это сказалъ, что графиня съ нѣкоторымъ удивленіемъ поглядѣла на меня.

— Это все графъ, проговорила она; но вы правы.

— А если правъ, подхватилъ я, то не позволяйте ему губить ребенка.

Дѣвчонка была отставлена и даже нѣжности графа стали менѣе шумны; но общій воздухъ барства не исчезалъ, да и сама графиня не въ состояніи была выкурить его.

— Учите меня, учите, повторяла она настойчиво, я буду исполнять ваши наставленія. Вѣдь вы знаете, матери умѣютъ только пичкать, цѣловать и сѣчь своихъ дѣтей.

Учить! я и самъ-то ничего не зналъ основательно по воспитанію. Я руководствовался больше общими соображеніями, гуманными принципами, тѣмъ, что́ я зналъ о законахъ природы; но никакой системы я не успѣлъ еще себѣ выработать. Не трудно было броситься къ книгамъ, но къ какимъ? вотъ вопросъ. Въ провинціи каждый чувствуетъ себя какъ въ пустынѣ. Правда, я усердно читалъ журналы, выписывалъ много всякихъ книгъ, и все-таки не могъ выбраться на свѣтъ Божій—по кровному для меня, тогда, вопросу: ухода и воспитанія дѣтей. Вѣдь у меня же на рукахъ

былъ еще одинъ, уже восьмилѣтній ребенокъ—Наташа. Съ ней дѣло шло лучше: но нельзя же было оставить ее безъ воспитательницы, такъ какъ материнское сердце не лежало къ ней, а я часто разъѣзжалъ по вотчинамъ. Эту воспитательницу надо было руководить. Я просто терялъ голову.

И среди всѣхъ этихъ заботъ, я какъ волкъ, исподлобья, смотрѣлъ на свое кровное дитя. Мнѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не удалось побороть въ себѣ чувства, не допускавшаго меня ласкать Колю при всѣхъ, хотя графиня безпрестанно подавала мнѣ къ этому поводъ. Я не завидовалъ правамъ графа, я только возмущался его баловствомъ, но нѣжность къ тому созданію, которое мать считала моимъ сыномъ — не проявлялась наружу даже и въ тѣ минуты, когда никого, кромѣ матери, не было, и она подставляла красивое лицо мальчика съ зелеными большими глазами къ моимъ губамъ. Да и ребенокъ не льнулъ ко мнѣ. Онъ даже пугался моей бороды и разъ такъ расплакался отъ моего поцѣлуя, что я ушелъ убитый.

Только съ моимъ кроткимъ другомъ, Наташей, отводилъ я душу: она привязывалась ко мнѣ не по днямъ, а по часамъ. Она знала, что я ея воспитатель и второй отецъ. Графа она любила, часто ласкалась къ нему; но отношенія этой дѣвочки со мною вбирали въ себя всю ея дѣтскую жизнь. Она не разъ мнѣ говорила, вечеромъ, гдѣ-нибудь въ уголку:

— Вы будете жить — и я буду жить; а вы отъ насъ уйдете—и я убѣгу; очень люблю папу, а убѣгу.

XLIV.

Предупреждать меня — сдѣлалось какимъ-то «физіологическимъ отправленіемъ» графини Варвары Борисовны.

— Вамъ надо провѣтриться, сказала она мнѣ какъ разъ въ такой моментъ, когда я началъ искать исхода своимъ заботамъ.

— Нужно, подтвердилъ я.

— Поѣзжайте съ графомъ въ Петербургъ. Эта поѣздка будетъ полезна во всѣхъ отношеніяхъ.

Разговоръ этотъ происходилъ послѣ петербургскихъ пожаровъ, когда повсюду запахло другимъ воздухомъ, совсѣмъ не тѣмъ, какимъ я дышалъ въ Москвѣ, въ первую мою поѣздку туда.

— Графъ еще не очень твердъ, продолжала она. Слава Богу, вы успѣли кончить все прекрасно въ имѣніяхъ; но графъ служитъ, и тамъ, въ Петербугѣ, онъ можетъ подпасть подъ вліяніе разныхъ толковъ и слуховъ;—поддержите его.

Такія слова способна была *тогда* произнести только она, и никто больше въ ея сферѣ, да особливо еще въ отдаленіи губернскаго города. Графъ уже начиналъ слегка прохаживаться на счетъ «всесвѣтной революціи» и «краснаго пѣтуха», будто-бы угрожающаго всему государству; но она только посмѣивалась и говорила: — Боже мой, какое сплетничество. Было бы у насъ меньше вѣры въ «небось», не случились бы и пожары. По-моему, если начали либеральничать, то изъ-за чего же теперь тянуть назадъ?

Кто бы могъ придраться къ такому мнѣнію? оно

было чисто барское, спокойное, почти равнодушное; но я отлично зналъ, что графиню сильно огорчилъ чадъ, оставшійся отъ петербургскаго пожарища. Слово «нигилистъ» уже гудѣло вездѣ, на каждой вечеринкѣ столоначальника или уѣзднаго лѣсничаго. Ко мнѣ эта кличка была приклеена всей губерніей: меня слишкомъ хорошо знали по моей «возмутительной пропагандѣ» въ крестьянскомъ дѣлѣ. И никогда я не слыхалъ, чтобы графиня, хоть въ шутку, употребила его.

— Кабы всѣ наши мужчины были какъ этотъ Базаровъ, сказала она мнѣ по прочтеніи романа, славно было бы жить намъ—женщинамъ.

Да, она продолжала быть моей вѣрной союзницей. Мое ученичество покончилось къ тому времени: я свободно читалъ по-англійски, пѣлъ итальянскіе романсы, по-французски говорилъ «основательно» (по выраженію моей наставницы). Наши уроки превратились въ чтенія. Графиня чрезъ меня знакомилась со всѣмъ, что тогдашняя журналистика наша вносила въ сознаніе русской публики. И ко всему-то она относилась по-своему, т.-е. смѣло, умно, характерно. Великое удовольствіе было читать ей велухъ любой разборъ, любую полемику, любую монографію. Она уже не уничтожала такъ «народный театръ», какъ когда-то въ Москвѣ, соглашалась съ Добролюбовымъ и Бѣлинскимъ въ очень многомъ; но не склонялась передъ выводами автора «Эстетическихъ отношеній». Ни до чего она не боялась дойти умомъ, и только совѣсти не давала шевелиться противъ своего желанія. Года не прошло, какъ она говорила мнѣ:

— Надо создать себѣ новый символъ вѣры, и я готова. Съ прежними обрывками мыслей жить нельзя.

Вотъ почему мы съ ней были за-одно и по «новому воздуху», и по «злосчастному и малодушному поколѣнію», и по нашему личному вопросу — уходу и воспитанію Коли.

— Поѣзжайте, напутствовала она меня, поищите тамъ свѣдущихъ людей, привозите книгъ, выберите хорошую бонну для Коли.—Она стояла за англичанку; я было воспротивился на томъ основаніи, что ребенокъ будетъ одно и то же слово называть на нѣсколькихъ языкахъ—и разовьется менѣе. Графиня хоть и согласилась со мною, но практически доказала мнѣ, что русскія мамки—никуда негодны, нѣмки—глупы, француженки—лживы, драчливы и нервны; а англичанка тѣмъ, по крайней мѣрѣ, хороша, что выходитъ ребенка и пріучитъ его къ водѣ, къ воздуху, къ движенію, и не дастъ ни одной вредной привычки.

Графу сообщались результаты этихъ совѣщаній въ видѣ желаній, которымъ онъ подчинялся охотно, только бы ему не мѣшали мять Колю и прыгать съ нимъ по залѣ.

На поѣздку съ графомъ я разсчитывалъ и въ томъ еще смыслѣ, что съ глазу на глазъ, дорогой, мнѣ легче будетъ направить его по части его родительскаго баловства. Въ городѣ у меня не хватало свободы духа бесѣдовать съ нимъ на эту тэму. Да онъ и не заводилъ со мною рѣчи о Колѣ. Онъ оставлялъ для меня толкъ о болѣе серьёзныхъ предметахъ, и когда я выразилъ ему желаніе проѣхаться въ Петербургъ, то первымъ дѣломъ сказалъ:

— Какъ это кстати. Душевно радъ. Вы знаете,

что земскія учрежденія на носу. Такъ я буду совершенно au courant. Это—довершеніе великаго дѣла, и вы, я увѣренъ, опять будете моимъ вѣрнѣйшимъ сотрудникомъ.

Необычайное уваженіе возъимѣлъ онъ ко мнѣ послѣ того, какъ послѣдняя уставная грамота была подписана. Правда, по двумъ губерніямъ имя его гремѣло за безпримѣрное великодушіе, но все-таки въ немъ могло-бы явиться хоть небольшое раздраженіе противъ того, кто помогъ значительному сокращенію его доходовъ. Нѣтъ, на него это не повліяло. Такое добродушіе, минутами, приводило меня втупикъ, но не дѣлало личность графа болѣе симпатичною — и хорошо, что не дѣлало.

Въ дормёзѣ, гдѣ мы усѣлись, какъ два усерднѣйшихъ «сотрудника», графъ не утерпѣлъ и шепнулъ мнѣ:

— Помните, Николай Иванычъ, я вамъ разсказывалъ про одного мѣщанина, врачующаго...

— Помню, перебилъ я.

— Вы не повѣрили... Не хотите ли я васъ сведу къ нему?

— Зачѣмъ же, графъ?

— Чтобы вы убѣдились... Такому человѣку надо бы поставить монументъ.

Лицо его при этомъ такъ просіяло, что я подумалъ:

«Видно въ самомъ дѣлѣ вылечился и ѣдетъ на послѣдній искусъ.»

Оптимизмъ графа былъ такъ заразителенъ, что я безъ особой тревоги прибылъ въ Петербургъ, уже преисполненный пожарнаго духа.

XLV.

Какимъ школьникомъ показался я себѣ, когда сравнилъ московскія мечты съ петербургской правдой. Мы думали, что прогрессъ такъ и понесетъ насъ; а тутъ «стопъ машина»! За мѣсяцъ, проведенный въ Петербургѣ, я поумнѣлъ на десять лѣтъ; но съ какой бы радостью промѣнялъ я этотъ умъ на прежнюю глупость.

Сошелся я съ хорошими людьми; но эти хорошіе люди твердили одно:—«Надо сжаться, надо напирать на подробности—заниматься идеями вредно».

Подробности представлялись мнѣ въ образѣ графа. Онъ былъ преисполненъ будущностью земскихъ учрежденій—и, слушая его, я начиналъ надѣяться, что можетъ быть, когда распоряжаться своимъ хозяйствомъ будутъ выборные, заведутся и школы, и больницы, и артели, и ссудные банки. Право, графъ жилъ сильнѣе всѣхъ тѣхъ, отъ кого я набирался уму-разуму; а тѣ больше «сидѣли на рѣкахъ Вавилонскихъ». Толковалъ я съ педагогами — мало толку вынесъ и отсюда. Накупилъ книгъ, убивалъ вечера въ долгихъ спорахъ и разсужденіяхъ; но ни одного дня не провелъ радостно. Въ итальянской оперѣ меня возмущала публика, у французовъ въ Михайловскомъ театрѣ смѣяться не давала та же публика, изъ Александринскаго—я просто выбѣжалъ. Петербургъ давилъ меня, и я началъ поталкивать графа.

Тутъ только испыталъ я впервые состояніе «гражданской скорби». Это не фраза для того, кто вѣрилъ въ «общество», какъ въ убѣжище отъ всѣхъ личныхъ

мытарствъ. И никогда я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ Петербургѣ. Все мнѣ говорило: «Знай, что дальше твоего *я*—ты никуда не уйдешь, никакого общества у насъ нѣтъ; если мы и добьемся чего-нибудь, то въ разсыпную, рѣшительно ни на кого не разсчитывая».

Тутъ же я присмотрѣлся попристальнѣе и къ моему *врагу*—графу. Есть такая порода людей: они ограничены, лишены почина, мы на нихъ смотримъ свысока, но по-своему они лучше распоряжаются съ дѣйствительностью, чѣмъ мы. Изъ всего они извлекаютъ медъ своего оптимизма, служатъ *видимому* благу усердно, совѣсть у нихъ чиста, и никто на нихъ и вознегодовать не можетъ.

Графъ не заразился «пожарными разговорами», мы съ графиней достаточно на него подѣйствовали; но онъ въ Петербургѣ и не замѣтилъ совсѣмъ того, что меня начало душить. Онъ бредилъ земствомъ, рыскалъ по городу къ разнымъ особамъ, «стоящимъ у источника», говорилъ съ деректорами департамента; излагалъ разныя разности «его высокопревосходительству», мечталъ о томъ, какъ у насъ въ губерніи все славно пойдетъ, когда введутъ земство и выберутъ его въ предсѣдатели управы.

Дня за два до нашего отъѣзда, онъ вошелъ ко мнѣ въ нумеръ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, собираясь на какой-то важный дѣловой вечеръ. Я только-что вернулся домой и сидѣлъ угрюмо за книгой, испытывая сильнѣйшій припадокъ петербургской хандры.

Должно быть ему очень меня жалко стало. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, положивъ руку на плечо, и сладко заговорилъ:

Что это вы, Николай Иванычъ, какой хмурый въ Петербургѣ? Неужели соскучились?

— Претитъ здѣсь, графъ, отвѣтилъ я небрежно, пора бы домой.

— Отчего же вамъ такъ противно? Попали въ европейскій городъ и соскучились о провинціи.

— Вы развѣ не видите, чѣмъ теперь запахло?

Я спросилъ такъ выразительно, что онъ-таки догадался.

— Это пройдетъ, успокоительно вымолвилъ онъ, надо переждать. Дѣла предстоитъ бездна, и какого дѣла! Мы сами можемъ достичь всего, рѣшительно всего!

— Блаженъ кто вѣруетъ...

— Именно блаженъ: я вѣрую, я борюсь, я знаю, что съ силой воли можно все. Да позвольте ужъ сказать про себя. Вы давно такъ близки мнѣ, что я и не думаю скрываться. Возьмите вы меня. Вѣдь я четыре года тому назадъ предавался одному отвратительному пороку: пилъ запоемъ; да, увѣряю васъ честью. И что же? изъ любви къ графинѣ, изъ уваженія къ своему человѣческому достоинству и кончилъ тѣмъ, что теперь—окончательно вылечился—неправда ли, почти невѣроятно? А достигъ же я этого! Такъ точно и во всемъ прочемъ. Переждемъ и станемъ дѣлать то, что позволяютъ, честно, усердно, не жалѣя себя, и будутъ у насъ дороги, мосты, школы, библіотеки, больницы — все будетъ. И вамъ какая масса труда предстоитъ по однимъ нашимъ имѣньямъ. Довершите великое дѣло *въ районѣ вашего вліянія* — и благо вамъ будетъ!

Онъ чуть-чуть не облобызалъ меня и заторопился на свой дѣловой вечеръ.

Обидно мнѣ стало *раскисать*. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, во мнѣ было меньше толку и выдержки, чѣмъ въ баринѣ, воспитанномъ отъ трехъ тысячъ душъ. Надо было дѣлать то же, что̀ и онъ, только *по-своему*...

Англійская бонна, отысканная мною въ Петербургѣ и подвергнутая всякимъ испытаніямъ, отправлена была впередъ и графъ уже получилъ отъ жены письмо, гдѣ она благодарила меня за выборъ.

XLVI.

Графиня тотчасъ же замѣтила, съ какимъ новымъ отношеніемъ къ жизни вернулся я изъ Петербурга. Она не замедлила похвалить меня.

— Петербургъ пошелъ вамъ въ прокъ. Вы еще поуспокоились. Вы видите теперь, что не за изъ чего очень-то бичевать себя. Хорошо и то, чего добьетесь въ одиночку.

Наши бесѣды получали самый мирный характеръ. Разномыслій почти не было по самымъ отвлеченнымъ вопросамъ, дѣйствовали мы единодушно и на счетъ *сына*. Но моему отеческому сердцу рано пришлось болѣзненно сжиматься. Я уже замѣтилъ, что ребенокъ не любитъ моихъ ласкъ. Когда онъ началъ ходить и болтать, то преслѣдовалъ меня прозвищемъ «дядя—у-у»! Онъ прозвалъ меня такъ за мое басовое пѣніе, котораго онъ терпѣть не могъ. Такъ я для него и остался: *дядя у-у*. На руки ко мнѣ онъ не шелъ, говорить со мною не любилъ, ничего у меня не просилъ. Не то, чтобы онъ боялся меня, а скорѣе *презиралъ*, если толь-

ко у маленькихъ дѣтей есть это чувство. Мнѣ казалось, одно время, что я преувеличиваю, поддаюсь излишней впечатлительности; но графиня подтвердила мои наблюденія и не мало этимъ огорчалась. Принуждать ребенка къ нѣжности нельзя же было, а вызвать ее я рѣшительно не умѣлъ, хотя и просиживалъ ночи надъ разными воспитательными трактатами. Графъ ни о какой гигіенѣ и педагогикѣ знать не зналъ, а его Коля любилъ. Его только и любилъ, больше, разумѣется, за баловство; матери боялся и какъ-бы сознавалъ свое кровное родство и поразительное сходство съ нею.

— Вотъ и подите, говорила не разъ графиня, какъ природа шалитъ.

Она старалась меня ободрить, но не особенно удачно. Мое «призваніе» натыкалось ежедневно на какое-нибудь фіаско. Со всѣмъ этимъ я бы помирился рано или поздно, еслибъ въ мальчикѣ не начала сказываться далеко не симпатичная натура. Онъ по типу былъ—вылитая мать; но въ немъ засѣли крайности ея темперамента и душевнаго склада. Ея смѣлость выродилась въ дерзость, холодный разсудокъ—въ хитрость, самообладаніе въ гордость и систематическое себялюбіе,—именно *систематическое*, потому что оно послѣдовательно проникало всѣ его малѣйшіе поступки. Уходъ за нимъ былъ самый раціональный, какой только возможенъ для русскаго дворянскаго дитяти. Англичанка, дѣйствительно, пріучила его къ воздуху, водѣ и движенію. Мальчикъ скоро сдѣлался очень ловокъ и выносливъ, строенъ и смѣлъ до дерзости. Въ его зеленыхъ глазахъ зажигалась настоящая отвага, и въ эти минуты можно было имъ залюбоваться. И

учить его стали толково, на началѣ широкой личной свободы и разносторонняго развитія всѣхъ способностей. Онъ быстро развивался, пяти лѣтъ болталъ на трехъ языкахъ правильно и бойко, во всякихъ играхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ выказывалъ образцовую способность. Все, что этотъ ребенокъ говорилъ, было мѣтко, но жестко, сухо, бездушно. Мать немогла этого не замѣчать; но внѣшность Коли пересиливала и она начала закрывать глаза на его коренныя антипатичныя свойства.

Да и что-жъ тутъ было дѣлать? Я не съумѣлъ привязать его къ себѣ, не съумѣлъ даже подчинить его своему вліянію, какъ старшій другъ и руководитель. Мои частыя отлучки не позволяли мнѣ заниматься съ нимъ безъ большихъ паузъ. Приставили къ нему наставника по моему выбору; но и онъ не добился никакихъ моральныхъ результатовъ. Мальчикъ зналъ уроки, даже щеголялъ своими успѣхами, но характеръ его не смягчался. Наказывать его не приводилось: онъ во всемъ держалъ себя съ тактомъ и величайшимъ «себѣ на умѣ»; но и мнѣ, и наставнику его, и даже графинѣ ясно было, что подъ этой безукоризненностью хоронился непочатый уголъ властолюбія, тщеславія и эгоизма.

Минутами я доходилъ чуть не до бѣшенства и каждое мое пребываніе въ городѣ стоило мнѣ цѣлаго года жизни. Незадача на *моемъ* сынѣ глодала меня, и если я и съ этимъ помирился, то благодаря лишь натурѣ медвѣжатника. Какъ только мальчикъ сталъ понимать отношенія къ нему окружающихъ, онъ выражалъ свое нерасположеніе ко мнѣ въ очень вѣскихъ разговорахъ.

И мать, и законный отецъ сказали ему, что его воспитаніе находится и подъ моимъ надзоромъ. Но онъ видѣлъ, что я не гувернеръ его, что у него есть наставникъ и учительница языковъ. Онъ и сталъ разсуждать: кто же я такой, и зачѣмъ вмѣшиваюсь въ его воспитаніе.

Вотъ онъ разъ и обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— Monsieur Гречухинъ—скажите, вы управитель у папа?

— Я управляющій его имѣньями, поправилъ его я.

— Это все равно. А зачѣмъ maman и папà говорятъ, что я долженъ васъ слушать? Вѣдь вы ѣздите къ мужикамъ. Это ваша должность. У меня есть monsieur Павловъ и mademoiselle Surot? А вы чтó такое?

И все это я, поневолѣ, глоталъ. Мой родной сынъ семилетній младенецъ спрашивалъ меня—А вы *чтó* такое?

Тутъ было, по увѣренію графини, кровное родство—и давало оно такіе блестящіе результаты; а совсѣмъ чужая Наташа къ тому времени выровнилась въ прелестное созданіе и чуть не молилась на меня. На нее тратили гораздо меньше, ею мать не интересовалась, графъ сталъ къ ней тоже равнодушнѣе съ тѣхъ поръ, какъ родилось свое законное чадо; а она съ каждымъ годомъ расцвѣтала не красотой, не свѣтскостью, не блескомъ, а безконечной добротой и широкимъ пониманіемъ своихъ человѣческихъ обязанностей. Она, должно быть, родилась съ чувствомъ долга. Я ее и не думалъ морализировать. Я бесѣдовалъ съ ней почти какъ съ большой, выбиралъ ей книги, ука-

зывалъ на жизнь; а остальное додѣлало золотое сердце.

Въ то время, какъ сводный братъ ея спрашивалъ меня: «*что* я такое», Наташа говорила мнѣ чуть не каждый день:

— Вы мнѣ отецъ, вы мнѣ другъ, вы мнѣ все.

Позналъ я тогда, что̀ такое *возмездіе*, раздаваемое рокомъ!

XLVII.

Я забѣжалъ впередъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ: понятно, я жилъ всего сильнѣе въ сынѣ моемъ. Я пересталъ окончательно перебирать нашу связь и ея нравственное значеніе: а «переросъ» это, какъ говорила графиня. Сначала, я, въ качествѣ доморощеннаго психолога и дилеттанта, сталъ заниматься супружеской невѣрностью, «an und für sich». Все я прочелъ по этой части, все, что̀ только есть крупнаго у англичанъ, у нѣмцевъ, у французовъ и у насъ, и пришелъ къ тому чистосердечному убѣжденію, что *этой вещью* слишкомъ занимаются, слишкомъ много въ нее вводятъ ненужной грязи, пошлой фразы или сентиментальнаго резонерства. Я не почувствовалъ себя солидарнымъ ни съ однимъ любовникомъ, а я не смотрю на себя, какъ на героя. Всѣ они выѣденнаго яйца не стоютъ: говорю это безъ малѣйшей злобы, безъ малѣйшаго ухарства. Ни одинъ не былъ въ моей кожѣ, а мое положеніе самое обыкновенное на Руси. Не однѣ книги, а жизнь просвѣтила меня. Какъ я поѣздилъ въ Москву, въ Петербургъ, въ усадьбы, губернскіе и уѣздные города, какъ позналъ, что̀ такое бракъ у насъ на

Руси, во всѣхъ слояхъ и состояніяхъ, то и пришелъ къ тому, быть можетъ чудовищному, но вѣрному выводу, что моя *преступная* связь едва ли не изъ самыхъ чистыхъ. Не діалектика графини окончательно меня обезоружила, а собственный опытъ, житейскій и умозрительный.

Предо мной была жизнь, настоящій кряжъ ея, безповоротно въѣвшійся въ землю. Ничѣмъ своротить его нельзя было. Женщины, какъ графиня, живутъ и родятся, все равно, что разновидности естественной исторіи. Еслибъ ихъ тянуло попробовать, примѣрно, Рахметовскихъ упражненій, у нихъ хватило бы на это натуры; но они не хотятъ—«et tout est dit», какъ выражается графъ въ припадкахъ земскаго либерализма.

Очень хорошо сдѣлала и графиня: настояла-таки на томъ, чтобъ я прочелъ всю «Человѣческую Комедію» Бальзака и посидѣлъ надъ его «Физіологіей Брака». Когда я проштудировалъ Бальзака, то, во-первыхъ, призналъ его великимъ романистомъ нашего вѣка, разумѣется, во французской шкурѣ, а во-вторыхъ, извлекъ и изъ него, что все возможно—вплоть до приличнаго, серьёзнаго и великодушнаго прелюбодѣянія графини Кудласовой съ ея управителемъ Николаемъ Гречухинымъ.

Да, врядъ ли бы кто изъ *бывалыхъ* русскихъ заклеймилъ этимъ именемъ то, что́ между нами было на протяженіи цѣлыхъ семи лѣтъ. Я не спрашивалъ, исполняла ли графиня свои супружескія обязанности, или нѣтъ, и самъ почти забывалъ, что я—ея возлюбленный. Въ эти семь лѣтъ я изъѣздилъ чуть не пятьдесятъ тысячъ верстъ, возился безъ устали и съ сы-

номъ моимъ, и съ Наташей, и съ крестьянами. Какъ только графъ поступилъ на службу земства, я продолжалъ отдаваться своему мужицкому дѣлу: заводилъ школы, больницы, ссудныя товарищества, испробовалъ всего вплоть до артельнаго сыроваренія—изъ кожи лѣзъ, точно мнѣ земство платило особое жалованье. Толкъ изъ всего вышелъ не Богъ знаетъ какой—и самое слово «земство» я стараюсь теперь не употреблять въ разговорѣ. Два раза мы ѣздили за-границу, но жили съ графиней не въ однихъ мѣстахъ. Она оставалась на водахъ, а я оба раза работалъ въ Бельгіи, Германіи, Франціи и Англіи. Я не переставалъ считать себя неучемъ и школьникомъ, и набивалъ сумку своихъ свѣдѣній—на черный день.

Какую роль во всемъ этомъ играла «преступная связь?» Почти что никакой, но она не обрывалась, и когда она оборвется—я и теперь не знаю. Стóитъ только начать человѣку жить, не боясь ничего, и онъ увидитъ, какъ самое безобразіе превратится въ необходимость и даже въ благо. По-своему, графиня догадалась объ этомъ еще семь лѣтъ назадъ, когда меня наставляла, а я только теперь, потому что она преисполнена талантовъ, а я—самодѣльная телѣга.

Обвинять себя, клясть и ругать—дешевая забава, оставимъ ее старичкамъ временъ «лишнихъ людей». Потребуется моего обвиненія—я повинюсь; понадобилось-бы класть голову на плаху—я положу, коли будетъ стоить; но безплодно копаться въ себѣ не намѣренъ. Это — не оправданіе, это — сопоставленіе, не больше. А принципы у насъ все-таки есть, и у первой у графини Варвары Борисовны: подмѣть она во мнѣ завтра малѣйшее отступленіе отъ нѣкоторыхъ мо-

ихъ идеаловъ, она сейчасъ-же устранитъ меня. Объ «этомъ» же стòитъ-ли волноваться!

Никогда не забуду, съ какимъ юмористическимъ самообладаніемъ она выразила слѣдующій взглядъ:

— Что это вы всѣ, мужчины, какіе дикіе. Такая полная жизнь передъ вами, и вы страдаете изъ-за сущихъ пустяковъ—изъ-за *бабы*.

Она такъ и употребила слово: «баба».

XLVIII.

Но какъ ни сильно возился я промежъ мужиковъ, какъ ни усердно читалъ и учился—дѣйствительность взяла свое. Незамѣтно, безъ всякихъ сценъ и столкновеній между мной и графиней началъ порхать какой-то свѣжій вѣтерокъ, перешедшій въ нѣчто менѣе прохладное. Какая-то вязкость и терпкость стала ощущаться обоими: точно подъ ложкой что-то лежало камнемъ, родъ душевной *кардіаліи* — такъ по крайней мѣрѣ чувствовалъ я. Графиня начинала вѣроятно (говорю «вѣроятно», ибо объясненій по этому предмету не было) находить, что я тяжеленекъ. И въ самомъ дѣлѣ, бывалость моя, книги, путешествія, головная работа—все это развило меня, но не придало пріятныхъ формъ. Я смотрѣлъ тѣмъ-же управителемъ. Со внѣшностью моею графиня давно освоилась, находила даже въ ней много «modelé», но въ тонѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ остались звуки и оттѣнки, которые не выкуришь никакимъ куревомъ. Обученіе мое кончилось; давно уже я доразвивалъ мою наставницу. Такой обмѣнъ ролей не раздражалъ ее; она ни отъ чего не сторонилась и все воспринимала охотно; но

извѣстныя идеи, какъ сильное лекарство — производятъ боли даже и въ тѣхъ, кого онѣ вылечиваютъ. Боли эти—противорѣчіе книжки съ жизнью. Оно присутствовало во всемъ, и ежесекундно. Графиня не могла этого не понимать и хотѣла остаться «позитивисткой» (какъ она себя иногда называла), т.-е. возводила въ положительную теорію необходимость того, какъ она жила. Мы не могли, стало быть, касаться тысячи вещей вплотную, искренно, съ желаніемъ превратить слово въ дѣло, и такое чисто мозговое единомысліе сказывалось во мнѣ суровостью и очень часто замкнутостью.

А тутъ еще—вѣчное больное мѣсто—Коля...

Вотъ имъ-то и воспользовалась графиня.

Мальчикъ доросъ уже до того возраста, когда является вопросъ: гдѣ ему продолжать воспитаніе —дома или въ школѣ? Мать стояла за домъ, я за школу, надѣясь хоть сколько-нибудь на вліяніе товарищеской среды. Но пока мы толковали, Коля, подростая, продолжалъ относиться ко мнѣ пренебрежительно и даже зло. Нѣсколько разъ, онъ при графѣ и графинѣ, и даже при постороннихъ, говорилъ мнѣ дерзости. Положеніе дѣлалось совершенно невыносимымъ.

— Знаете что́, сказала мнѣ графиня ровно годъ тому назадъ, такъ мы съ вами ничего не добьемся отъ Коли. Уѣду я на годъ за-границу. Онъ будетъ ходить въ хорошую школу, это его пересоздастъ; среди мальчиковъ-иностранцевъ онъ смирится непремѣнно. На васъ онъ не будетъ больше смотрѣть, какъ на буку. А черезъ годъ, если онъ исправится, вы пріѣдете къ намъ... Право, такъ лучше будетъ.

Я не противорѣчилъ. Это былъ не исходъ, но

опытъ, въ которомъ кое-что казалось мнѣ дѣльнымъ. Потребность отдохнуть другъ безъ друга — додѣлала остальное.

Графу былъ сообщенъ готовый проектъ, который онъ принялъ, однако, не съ особымъ удовольствіемъ. Что́ во мнѣ давно остыло — жило въ немъ все также сильно: онъ любилъ *женщину*, ему нужно было, какъ можно чаще, видѣть ея ясныя очи. Онъ и въ Россіи разъѣзжалъ потому только, что графиня не любила видѣть его около себя больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ сряду.

Но цѣлый годъ! Она требовала, чтобы онъ раньше года не являлся, доказывая, что это необходимо для хорошаго воспитанія Коли.

— Ты его такъ балуешь, Платонъ, говорила она; я его больше отъ тебя и увожу.

Разумѣется, онъ согласился, но началъ упрашивать меня—проводить графиню и прожить съ ней заграницей, какъ можно дольше. Тутъ пришлось намъ вдвоемъ урезонивать его, и понадобилось гораздо больше времени, чѣмъ на согласіе отпустить графиню заграницу.

Онъ прямо объявилъ, что если я не поѣду — онъ потеряетъ всякое спокойствіе.

— Да что-жъ, меня съѣдятъ что-ли, Платонъ? спросила его графиня.

— Помилуй, мой другъ, повторялъ онъ, одна на цѣлый годъ... Съ Николаемъ Иванычемъ—да; но безъ Николая Иваныча... Я, право, лучше брошу должность!..

Но его все-таки урезонили. Онъ только выговорилъ себѣ право: проводить графиню до Варшавы. Она

рѣшила прожить всю зиму во Флоренціи, гдѣ есть хорошія школы для иностранцевъ; а ее давно уже посылали врачи на зимовку въ Италію.

Наташу графиня оставляла съ гувернанткой на попеченіе ея двоихъ отцовъ. Это очень обрадовало Наташу; она побаивалась, что ее увезутъ отъ меня. Коля оставался равнодушнымъ, посвистывалъ и повторялъ съ презрительной миной:

— Ça m'est bien égal d'entrer dans une école... mais pas avec de goujats.

Онъ уже зналъ: что́ такое *goujat*, а себя считалъ изъ «бѣлой кости».

XLIX.

Десять лѣтъ смотрѣли на насъ съ графиней, когда мы проводили вмѣстѣ послѣдній вечеръ передъ ея отъѣздомъ за-границу.

Случилось такъ, что это было опять въ московской голубой комнатѣ, гдѣ все стояло по прежнему, только все немного повыцвѣло и постарѣло. Графъ исчезъ на цѣлый день: накупать разныхъ дорожныхъ вещей. Въ Москвѣ мы были проѣздомъ. Распрощавшись съ отъѣзжающей, я долженъ былъ вернуться въ Слободское съ Наташей и ея гувернанткой.

Также, какъ и въ памятную для меня ночь, графиня угощала меня чаемъ; только на этотъ разъ вмѣсто открытаго бархатнаго платья ее драпировало очень простое полотняное, сшитое на дорогу.

Мы вспомнили объ одномъ и томъ же. Это я увидѣлъ по улыбкѣ графини.

— Старенькіе мы съ вами, выговорила она, и бросила боковой взглядъ въ зеркало.

Не нужно было дѣлать ей пошлыхъ увѣреній въ вѣчной молодости: или взглядъ у меня притупился, или она ни крошечки не постарѣла. Все также ей можно было дать отъ 25 до 30-ти лѣтъ, никакъ не больше, а ей стукнуло 38. Я это доподлинно зналъ: она старше меня на два съ небольшимъ года.

— Да, отвѣтилъ я, то что́ здѣсь было десять лѣтъ тому назадъ, ужъ больше не вернется...

— Будто вы жалѣете объ этомъ? не то насмѣшливо, не то съ грустью спросила она.

— Зачѣмъ жалѣть...

— Однако, Николай Иванычъ, положа руку на сердце: что̀ вы ко мнѣ чувствуете?

— Прежней страсти нѣтъ, выговорилъ я съ возрастающимъ волненіемъ: мозгъ пересилилъ темпераментъ; за то онъ-же растолковалъ мнѣ, что вамъ въ сущности обязанъ я тѣмъ, что жилъ, а не прозябалъ. Что̀-бы тамъ ни было позади, нумеръ вынулся мнѣ хорошій, и этотъ нумеръ—вы!..

Она ничего не выговорила и, протянувъ мнѣ руку, пожала.

— И вы не боитесь сказать мнѣ, продолжалъ я, что вамъ со мной стало тяжеленько—наступила другая полоса...

И на это она не отвѣтила; но руки не пожала.

— Не лучше-ли намъ проститься совсѣмъ съ нашимъ прошлымъ? спросилъ я твердымъ голосомъ, но тихо.

— Зачѣмъ-же это, давать зарокъ? живо возразила она. Ничего такого не нужно. Какъ поживется—такъ

и будетъ. Вы здѣсь останетесь одни, времени довольно, все обдумаете, и если надоѣстъ — раскланяетесь съ Платономъ Дмитричемъ—а не надоѣстъ—провѣдаете меня и сына вашего.

— Лучше не называйте его такъ! вырвалось у меня съ болью.

— Годъ много значитъ. Онъ очень умный мальчикъ, обомнется на чужой сторонѣ, и лучше пойметъ потомъ вашу доброту и заботу объ немъ.

Она говорила очень искренно: ей такъ хотѣлось, она этому вѣрила. Я ей не противорѣчилъ.

Но въ эту минуту мнѣ ее стало жаль, жаль не красавицу съ зелеными глазами и мраморнымъ тѣломъ, не того жаль, что мы прожили съ ней цѣлыхъ десять лѣтъ въ «преступной» связи, когда могли-бы, еслибъ она захотѣла, прожить ихъ иначе, нѣтъ не этого; а жаль ее, какъ женщину, какъ натуру, какъ умъ, какъ общественную силу...

Я такъ и высказался ей въ первый и послѣдній разъ.

— Оставимъ меня, заговорилъ я, беря ее за руку, я на дорогѣ, изъ меня вышелъ человѣкъ; но вы, вы... я не хочу мириться съ тѣмъ: какъ вы прожили двадцать лѣтъ сознательной жизни. У васъ рѣдкая сила ума, рѣдкая выдержка, вы можете все понимать и все выполнить. И на что-же это пошло? На исправленіе графа Платона Дмитріевича и обученіе кандидата Гречухина!

И я даже расхохотался отъ злобнаго чувства, не къ ней, *а за нее*.

— А этого мало? спросила она спокойно.

— Развѣ вы на то были бы способны?

— Видно ни на что̀ больше и не была никогда способна. Вы знаете меня, Николай Иванычъ. Я не люблю сваливать все на среду, на барство, на то, какъ насъ воспитали. Какъ уже это тамъ случилось— долго разсказывать; но я вышла вотъ такой, какой вы меня знаете: ни хуже, ни лучше. Ни осуждать себя, ни оправдывать я не желаю. Старалась быть вѣрной самой себѣ: вотъ все мое достоинство. Вамъ кажется, что я съ моимъ умомъ, талантами, характеромъ могла бы сдѣлаться не знаю чѣмъ: писательницей, миссіонершей, поднять женскій трудъ въ русскомъ государствѣ!.. А на повѣрку выходитъ, что я не съумѣла даже привязать къ вамъ вашего родного сына, хотя страстно этого желала. Вы вотъ говорите, что я ваша учительница, въ хорошемъ или худомъ—не знаю; довольно и этого. Даже исправленіе графа Платона Дмитріевича не малая вещь; но ни за то, ни за другое я благодарности не принимаю: такъ случилось—вотъ и все!

— Вы сами не вѣрите вашимъ пародоксамъ! вскричалъ я.

— Хорошо, пусть будетъ по вашему. Вѣдь я еще не собиралась умирать, съ вами я не прощаюсь: поживете и увидите, что я права. Мнѣ вотъ и подъ сорокъ лѣтъ, я и съ характеромъ, но право не отвѣчу за то, что̀ со мной будетъ черезъ полгода, если даже и останусь жива на желѣзныхъ дорогахъ.

Больше я ужъ ее не допрашивалъ.

— И то пріятно, добавила она, что мнѣ удалось разглядѣть, какой вы хорошій человѣкъ — а за все, что̀ вы вынесли горькаго — простите. Вы еще очень молоды и сильны, и сами сейчасъ сказали, что на дорогѣ. Вѣруйте, что никому не удастся сдвинуть

васъ — къ вамъ такая вѣра идетъ больше, чѣмъ ко мнѣ.

Простились мы друзьями—ни больше.

L.

Только-что уѣхали Кудласовы—умеръ мой отецъ. Я не попалъ на его похороны, и прожилъ съ мачихой двѣ недѣли.

Съ отцомъ я видался рѣдко. Онъ продолжалъ служить въ магистратѣ. Мной онъ «гордился», хотя и проговаривался, что не мѣшало бы какой нибудь чинишко, для видимости. Совѣтовъ моихъ онъ слушалъ, а я давалъ ихъ по одному всего вопросу: по воспитанію моихъ сестеръ и братьевъ. Изъ братьевъ уже двое въ университетѣ, двое въ гимназіи. Сестры ходили въ пансіоны; но я ихъ перевожу въ губернскій городъ, вмѣстѣ съ мачихой, бабой хоть и не очень мудрой, но толковой. Чего бы кажется ближе: взяться за ихъ дальнѣйшее образованіе; такъ нѣтъ, мнѣ дочь какого-то князя Дурова и графини Кудласовой гораздо ближе. Но я бы не взялся за это, если бы и бросилъ домъ Кудласовыхъ. Образованіе они получатъ, какое можно— я объ этомъ постараюсь, но перевоспитывать ихъ уже поздно: только совать свой носъ и путать. Мальчики кончатъ курсъ и будутъ маячить также, какъ и я грѣшный. Писать имъ надо, отъ времени до времени; но опять-таки не навязываться съ высшими соображеніями. Только бы вышли на дорогу; а скажутъ или не скажутъ братишкѣ — спасиба за его цѣлковые и за желаніе поддержать въ чемъ умѣетъ—это ихъ дѣло...

Довольно тревожиться черезчуръ *своими*, хотя бы

и родственными дѣлами. Уподобишься только тѣмъ героинямъ женскихъ повѣстей, которыя воображаютъ, что намъ очень весело читать, какъ онѣ все тормошатся, ахаютъ, охаютъ и все стремятся къ чему-то... Вотъ графиня Кудласова: она никуда не стремится, а просто себѣ живетъ... живетъ и супругъ ея, этотъ милѣйшій Платонъ Дмитріевичъ. Надо еще разъ повиниться передъ нимъ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло и не собирается еще забастовывать. Права̀ его жена, говоря, что «его исправленіе—не малая вещь». Вѣдь это я его не очень высоко ставлю (а кто поручится за мое безпристрастіе), а со стороны — онъ еще изъ очень свѣтлыхъ пятенъ на русской дѣйствительности. Много ли найдется у насъ *такихъ* предсѣдателей земства,— два-три, да и обчелся. Я подтрунивалъ надъ его записками и проектами, а онъ такъ «выровнялся», что составилъ весьма и весьма неглупую книжку по народному кредиту и изъ кожи лѣзетъ: какъ бы Вавилѣ и Парфену облегчить всякое дѣло и всякій починъ: шутка! Я считаю себя поглубже его, но я только его— *сотрудникъ*; а у него вдесятеро больше средствъ, помогать или вредить, чѣмъ у меня. Разумѣется, онъ ни въ чемъ *до корня* не додумается и никогда не спроситъ себя о томъ, откуда идетъ главная бѣда; но онъ сдѣлаетъ все, что̀ только можно въ его званіи.

Ну что̀ такое теперь земство? Кто въ него не извѣрился, у кого не опустились руки? Но графъ Платонъ Дмитріевичъ, сознавая, что «прискорбные эксцессы и печальныя недоразумѣнія вмѣстѣ съ постыднымъ равнодушіемъ гложутъ святое дѣло»—сочиняетъ книжки, тратитъ деньги, ревизуетъ, открываетъ, заводитъ, учреждаетъ. Въ немъ нѣтъ ни жадности, ни особаго дво-

рянскаго гонора; а глядишь, имя его завязано въ двухъ земельныхъ банкахъ и въ одномъ промышленномъ предпріятіи. Захоти—и онъ бы получалъ столько жалованья, сколько не даютъ ему его вотчины; захоти—и его бы сдѣлали черезъ пять лѣтъ сановникомъ. Я ему даже нѣсколько разъ и совѣтовалъ; но онъ преисполнился такъ идеями самоуправленія, что и слышать не хочетъ ни о какой другой службѣ, кромѣ выборной. Извѣстно, что первый шагъ для предсѣдателя—губернаторство. Ему, я навѣрно знаю, предлагали его два раза, и онъ отказывалъ—наотрѣзъ, безъ всякаго ломанья или затаеннаго сожалѣнія.

Словомъ, человѣкъ «въ своемъ званіи»—хорошій, и графиня не могла изъ него ничего лучшаго выработать. И я понимаю теперь, до прозрачной ясности понимаю, что такого человѣка постыдно, гадко, отвратительно лишать душевнаго покоя, объявивши ему «что вы-де, ваше сіятельство, прожили десять лѣтъ дурачкомъ между невѣрной женой—вашимъ божествомъ, и обманщикомъ-управителемъ, къ которому питали нелицемѣрное уваженіе.

Слѣдовало сдѣлать это Гречухину въ Слободскомъ, когда юношеская совѣсть впервые загрызла его, или просто бѣжать, не взирая ни на что; но Гречухинъ этого не сдѣлалъ—и не сдѣлаетъ иначе, какъ для блага того же графа Платона Дмитріевича.

Онъ не сдѣлалъ этого даже послѣ изліяній графа, когда тотъ вернулся, проводивши до Варшавы графиню съ сыномъ.

— Я не хотѣлъ-было отпускать Barbe, говорилъ онъ мнѣ «совершенно конфиденціально», и не изъ ревности, о нѣтъ! Но я боялся, что она въ одиночествѣ

начнетъ тосковать... У женщинъ, даже въ ея годы, являются смутныя идеи, порывы... вы это знаете. Вотъ почему я и желалъ, чтобы вы съ ней отправились: умъ ея не оставался бы незанятымъ. А то можетъ явиться излишняя требовательность...

— Къ кому и къ чему же, графъ? спросилъ я не безъ любопытства.

— Ко всему, Николай Иванычъ... и ко мнѣ также. Она мной довольна, это правда; но нуженъ еще постоянный prestige... а онъ не всѣмъ дается. Я строго за этимъ смотрю и постоянно подталкиваю себя впередъ; но для этого нужно жить вмѣстѣ, иначе...

— Полноте, остановилъ я его, видя, что имъ овладѣваетъ тревога; разлука въ нѣсколько мѣсяцевъ для васъ же будетъ выгодна. Графиня—характеръ въ полномъ смыслѣ. Она никогда не волнуется и ни къ чему туманному не стремится. А силы ея замѣтно измѣнились отъ нашихъ убійственныхъ зимъ.

Не знаю, успокоилъ ли я его, но съ этого разговора наши отношенія приняли какой-то елейный тонъ: точно мы были два родныхъ брата, живущіе въ идеальномъ согласіи, между которыми все существенное уже переговорено и сложено въ тайники души.

Графъ три раза предлагалъ мнѣ мѣста: дѣлопроизводителя, агента и даже директора по тремъ акціонернымъ предпріятіямъ; но я не принялъ ни одного. Контракта у насъ никакого уже нѣтъ. Я ему сказалъ, что съ слѣдующаго года брать съ него прежнее жалованье не согласенъ, дѣла вдвое меньше. Онъ чуть не прослезился, испугавшись того, что я «покину его семейство». Отмѣчу и то, что служба у него дала мнѣ сред-

ства обезпечить выводъ въ люди всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ, кромѣ маленькой копѣйки на черный день, когда начну что-нибудь другое...

Вотъ я и дошелъ до того дня, когда было получено мною приглашеніе графини: пожаловать на лѣто къ ней въ гости.

Она права: писалъ я рѣдко и мало. Не то чтобы я сдерживалъ себя, а чѣмъ же бы я сталъ наполнять большія письма? То, что я здѣсь записалъ, ей не нужно знать: все это ей извѣстно. Осень и зима прошли въ такой же черной работѣ, какъ и прежде. Большихъ разглагольствованій ей тоже не надо. Ей довольно и того, что «то-то молъ и то-то сдѣлано». Только объ Наташѣ я позволялъ себѣ распространяться, да и за это виню себя. Наташа теперь совсѣмъ на ногахъ, хоть ей всего семнадцатый годъ пошелъ. При ней славная дѣвушка, изъ «педагогичекъ», въ качествѣ больше погруги. Мы втроемъ живемъ душа въ душу. Хоть эта педагогичка и не богъ-знаетъ какой премудрости; но безъ хорошей женщины нельзя: извѣстныя вещи надо пропускать черезъ женскую натуру, чтобъ не сдѣлать изъ дѣвушки противнѣйшей смѣси задора и резонерства. Наташа не волнуется. У ней нѣтъ самообладанія графини; но за то, разъ что-нибудь переживши, она уже не мучитъ себя, уже и теперь въ душѣ ея—протестъ противъ барства; но къ отцу она справедлива и сознательно уважаетъ въ немъ все, что̀ и я въ немъ уважаю. Матери — она *не касается*, чтобы не тратиться въ безплодныхъ страданіяхъ. Личность матери — манитъ ее

своей натурой; но она уже разъ сказала себѣ, что между ними не будетъ дружбы, и старается мириться съ этимъ. Не думаю, чтобы ея воображеніе задавалось вопросомъ: что́ насъ связываетъ съ графиней. Она мнѣ говорила только, что уваженіе ея матери ко мнѣ—дороже ей, чѣмъ любовь отца къ ней самой. Намекнуть ей на возможность моего удаленія я не рѣшился бы, хоть она теперь и безъ меня знаетъ, какъ ей жить. Когда будетъ женщиной—я не стану скрывать прошлаго: ея дружбу я хочу пріобрѣсти безъ всякой утайки. Быть можетъ и отвернется. Тогда—по дѣломъ вору и мука. Только врядъ ли... Ея поколѣніе пойдетъ дальше насъ, и въ дѣлѣ всепрощенія—ума прибавится...

Графъ и спитъ и видитъ: какъ мы отправимся всѣ заграницу. Наташа рада этой поѣздкѣ потому больше, что я ѣду. Она взяла съ меня слово, что я пробуду при графинѣ все время, пока и она тамъ будетъ съ отцомъ.

Мы поѣдемъ вмѣстѣ, но я хочу явиться раньше графа съ Наташей—почему? ужъ конечно не для любовныхъ сценъ, а такъ; мнѣ это кажется полезнымъ, если не для графа, то для Наташи. Пожалуй, въ графинѣ и въ самомъ дѣлѣ разовьется особая требовательность, такъ пусть лучше ужъ на меня обрушится она. Второй партіи путешественниковъ придется полегче. Предлоговъ у меня найдется пропасть, чтобы отдѣлаться отъ нихъ и прямо проѣхать къ графинѣ; а графа я уговорю непремѣнно показать Наташѣ Берлинъ и Парижъ.

Еще нѣсколько дней—много десять, и я *ее* увижу.

У меня и теперь забилось сердце: видно года не выѣли еще совсѣмъ зерна первой страсти. Да, вотъ бьется сердце и рука не твердо водитъ перомъ. Какъ я ни воз-

мужалъ, какъ я ни расширилъ свой кругозоръ, а все *она* стоитъ впереди всего, не выше, а именно *впереди*. Къ ней, прямо или косвенно, шли всѣ нити моей сознательной борьбы. Написалъ я это слово не для того, конечно, чтобъ воспѣвать себя. Худо ли, хорошо ли, но я боролся и во всемъ крупномъ; рѣшительно во всемъ *она* меня поддержала. Я только знаю (да графъ отчасти), какая цѣльность и правдивость живутъ въ этой натурѣ. Ей и не такой вѣкъ, какъ нашъ, по плечу. Но сама по себѣ она ничего не сдѣлала. Опять я пришелъ къ тому же вопросу, и отвѣчать придется опять ея же словами. Но развѣ эти слова могутъ удовлетворить? Не вѣрю тому, что и ее они успокоиваютъ. Она была выше меня, когда удивлялась, что можно мучиться «изъ за-бабы»; но зачѣмъ же не себя-то наложила клеймо самой обыденной лжи, зачѣмъ?..

Теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, я все-таки не знаю: что́ ее побудило *сдѣлать* изъ меня своего любовника? Страсть? Нѣтъ: такъ страсть не проявляетъ себя. Жалость? Обидно; но я готовъ бы признать и это, еслибъ былъ въ томъ убѣжденъ. Темпераментъ? Сомнительно. Безпорядочность? Смѣху подобно и произносить это слово, до такой степени оно нейдетъ къ ея особѣ. Равнодушіе, протестъ, горечь? Все это ниже и мельче ея. И какая же у ней наконецъ натура? Знаю только, что не заурядная, но не больше. Чувственная, резонерская, циническая? Не знаю, тысячу разъ не знаю. Мнѣ казалось, когда я взялся за перо, что я изучилъ ее; а въ концѣ-концовъ я сознаю свое невѣжество. Вѣдь не схвачусь же я за готовые приговоры нравственности. Пошла ли она на сдѣлку съ совѣстью? Врядъ ли: у ней было бы хоть что-нибудь похожее на

раскаяніе. Вѣдь она на пути къ перерожденію, да и это не такъ, ей не надо совсѣмъ перерождаться: она честна, пряма, благородна, великодушна, какъ истая героиня; каждый жгучій вопросъ человѣчества ей понятенъ, она презираетъ искренно и мишуру, и эксплуатацію, и неравенство, и всякую самомалѣйшую пошлость. Даже великая ея несправедливость—сухость къ дочери—есть ни что иное, какъ протестъ противъ ея первой связи...

Что̀ же побудило ко второй? Скажетъ ли она мнѣ свое послѣднее слово?

Довольно спрашивать. Надо кончать.

Конецъ первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ сторонѣ.

I.

Въ вагонѣ я сидѣлъ одинъ. На послѣдней станціи вышелъ офицеръ въ плащѣ, съ цѣлыми двумя саблями и уродливой каской въ кожаномъ футлярѣ. Поѣздъ то-и-дѣло попадалъ въ туннели и двигался точно ощупью. Я сначала старался приглядываться къ мѣстности: ночь стояла темная, и еле-еле можно было распознать пологія очертанія Апениновъ.

Посмотрѣлъ я на часы: около часу, а мы, по росписанію, должны были добраться ровно въ полночь; но Италія сродни матушкѣ-Россіи по безпорядочности. Спать мнѣ не хотѣлось. Я усѣлся въ уголъ и прислонившись затылкомъ къ жесткой спинкѣ, обитой волосяной матеріей, отдался отрывочнымъ мыслямъ и образамъ.

Представилась мнѣ тучная, сдобная фигура Стрѣчкова. Мы съ нимъ столкнулись въ Петербургѣ у Доминика, за двумя рюмками водки. Обрадовался онъ мнѣ чрезвычайно, точно будто насъ не раздѣляли цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Мотя остался Мотей и восхитилъ

меня своей цѣльностью. Онъ, разумѣется, мировой судья; но кромѣ того свѣчной и конный заводчикъ, винокуръ и хлѣбный торговецъ.

— Въ Нижній, братъ, пробираюсь, говорилъ онъ, посапывая; всякой штуки искупить, шпіалтеру, того-другого, да и ко дворамъ. У меня, вѣдь, пятеро писклёнковъ. Ну, а ты что́?

— Я графскій управитель, отвѣтилъ съ усмѣшечкой.

— Изъ за какого же шута ты такъ застрялъ у дяденьки, Платона Дмитріевича? Или при тётенькѣ состоишь?

Онъ расхохотался на весь ресторанъ.

Меня хохотъ этотъ не покоробилъ: напротивъ, я продолжалъ любоваться типомъ моего Стрѣчкова.

— Вѣдь она, братъ, старая баба теперь. Ей поди за сорокъ перевалило.

— Тридцать восемь, выговорилъ я обстоятельно.

— Ну, не все ли равно. Нѣтъ, я тебя, дружище, не понимаю. Такой ты ученый и толковитый—и до сихъ поръ состоишь въ услуженіи у графа Кудласова. Да въ тебѣ пороху-то въ десять разъ больше, чѣмъ въ дяденькѣ. Доро́ги тебѣ, что-ли, нѣтъ? Куда хочешь: профессоромъ,—нынче вонъ нѣсколько академій земледѣльческихъ, или директоромъ завода, банка, дорожной компаніи. Слава тебѣ Господи: всѣ только и кричатъ, что людей нѣтъ!

Онъ спросилъ пива и усѣлся за столикомъ—усовѣщевать меня. Чтобъ его сколько-нибудь успокоить, говорю я ему:

— Куда-жъ мнѣ торопиться, я еще не старикъ. Прошелъ я хорошую школу, кое-какую деньгу скопилъ. Вотъ поѣду еще разъ посмотрѣть па заграничные порядки—а тамъ и начну что-нибудь.

— Развѣ такъ, откликнулся онъ; только я, признаться сказать, думалъ, что ты здѣсь какимъ-нибудь тузомъ акціонернымъ—право.

— Напрасно думалъ, наставительно возразилъ я.

И мы облобызались. На другой день мы оба выѣхали изъ Петербурга: онъ къ Макарію—я въ Вѣну. Эта встрѣча съ Стрѣчковымъ точно нарочно кѣмъ поставлена была въ преддверіи моей поѣздки. Судьба говорила: «на вотъ, погляди на того простачка, котораго ты перетаскивалъ изъ курса въ курсъ. Видишь, и онъ взялъ нотой выше тебя. Онъ сидитъ на трехъ китахъ и ничѣмъ ты его не сдвинешь. А ты!»

Но судьба не очень-то опечалила меня такимъ поученіемъ. Я думалъ о Стрѣчковѣ, сидя на жесткомъ диванѣ вагона, вовсе не затѣмъ, чтобы язвить себя: мнѣ просто было пріятно вызывать его фигуру воображеніемъ и чувствовать при этомъ, что отъ нея пышетъ чѣмъ-то своимъ.

— Firenze, Firenze! закричали въ носъ кондукторы, и поѣздъ выѣхалъ подъ освѣщенный навѣсъ.

Дверцу отворили, и служитель пожелалъ взять мои вещи. Тутъ, въ третій разъ, на итальянской почвѣ, я поблагодарилъ мою наставницу за то, что она пріучила меня хоть немного къ итальянскому языку.

Мой «Бедекеръ» рекомендовалъ мнѣ недорогую гостинницу «*Porta Rossa*», существующую больше для commis-voyageur'овъ. Я такъ и распорядился. Но омнибуса отъ этого отеля не оказалось: поѣздъ опоздалъ на цѣлыхъ два часа.

— Ragazzi! крикнулъ толстый багажный служитель, и два какихъ-то оборванца потащили мой сундукъ къ каретѣ.

Ночь стояла звѣздная, но очень темная и такая теплая, что мнѣ даже не вѣрилось. Карета въѣхала къ улицу, вымощенную плитами, и шумъ ея звонко раздавался между высокими, грандіозными домами. Улица похожа была на гостиную по своей чистотѣ и изяществу. Я глядѣлъ направо и налѣво. Съ угла какого-то палаццо раздались престранные звуки. Одинъ голосъ пѣлъ мелодію, а другой аккомпанировалъ на одной гудящей нотѣ, точно на волчкѣ или дребежащей пластинкѣ. Только-что стихла въ отдаленіи эта музыка, мы повернули въ узкую улицу. Подъ фонаремъ темнѣлась фигура полицейскаго, въ длинномъ сюртукѣ и трех-угольной шляпѣ.

— Ecco la Porta Rossa! крикнулъ мнѣ оборванецъ, помѣстившійся рядомъ съ кучеромъ, и соскочивъ съ козелъ принялся звонить.

Не сразу намъ отперли. Сонный швейцаръ ввелъ меня въ сѣни, гдѣ мнѣ пришлось еще поторговаться съ кучеромъ.

Дали мнѣ большущую комнату съ двумя кроватями — другой не случилось. Я такъ проголодался, что радъ былъ куску сыра и красненькому винцу въ красивой переплетенной въ солому «фіаскѣ». Тревоги я не чувствовалъ. Ложась спать подъ кисейный пологъ, я проговорилъ, совершенно по-дѣтски:

— Утро вечера мудренѣе.

II.

Гида я не потребовалъ. Вооруженный «Бедекеромъ» и планомъ Флоренціи, я захотѣлъ добиться всего самъ: такъ я дѣлалъ даже въ Лондонѣ, да и тамъ въ накла-

дѣ не былъ. Я зналъ адрессъ графини и, выходя утромъ изъ отеля, уже сообразилъ: какимъ путемъ я доберусь пѣшкомъ до окрестности парка *Cascine*, гдѣ она жила.

Узкая, живая, чисто-итальянская улица съ крытымъ базаромъ, вереницей лавокъ, цвѣточнымъ рынкомъ, съ тратторіями, кабачками, лоттерейными бюро, съ гамомъ и говоромъ простонародья, съ криками ословъ и ржаніемъ маленькихъ тосканскихъ лошадокъ, запряженныхъ въ одноколки — привела меня къ площади: *della Signoria*.

Она мнѣ такъ пришлась по вкусу, что я пробылъ на ней съ полчаса. Много про ея прелестные размѣры и очертанія говорила мнѣ графиня, и въ самомъ дѣлѣ это—игрушка, но игрушка грандіозная, такая, которая цѣликомъ окунетъ васъ во все прошлое Флорентинской республики. Площадь покрыта была группами разнаго люда: послѣ мнѣ объяснили, что тутъ биржа для подгородныхъ крестьянъ. Было около десяти часовъ. Солнце на порядкахъ пекло. Я укрылся подъ «Logge», гдѣ уже двѣ англичанки въ синихъ вуаляхъ провѣряли по красной книжкѣ: всѣ ли статуи находятся въ исправности.

Я бы не ушелъ такъ рано съ площади, еслибъ не рѣшилъ быть у графини къ одинадцати часамъ.

На самую средину площади, противъ «Palazzo Vecchio», выбѣжало нѣсколько кучеровъ въ куцыхъ пальто и цвѣтныхъ широкихъ штанахъ, и стали приставать ко мнѣ со своими зазываньями.

— Мушью, мушью, кричали одни, una bona vettura aperta.

— Cascine? Colli? допытывали другіе.

Я угрюмо миновалъ этихъ наѣздниковъ и побрелъ себѣ по образу пѣшаго хожденія, помня сколько мнѣ разъ нужно было повернуть, чтобы попасть на прямой путь. По плану значилось: дойти до собора и взять налѣво, потомъ опять налѣво, а тамъ направо и, выйдя на площадку, идти по улицѣ, которая и должна была довести меня до обѣтованнаго пункта. Съ гордостью подходилъ я къ парку Cascine: я ни разу не сбился. Тутъ только спросилъ я у какой-то простоволосой старушки, въ ситцевомъ фартукѣ:

— Villino Ruffi?

— Она, шамкая, добродушно отвѣтила:

— Eccolo—qui! И показала мнѣ рукой на рѣшетку дома, на противуположной сторонѣ нарядной и совершенно пустой улицы, облитой сплошь солнцемъ.

Приблизился я къ рѣшеткѣ. Сквозь нея видѣнъ былъ большой палисадникъ съ клумбами цвѣтовъ, кустами олеандровъ и темными купами хвойныхъ и каштановыхъ деревьевъ. Прямо противъ рѣшетки, позади зеленой лужайки, стоялъ главный корпусъ въ три этажа съ маленькимъ бельведеромъ. По бокамъ родъ двухэтажныхъ флигелей.

«Неужели это она все нанимаетъ?» подумалъ я, и еще разъ прочелъ на фарфоровой дощечкѣ, вдѣланной въ столбъ: «Villino Ruffi».

Я позвонилъ. Половинка желѣзныхъ воротъ сама щелкнула и отворилась. Войдя въ садикъ, я разсудилъ, что направо дверка вела къ привратнику. Дѣйствительно, краснолицая женщина съ усами и бородавкой высунулась изъ окна.

Мой вопросъ: «тутъ ли живетъ графиня Кудласова», она поняла и указала мнѣ на крыльцо дома съ бельве-

деромъ. Только-что я приблизился къ этому крыльцу, какъ на него выбѣжали: маленькій грумъ въ курточкѣ и чернобазенькая, коренастая, вертлявая горничная, въ короткой цвѣтной юбкѣ и бархатномъ спенсерѣ, и начали выколачивать небольшой коверъ. Горничная кричала хриповатымъ голосомъ, закидывала голову назадъ, хохотала и всячески извивалась всѣмъ своимъ тѣломъ.

— La comtesse Koudlassoff? спросилъ я ее по-французски, думая, что она француженка.

Битье ковра остановилось. Она встрепенулась, соскочила съ крыльца на землю, близко-близко подбѣжала ко мнѣ, закинула назадъ свой взбитый шиньонъ въ сѣткѣ и затараторила. Я понялъ только фразу:

— La signora e fuori...

— Dove? съумѣлъ спросить я.

— A Cascine...

И вдругъ, точно спохватившись, она поправилась:

— Non so precisamenta... Lei e il signor conte?

— No, объяснилъ я ей и, ничего не говоря, отправился къ рѣшеткѣ.

Она забѣжала впередъ, взяла меня даже за руку и улыбаясь, подпрыгивая и виляя станомъ, повторяла:

— Lei reverra, lei reverra?

— Si, si, отдѣлывался я отъ нея.

Она еще что-то болтала: кажется спрашивала мою фамилію; но я только махнулъ рукой и повернулъ изъ воротъ направо: я разсудилъ прогуляться въ паркѣ и вернуться часа черезъ два.

О Колѣ я не хотѣлъ ничего спрашивать у этой егозы.

III.

Вышелъ я на большую площадь. Въ глубинѣ виднѣлась каменная ограда парка съ двумя воротами. Посрединѣ шла широкая дорога между двумя овальными насыпями, устроенными для сидѣнья гуляющихъ на каменныхъ лавкахъ, подъ деревьями. Солнце такъ слѣпило глаза, что я долженъ былъ прищурить ихъ. А изъ воротъ парка зелень аллей манила подъ густую тѣнь старыхъ дубовъ и платановъ. Я взглянулъ на небо: отъ синевы его даже жутко дѣлалось: такой бездонной казалась она. Налѣво, на самомъ верхнемъ краю горизонта, прорѣзывали воздухъ легкіе темно-синіе конусы кипарисовъ, изъ-за которыхъ выглядывалъ портикъ бѣлаго зданія съ башенкой и крестами.

Такая картина обдаетъ васъ сразу горячей, блистающей жизнью юга. Грудь точно расширится и впиваетъ въ себя жаркій и влажный воздухъ.

Меня чуть не сбилъ съ ногъ какой-то франтикъ въ сѣренькомъ пиджачкѣ: онъ прокатилъ на велосипедѣ. Это заставило меня обратить вниманіе на другихъ такихъ же любителей велосипеда, сновавшихъ взапуски по одной сторонѣ площади. На углу той улицы, откуда я вышелъ, разсмотрѣлъ я лавку, гдѣ отдаются на прокатъ эти самые велосипеды. Тутъ же прочелъ я, что площадь называется: «Piazza degli Zuavi».

Бедекеръ не посовѣтовалъ мнѣ запастись полотнянымъ зонтикомъ отъ солнца, и я заторопился въ аллею, уходившую неизвѣстно куда, только очень далеко. Влѣво отъ аллеи попалъ я подъ настоящую тѣнь парка и тихо двигался по тропинкѣ. Мнѣ очень хорошо

дышалось. Вспомнилъ я свой заказной боръ, Ивана Петрова и его пчельникъ и, ни о чемъ тяжеломъ не думая, шелъ себѣ впередъ, какъ малое дитя. Меня все тѣшило: и прозрачность воздуха, и вѣковые стволы деревьевъ, густо обвитыхъ плющемъ, и темная южная ихъ листва, и звонкое рѣзанье какой-то птицы, и страстная, немолчная музыка кузнечиковъ. Вправо, сквозь дальній край аллеи, виднѣлась огромная луговина. На ней учились солдатики, всѣ въ бѣломъ. А на самомъ дальнемъ планѣ выступали невысокіе холмы съ розовымъ отливомъ, покрытые точно дымкой, сквозь которую бѣлѣлись на уступахъ домики и виллы. Откуда-то летѣлъ поѣздъ, и паровикъ локомотива, точно какая жаръ-птица, разрывалъ дымчатую даль...

Молодо было у меня на сердцѣ и я невольно благословилъ это южное утро, показавшее мнѣ, что не даромъ я хвалился самъ себѣ своей выносливостью.

Дойдя до перекрестка съ старымъ каменнымъ колодцемъ, я почувствовалъ голодъ: мудренаго ничего не было—я ушелъ на тощакъ. Позади, у самаго входа въ паркъ я замѣтилъ что-то-похожее на кандитерскую, но идти назадъ мнѣ нехотѣлось; отдохнувши у колодца, двинулся я дальше, дошелъ до какой-то пирамиды и вступилъ въ боковую аллею. Изъ-за низкой каменной ограды, съ круглыми павильонами по бокамъ, выставлялся двухэтажный домъ, позади палисадника. Я прочелъ вывѣску: *Caffè e ristoratore*.

И въ этомъ мнѣ была удача: я разсудилъ сдѣлать привалъ.

Черезъ палисадникъ, очень-таки запущенный, прошелъ я къ крыльцу ресторана. Вдоль всего фасада стояли въ тѣни зеленые диваны и стулья. Ко мнѣ вы-

скочилъ черноватый курчавый малый, маленькаго роста, съ краснымъ и потнымъ лицомъ, въ затрапезномъ сертучишкѣ, такой же почти вертлявый, какъ и мамзель въ Villino Ruffi. — Было всего часовъ одиннадцать, а отъ него уже шли винные пары.

На мое желаніе чего-нибудь закусить, онъ однимъ духомъ пустилъ:—*C'è* brodo, *c'è* bistecca, *c'è* eccelentissimo bove, con fagiolini al burro...

Такъ онъ *зачекалъ*, что я долженъ былъ попросить его говорить порѣже. Онъ согласился, и плутовато усмѣхнувшись, обошелся со мной, какъ съ неумѣлымъ *форестьеромъ*, т.-е. самъ мнѣ, долго не думая, притащилъ порцію бифштекса и чашку плоховатаго бульона съ натертымъ сыромъ. Прислуживалъ онъ, несмотря на свои винные пары, ловко и, такъ сказать, умно. Его рьяная фигура мнѣ нравилась. Я даже спросилъ, какъ его звать.—Звать его Филиппо, или въ сокращеніи: Пипо.

Пипо разсказалъ мнѣ всякую штуку: какъ великъ паркъ, въ которомъ часу здѣсь катаются господа изъ Флоренціи, гдѣ находится модное кафе, тиръ и зданіе бывшей молочной фермы; но добавилъ, что теперь тамъ молока нѣтъ, ибо—

— Le bestie non ci sono piu!

И такъ онъ выпалилъ слово *bestie*, что я даже разсмѣялся отъ удовольствія: позавидовалъ бы ему каждый майоръ въ произношеніи этого звука.

Подавая мнѣ чашку кофею, Пипо продолжалъ меня «оріентировать», по любимому выраженію графа Платона Дмитріевича. Я узналъ отъ него, что въ ресторанѣ я могу имѣть обѣдъ хоть въ девять часовъ вечера; что на задахъ дома происходятъ рысистые бѣги въ ту-

земныхъ таратайкахъ, и удобно упражняться на велосипедахъ; что ѣздятъ даже и дамы, и могутъ переодѣться тутъ-же на верху, въ особой комнатѣ. Онъ припомнилъ какую-то иностранку, которая на-дняхъ каталась на велосипедѣ.

— Una signora russa! взвизгнулъ онъ и сдѣлалъ рукой итальянскій жестъ, точно онъ что́ хотѣлъ засунуть себѣ въ носъ.

— Russa? переспросилъ я его.

— Si signor magnifica!...

И онъ даже подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

Мы разстались друзьями. Я обѣщалъ ему захаживать. Этотъ ресторанчикъ избавлялъ меня отъ необходимости ходить въ городъ за ѣдой; а съ графиней я что-то не разсчитывалъ обѣдать.

IV.

По указаніямъ Пипо отправился я все той-же боковой узкой аллеей къ большой площадкѣ, гдѣ, посрединѣ цвѣтника, возвышалась ротонда, съ китайской крышей на тонкихъ столбикахъ. Я еще не добрелъ до площадки, какъ вдругъ изъ-за угла поперечной аллеи показались двѣ фигуры, и черезъ нѣсколько секундъ поровнялись со мною.

— Коля! вскрикнулъ я.

Предо мной дѣйствительно стоялъ Коля. Онъ ужасно выросъ и смотрѣлъ чистымъ итальянцемъ: такъ онъ загорѣлъ. Стройное его тѣло казалось еще гибче и тоньше въ сѣромъ костюмѣ съ широкими панталонами, подобранными въ штиблеты. Соломенная шляпа сидѣла на затылкѣ по иностранному.

Онъ точно не сразу узналъ меня. Потомъ что-то нехорошее проскользнуло у него по широкому лбу и отразилось въ усмѣшкѣ.

— А, Николай Иванычъ! безъ всякой радости выговорилъ онъ и, какъ большой, подалъ мнѣ руку.

Я пожалъ ее, бросивъ взглядъ не столько на него, сколько на его спутника.

Съ нимъ шелъ рослый и плечистый молодой малый, съ полнымъ румянымъ лицомъ и русой, красивой, точно четырехугольной бородкой. Онъ былъ одѣтъ весь въ желтоватый полотняный костюмъ; на головѣ коричневая шляпа такой формы, какія носятъ пѣвцы въ «Гугенотахъ». Сразу я узналъ русскаго, лицо такъ и сіяло по *нашему*, по-русски, не то что самодовольствомъ, а какъ-бы смѣсью удали съ добродушіемъ.

— Николай Иванычъ Гречухинъ? обратился онъ ко мнѣ, приподнимая шляпу.

— Да-съ, отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ.

— Графиня ждетъ васъ и графа съ княжной, цѣлыхъ три дня, продолжалъ онъ, не мѣняя своей сіяющей улыбки. Вы одни пріѣхали?

— Одинъ.

— Леонидъ Петровичъ! крикнулъ ему Коля пріятельскимъ тономъ; я пойду за почтой, а вы провóдите *monsieur* Гречухина.... Да?...

И не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ по направленію къ ресторану.

Мы остались въ аллеѣ другъ противъ друга въ выжидательныхъ позахъ. Я рѣшительно не зналъ, съ чѣмъ къ нему обратиться.

За то онъ нашелся, и протягивая мнѣ руку, груднымъ голосомъ проговорилъ: — Позвольте представить-

ся: кандидатъ правъ—Рѣзвый. Прошу любить да жаловать.

Такой молодостью и свѣжестью дышала вся фраза господина Рѣзваго, что я отвѣтилъ очень искренно на его рукопожатіе.

— Пойдемте, заговорилъ онъ, я васъ проведу къ графинѣ. Она тамъ, за цвѣтникомъ на скамейкѣ. У ней образовалась привычка: утромъ сидѣть въ паркѣ, читать здѣсь газеты и письма, иногда работать. Только жаръ началъ одолѣвать. Графиня жалѣетъ, что поторопилась пріѣхать съ водъ; да оттуда погода прогнала. А на море еще рано.

Все это сообщалъ онъ мнѣ, не желая меня занимать, а просто такъ, между прочимъ. Съ нимъ мнѣ стало очень легко.

— Вы здѣшній житель? полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ! Въ Италію я заѣхалъ какъ туристъ.... а во Флоренцію собственно я попалъ очень недавно. Я ужъ третій годъ за-границей.

— Живете себѣ такъ, или съ спеціальной цѣлью?

Я посланъ былъ отъ университета. Но срокъ мой кончился, и я остался еще на годъ. Не знаю: получу-ли магистра, или нѣтъ, но я того мнѣнія, что для профессуры по политическимъ наукамъ надо пройти практическую школу публициста: все видѣть, вездѣ побывать. Книжной учености мало.

— Вы и разъѣзжаете, сказалъ я.

— Я бы и еще поѣздилъ! вскричалъ онъ весело и топомъ нетаго юноши; да у меня всего до сентября финансовъ хватитъ!.. По неволѣ поплетешься сдавать экзаменъ и кончать диссертацію.. А здѣсь-то какъ хорошо!—а?.. Чудо!..

Онъ остановился, снялъ шляпу и вскинулъ свои свѣтло-каріе глаза на синее, бездонное небо.

Жизнь брызгала изъ всѣхъ поръ господина Рѣзваго. Я даже заглядѣлся на него и тутъ же вспомнилъ курьёзное объявленіе, прочитанное мною по дорогѣ въ Вѣнѣ, въ тамошнемъ Tagblatt'ѣ. Какая-то дѣвица желала провести пріятно время съ благороднымъ иностранцемъ. Она называла себя: «eine lebenslustige Blondine». Это слово *lebenslustig* точно выпрыгнуло у меня изъ головы, глядя на господина Рѣзваго. Такъ я его и прозвалъ съ той же минуты: «жизнерадостный».

Мы стояли съ нимъ подъ тѣнью древняго бука, лицомъ къ луговинѣ, посреди которой посажено въ рядъ четыре дерева. Солнце обливало ихъ искристымъ свѣтомъ и, въ промежутки ихъ стволовъ, луговая зелень врывалась веселыми полосами. Не хотѣлось оторваться отъ блистающей картины, такой же жизнерадостной, какъ и мой собесѣдникъ.

— Да хорошо здѣсь живется! откликнулся я.

— А посмотрите въ эту сторону, пригласилъ онъ меня рукой: какъ красива эта площадка. Вечеромъ бываетъ большой съѣздъ экипажей.

Изъ-за деревьевъ выглядывало красное зданіе съ галлереей и крыльцомъ желтоватаго цвѣта.

— Тутъ вотъ и были самые cascine, т.-е. по нашему хлѣвы и молоко...

— Но теперь, перебилъ я: le bestie non ci sono piu.

— Э, да вы все знаете, и по-итальянски вы— тово́.. Извините за болтовню и поспѣшимъ къ графинѣ... Намъ только перейти вотъ эту аллею.

Мы перешли и очутились на дорожкѣ большого цвѣтника съ ротондой. Спутникъ мой оглянулся направо и налѣво, прищуривъ свои красивые глаза.

— Вонъ графиня тамъ, въ тѣни куста... Позвольте васъ довести и сдать съ рукъ на руки.

Онъ повелъ меня по дорожкѣ къ дальней скамьѣ, стоявшей противъ деревянной лѣсенки, придѣланной къ ротондѣ. Я не сразу узналъ фигуру графини: она мнѣ показалась миніатюрнѣе, и поза ея была мнѣ что-то неизвѣстна.

V.

— Варвара Борисовна, вотъ вамъ гость! вскричалъ Рѣзвый, подводя меня къ скамьѣ.

Графиня приподнялась и какимъ-то неловкимъ, ей несвойственнымъ движеніемъ, протянула мнѣ руку. Я былъ озадаченъ ея внѣшностью: на самомъ темени сидѣла высокая шляпа со множествомъ цвѣтовъ и лентъ, нѣчто въ родѣ башни. На лобъ спускались завитые волосы, отчего этотъ прекрасный лобъ совсѣмъ почти исчезалъ и все лицо дѣлалось сдавленнымъ и некрасиво-широкимъ. Глаза стали точно больше и удлиннились какъ-то странно. Во всемъ туалетѣ сказывалась моложавость, не совсѣмъ идущая даже къ такой моложавой женщинѣ, какъ графиня; платье было свѣтлое съ кружевами и всякими оборками. Никогда я не видалъ графиню *такою*. Я врядъ ли бы и узналъ ее, еслибъ проходилъ мимо одинъ.

— Николай Иванычъ! говорила она съ тревожной улыбкой и точно не зная: сѣсть ей опять, или постоять еще... Что-жъ вы не телеграфировали?

Я ничего не отвѣчалъ и поцѣловалъ ея руку. Ей это какъ будто не понравилось, по крайней мѣрѣ я не почувствовалъ въ рукѣ никакого пожатія.

— Сегодня пріѣхали? спросила она, опускаясь на скамью.

— Вчера, графиня, отвѣтилъ я, продолжая разглядывать ее.

— Вы гдѣ разъѣхались съ графомъ?

Она выговорила это точно съ неудовольствіемъ.

— Они поѣхала въ Парижъ на Берлинъ, а я на Вѣну и Тріестъ.

— Когда же ихъ ждать наконецъ?

Всѣ эти вопросы кидала она тономъ, который опять-таки озадачивалъ меня; слышались ноты, мнѣ положительно неизвѣстныя.

— Вы получите сегодня письма, сказалъ успокоительно Рѣзвый. Вотъ Коля сейчасъ придетъ. А мнѣ позвольте раскланяться.

— Куда это? окликнула тревожно графиня и, улыбаясь для меня непонятнымъ манеромъ, прибавила: я васъ не отпущу, вы будете съ нами завтракать.

— Невозможно графиня, воля ваша. Вотъ ужъ больше недѣли, какъ у меня лежатъ русскія книги на желѣзной дорогѣ... Надо же за ними съѣздить; а то меня заставятъ заплатить штрафъ.

— Полноте, капризно упрашивала она, не ѣздите.

— Позвольте васъ ослушаться... въ первый разъ, разсмѣялся Рѣзвый, и тотчасъ же обратился ко мнѣ. Если вамъ понадобится что-нибудь на счетъ квартиры, или осмотрѣть городъ—я къ вашимъ услугамъ, Николай Иванычъ, во всякое время... я вѣдь здѣсь ника-

кимъ особымъ дѣломъ не занимаюсь... Вотъ моя карточка. До свиданія.

Онъ пожалъ руку и мнѣ, и графинѣ, и пошелъ веселой и красивой походкой. Еслибъ, удаляясь, онъ, какъ герцогъ въ Риголетто запѣлъ:

La donna è mobile—

я бы не удивился: такъ вся его особа, съ средневѣковой шляпой на головѣ, дышала чѣмъ-то удалымъ и подходящимъ къ обстановкѣ.

— Какой пріятный юноша? замѣтилъ я вслухъ, указывая на него головой.

— Почему же юноша? перебила меня графиня съ явственнымъ раздраженіемъ въ голосѣ; онъ давно мужчина...

— Конечно, но въ немъ ужасно много молодости.

— А вамъ завидно?

Я взглянулъ на нее съ удивленіемъ и проговорилъ:

— Если хотите — да, но только безъ всякой злобы. Напротивъ, мнѣ всегда хорошо бываетъ съ такимъ юнымъ народомъ. Они—не то что мы, не такъ выросли...

— Ну, полноте резонировать, перебила меня графиня; что́ вы все стоите? Сядьте, разскажите какъ вы добрались, на долго ли къ намъ?

Она стала поспокойнѣе; но я ее все-таки не узнавалъ. Что-то напряженное и неестественно-холодное было въ ней.

— На долго ли я прибылъ? переспросилъ я; да какъ прикажете. Вы, я слышалъ, на море собираетесь, ну такъ до тѣхъ поръ хоть...

— Вы были у меня на квартирѣ?

— Заходилъ и имѣлъ удовольствіе познакомиться, кажется, съ вашей камеръ-юнгферой.

— Брюнетка, живая такая?

— Да, ужъ больно что-то живая.

— Извините, здѣсь вѣдь не Россія—у здѣшнихъ женщинъ кровь въ жилахъ... Я занимаю второй этажъ. Графъ непремѣнно настаиваетъ, чтобы помѣститься въ одной квартирѣ. Я нашла это совершенно неудобнымъ.

— Неудобнымъ? окликнулъ я.

— Ну, да, нервно подтвердила она; у меня квартира такая, что я не могу поставить лишнихъ двѣ кровати, для графа и для моей дочери... Она большая особа, ей нужна отдѣльная спальня... а лишней комнаты нѣтъ въ этомъ этажѣ.

— Такъ какъ же вы устроитесь? спросилъ я, сдерживая какое-то раздраженіе, которое начинало въ меня закрадываться.

— Графъ помѣстится внизу, съ Наташей... Тамъ три комнаты съ передней. Я наняла ихъ. Если хотите, и вы могли бы тамъ жить... Только удобно ли вамъ? Здѣсь теперь квартиры въ каждомъ домѣ, сезонъ конченъ... вы найдете легко... и будете платить понедѣльно.

— Да ужъ какъ-нибудь помѣщусь, не извольте безпокоиться.

Вышла пауза.

«Что-жъ это такое? спросилъ я себя, развѣ *такъ* намъ слѣдуетъ говорить съ глазу на глазъ».

Она обдернула кружева на рукавѣ и, глядя на меня вкось, спросила.

— Вы должны были встрѣтить Колю»?

— Встрѣтилъ, вздохнулъ я.

— Какъ онъ вамъ понравился?

— Выросъ и возмужалъ: будетъ красавецъ.

— Вамъ онъ... обрадовался?... нерѣшительно выговорила она.

— Не очень. Вы, кажется, напрасно возлагали надежду на годичное житье за-границей... У него какая-то кровная нелюбовь ко мнѣ.

— Ахъ полноте... вы увидите, что онъ очень исправился, только у него натура суховатая: какъ съ этимъ быть?

Лицо ея затуманилось; я увидалъ знакомое мнѣ выраженіе душевной заботы.

— Я и не возмущаюсь, откликнулся я, насильно милъ не будешь; да и съ какой стати мнѣ заявлять на него какія-то особыя права?

Она не прерывала меня, только опустила глаза.

— Пускай меня не любитъ, только бы прокъ изъ него какой-нибудь вышелъ.

И на это она ничего мнѣ не отвѣтила.

— Два письма, мама, два письма! раздался голосъ Коли, отъ котораго мы оба вздрогнули.

Онъ подбѣжалъ и подалъ ей письма.

— Ты видѣлся съ Николаемъ Иванычемъ? спросила его мать.

— Да, кинулъ онъ небрежно, тамъ въ аллеѣ.

— Чтожъ ты не спросишь его... объ отцѣ?

— Да вѣдь папа ѣдетъ сюда... Прощай мама, мнѣ кататься надо...

Не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, мальчикъ повернулся и побѣжалъ.

— Вы видѣли?.. прошепталъ я.

Графиня точно не слыхала моего вопроса и углубилась въ чтеніе письма. Не докончивъ, она вскинула на меня головой и раздражительно заговорила:

— Этотъ графъ ни на что не похожъ... тащится со мной въ Ливорно и Наташу туда же везетъ!.. Къ чему это?

— Ей бы не дурно было покупаться, она такая анемическая.

— Все вздоръ!.. мы всѣ безкровныя до замужства... Кому же это неизвѣстно? Замужъ ее надо поскорѣе... Ѣхать цѣлой семьей... Какъ это пріятно! Надо нанимать цѣлую виллу, графъ захочетъ и того и другого.., А я бы помѣстилась попросту—въ chambres garnies...

Она сдѣлала языкомъ недовольный звукъ, и принялась за другое письмо.

— Что это, Николай Иванычъ, прервала она свое чтеніе, какому стилю вы научили вашу воспитанницу.

— Наташу? спросилъ я.

— Да; вѣдь это Богъ-знаетъ какая восторженность!.. Увидала Парижъ и расплывается въ самыхъ смѣшныхъ фразахъ... Вотъ хоть бы это: «чувствуешь, на этой площади, что тутъ совершались великія событія«...

— Что-жъ въ этой фразѣ смѣшного? серьёзно спросилъ я.

Графиня немного точно смутилась.

— Для такой дѣвочки—это ненатурально?..

Она дочла письмо, и рѣзко вставъ со скамьи, сказала:

— Доведите меня до дому. Пора завтракать. А потомъ мы и васъ устроимъ.

VI.

Леонидъ Петровичъ Рѣзвый рѣшительно обворожилъ меня: съ такимъ добродушіемъ устраивалъ онъ мнѣ житье во Флоренціи. Уклоняться отъ его услугъ я не могъ, да и не захотѣлъ бы: слишкомъ достолюбезно онъ себя навязывалъ. Онъ повелъ меня смотрѣть квартиры, по близости *Villino Ruffi*, самъ бѣгалъ по разнымъ этажамъ, звонилъ, разспрашивалъ о цѣнахъ, хотя по итальянски маракуетъ куда плоше моего. Нанялъ у какой-то англичанки, съ которой обстоятельно при этомъ объяснился, большую комнату съ маленькой спальней, на двѣ недѣли. Всѣ ея квартиры стояли, по случаю лѣтняго времени, пустыми, и она взяла съ меня тридцать франковъ съ прислугой и посудой.

Самъ Леонидъ Петровичъ помѣщался тоже въ двухъ шагахъ отъ *Villino Ruffi*, на той же самой улицѣ. А моя улица—Via Magenta—идетъ къ той параллельно. У меня передъ окнами узкій каналъ, ярко освѣщенный по ночамъ. Въ первую ночь Рѣзвый довелъ меня до квартиры и поболталъ минуту-другую на крыльцѣ. Мы съ нимъ вернулись вмѣстѣ отъ графини, гдѣ провели весь вечеръ. Обѣдалъ я съ ней и съ Колей, и бесѣда наша была какая-то десятипудовая по своей тяжести. Коля сидѣлъ развязно, поглядывая то на меня, то на мать своими злыми и умными глазами, и, то-и-дѣло, ухмылялся. Эти усмѣшки раздражили даже и графиню. Она ему рѣзко сказала по-французски:

— Qu'est ce que tu as donc à sourire si bêtement?

Онъ не задумался отвѣтить ей съ фальшивой кротостью:

— Je ne sais pas maman; c'est peut-être l'arrivée de monsieur (и онъ кивнулъ на меня) qui m'a rendu comme-ça.

Мы оба переглянулись, и графиня только пожала плечами. А Коля, ни мало не смущаясь, принялся за ѣду, поглядывая на меня изподлобья.

Ясно мнѣ было, что графиня болѣе, чѣмъ не въ своей тарелкѣ. Она то угощала меня, то задавала разные вопросы, безъ связи и внимательности, оглядывалась какъ-то, жаловалась на жару—словомъ, находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я ее не видалъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ садъ, подъ тѣнь виноградныхъ лозъ, покрывающихъ густой трельяжъ. Туда принесли кофе и фрукты. Но и тамъ разговоръ рѣшительно не клеился. Я не хотѣлъ задавать никакихъ вопросовъ и держалъ себя спокойно; но и мнѣ становилось жутко. Около бесѣдки вертѣлся Коля, то-и—дѣло заглядывалъ къ намъ, выпрашивалъ себѣ фигу или персикъ, и убѣгалъ.

Въ одно изъ такихъ нападеній на вазу съ фруктами, Коля уставился на свою мать: лицо графини, въ эту минуту, сдерживало не то зѣвоту, не то какое-то физическое страданіе.

— Comme tu t'ennuies maman! вскричалъ онъ, — veux tu que j'aille chercher Леонидъ Петровичъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ выбѣжалъ изъ бесѣдки. Я поглядѣлъ на графиню: она вся встрепенулась, глаза ея сначала блеснули, потомъ скрылись подъ рѣсницами, что-то похожее на румянецъ покрыло ея щеки.

Она видимо смутилась, какъ дѣвочка, какъ пансіонерка.

— Этотъ мальчикъ можетъ хоть кого вывести изъ терпѣнія! вырвалось у ней послѣ паузы... Кажется, я его не балую, а все таки съ нимъ справу нѣтъ...

Я промолчалъ.

— Право не лучше ли будетъ вамъ взять его съ собою назадъ?

— Мнѣ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Ну да, вы должны же добиться того, чтобы онъ подчинился вашему вліянію. Все это было выговорено раздражительнымъ голосомъ. Не знаю: куда бы привела насъ бесѣда, еслибъ опять не вбѣжалъ Коля съ извѣстіемъ, что Леонидъ Петровичъ сей часъ будетъ.

Вслѣдъ за вѣстникомъ явился и самъ гость, и заговорилъ о театрѣ какихъ-то «механическихъ маріонетокъ», куда онъ усиленно началъ звать меня.

— Вы нахохочетесь, Николай Иванычъ, особливо когда выскочатъ танцовщицы на проволокахъ и начнутъ дрягать ножками!. Цѣлыя драмы даются съ участіемъ арлекина...

— Ха, ха, ха! разразился Коля, внимательно слушавшій Рѣзваго. Леонидъ Петровичъ, помните, какъ арлекинъ кричалъ: conte di Piedi Grotta, ха, ха, ха?!!

Онъ перевернулся и вытянулъ руку, какъ маріонетка, къ немалому удовольствію Леонида Петровича. Графиня успокоилась и начала тихо улыбаться. Разговоръ пошелъ пестрой вереницей легкой и добродушной болтовни. На дворѣ уже смерклось. Мы перешли въ комнаты и разсѣлись на балконѣ. Я не слѣдилъ, особенно, ни за Рѣзвымъ, ни за графиней. Только

сдавалось мнѣ, что ихъ взгляды то-и-дѣло сталкивались. Рѣзвый заставилъ и меня говорить о Россіи и разныхъ «вопросахъ». Такъ мы проболтали еще часъ-другой...

Вдругъ на улицѣ раздались аккорды гитары или мандолины, подъиграющіе мужскому голосу. Пѣніе все приближалось къ рѣшеткѣ палисадника. Мы примолкли. Я, по пѣвческой привычкѣ, сейчасъ нашелъ ключъ, въ какомъ шла пѣсня, и когда припѣвъ повторился, схватилъ и слова, и мелодію:

Non ti voglio piu lascia-ar, раздалось два раза по теплому и влажному воздуху, и мимо рѣшетки прошелъ, медленно, плечистый малый съ шляпой на затылкѣ, въ короткомъ пальто и широкихъ клѣтчатыхъ шароварахъ, съ мандолиной чрезъ плечо. Свѣтъ фонаря облилъ всю его фигуру. Было что-то искреннее и бытовое въ этомъ пѣніи простого рабочаго; оно раздалось такъ нежданно, и въ немъ дрожали звуки живой и жгучей страсти.

Черезъ двѣ-три минуты опять повторился припѣвъ:

Non ti voglio piu lascia-ar,
Non ti voglio piu lasciar.

Я завторилъ ему басовыми тріолями. Графиня и Рѣзвый тоже запѣли въ полголоса, и повторяя слова схваченнаго ими припѣва, невольно приблизились другъ къ другу. Руки ихъ какъ-будто прикоснулись.

Это было всего одно мгновеніе, но и меня точно ударила электрическая искра. О себѣ я забылъ; но мнѣ чувствовалось присутствіе чего-то, отвѣчающаго на звуки пѣсни прохожаго...

— Чудо! вскричалъ Рѣзвый.—Вотъ чѣмъ Италія

выше всего остального! Графиня только вздохнула какъ то-особенно, и полушопотомъ вымолвила:

— Да!

Чрезъ полчаса мы ушли отъ нея съ Рѣзвымъ.

VII.

Рано проснулся я и подсѣлъ къ окну. Утро было такое радостное, что никакая горечь не пробиралась въ сердце. Я не хотѣлъ рѣшительно ни о чемъ думать—до той минуты, пока придется дѣйствовать: такая юношеская безпечность была, по крайней мѣрѣ, подъ-стать празднику природы среди города цвѣтовъ—Флоренціи.

Въ восемь часовъ служанка заварила мнѣ чаю. Оказалось, что она та самая старушка, у которой я наканунѣ спрашивалъ: гдѣ Villino Ruffi?

Эмилія—такъ ее зовуъ — пресимпатичная особа. Ея сморщенное и почти беззубое лицо, съ сѣденькимъ крысинымъ хвостикомъ вмѣсто косы, оживлено карими умными глазками. Она разговорилась со мной безъ болтовни и заявила, что русскихъ вообще любитъ больше, чѣмъ англичанъ, хотя хозяйкой своей и довольна. Отъ нея же узналъ я, что у насъ, по сосѣдству, знаменитый «signor Salvini» играетъ въ лѣтнемъ театрѣ «Politeama Fiorentina», и безподобенъ въ ролѣ Отелло.

— Un grand' artista! выговорила энергически Эмилія, и сдѣлала жестъ правой рукой.

Только-что она убрала со стола, какъ въ корридорѣ раздался звонокъ. Онъ меня немного удивилъ.

Эмилія пошла отворять и тотчасъ же вернулась со скромной миной недоумѣнія.

— Una signora, доложила она тихо-тихо.

Я былъ одѣтъ и могъ принять всякую «синьору». Только-что я отошелъ отъ окна, на порогѣ появилась дама вся въ бѣломъ, съ голубымъ вуалемъ поверхъ соломенной круглой шляпы.

— Не узнали меня? раздался голосъ графини.

Я подбѣжалъ къ ней и не могъ удержаться: поцѣловалъ руку. Она откинула вуаль и съ свѣтлымъ, нѣсколько напряженнымъ лицомъ оглядѣла мою квартиру.

— Да у васъ очень мило. и прохладно даже...

Послѣ того, она сѣла въ большое кресло и, обмахиваясь соломеннымъ вѣеромъ, продолжала:

— Извините меня, другъ мой, за вчерашній день... Я съ утра была нервная, вашъ пріѣздъ меня какъ-то сбилъ съ толку, потомъ это письмо графа... Сегодня я совсѣмъ не такая. И знаете, что̀ я вамъ предлагаю?

— Что̀, графиня? весело спросилъ я.

— Поѣдемте-ка мы сейчасъ, въ маленькой телѣжкѣ, въ Фіезоле? Вѣдь вы читали, я думаю, у Бедекера, это—милое очень мѣсто... по дорогѣ позавтракаемъ въ какой-нибудь тратторіи,—согласны?

— Съ великимъ удовольствіемъ! вскричалъ я, чего же лучше... великолѣпное утро и такая поѣздка...

— Какъ я рада, перебила меня графиня, что вы сегодня бодрый и веселый. Вы видите, какъ здѣсь живется, не то что подъ нашимъ кисленькимъ небомъ.

— Вы совсѣмъ молоденькая, шутливо замѣтилъ я, оглядывая ее.

— Пожалуйста, объ моихъ годахъ не распростра-

няйтесь, пригрозила она пальцемъ, нахмуривая брови, и какъ-то особенно разсмѣялась. Сбирайтесь же, Николай Иванычъ, ужъ и теперь довольно жарко... Дойдемъ пѣшкомъ до Cascine, тамъ насъ ждетъ телѣжка. Мы будетъ править... поперемѣнно.

— Мои сборы короткіе, откликнулся я, берясь за шляпу.

Мы вышли и направились къ парку. Подъ тѣнью акацій стояла маленькая таратайка; крошечная сѣрая лошадка, некрупнѣе хорошаго водолаза, была впряжена въ нее и красиво закручивала голову, украшенную лисьими хвостами и цвѣтными покромками. Ее держалъ въ поводу груммъ графини.

— У меня есть цѣлая пара пони, говорила она, переходя со мною чрезъ площадь, я ихъ очень дешево купила... Вечеромъ ѣзжу въ паркъ.

И сами правите! освѣдомился я.

— Да, сама... а это мнѣ нанялъ мой Лунджи... Вы видите: простая таратайка, на такихъ здѣсь ѣздятъ крестьяне, только съ вѐрхомъ... У васъ зонтика нѣтъ, я боюсь, какъ бы вамъ не схватить солнечнаго удара.

Мы усѣлись въ телѣжку, подъ низкій верхъ. Я взялъ возжи и только что дотронулся до лошадки, какъ она подхватила чуть не вскачь.

— Куда, куда править? спрашивалъ я у графини; а она хототала и показывала мнѣ рукой направленіе.

Лошадка побѣжала дробной рысью, точно какой мышенокъ; погремушки дребезжали у ней подъ ушами и лисьи хвосты развѣвались по воздуху вмѣстѣ съ красными покромками.

— Рысакъ! крикнула графиня, откидываясь въ глубь таратайки.

Я правилъ по ея указаніямъ, и очень скоро мы очутились на узкой пыльной дорогѣ, обставленной сплошь невысокими каменными заборами и изгородями, изъ-за которыхъ виднѣлись оливковыя и тутовыя деревья, кукуруза и жерди винограда; а кое-гдѣ торчалъ и нашъ подсолнечникъ. Въѣхали мы въ улицу съ двухъ-этажными грязноватыми домиками, лавчонками, кабачками: не то деревня, не то городъ.

Графиня выглянула изъ-подъ верха таратайки.

— Николай Иванычъ, окликнула она меня: видите вы вонъ тотъ балкончикъ и подъ нимъ вывѣска.

— Вижу, графиня, отозвался я.

— Это тратторія и отэльчикъ. Видъ оттуда долженъ быть прелестный на всю Флоренцію... Вамъ ѣсть хочется?

— Не очень.

— А мнѣ такъ ужасно хочется; правьте вонъ туда, въ уличку.

Я повиновался, искоса посматривая на нее: мнѣ показалось, что ею опять овладѣвала тревожность, сродни той, какую я замѣтилъ вчера.

Таратайка наша подкатила къ сводчатымъ воротамъ бураго, мшистаго дома. Къ намъ вышелъ молодой паренёкъ въ прекурьёзной соломенной шляпѣ и босой. Онъ взялъ лошадь подъ уздцы. Я соскочилъ и высадилъ графиню. Она очень увѣренно вошла подъ ворота и взяла вправо по узенькой и темной каменной лѣсенкѣ. На площадкѣ перваго этажа, гдѣ я распозналъ что-то похожее на гостинницу, она окликнула: нѣтъ ли кого, и сказала красивой служанкѣ, въ

туфляхъ на каблукахъ, безъ пятокъ, что мы желаемъ имѣть комнату на самой вышкѣ, съ видомъ на Флоренцію.

Добрались мы и до вышки. Комнатка оказалась свѣтленькой и съ чудеснѣйшимъ видомъ. Графиня заказала завтракъ. Намъ его очень скоро подали, и оба мы ѣли точно какіе бѣглецы, голодавшіе больше сутокъ. Мнѣ было весело, графиня подливала вина изъ большой фіаски и сама пила, повторяя, что она давно не чувствовала себя такъ легко и пріятно.

VIII,

Служанка, въ туфляхъ безъ задковъ, подала намъ дессертъ и спросила, удаляясь:

— Niente altro signora?

— Niente, отвѣтила графиня, встала изъ-за стола и подсѣла ко мнѣ.

— Вамъ хорошо? выговорила она, заглядывая мнѣ въ лицо. Глаза ея блеснули такъ, какъ они когда-то блистали... Я и позабылъ ужъ—когда.

— Очень, промолвилъ я, боясь взглянуть на нее и ощущая смущеніе, давно оставившее меня въ бесѣдахъ съ нею.

— Вы, бѣдный, продолжала она, кладя мнѣ руку на плечо, были цѣлый годъ въ одиночествѣ, и теперь огорчены этимъ негоднымъ мальчишкой... Я бы такъ хотѣла успокоить васъ, приголубить...

Руки ея обвились-было вокругъ моей шеи, но тутъ же опустились, лицо поблѣднѣло, голова осунулась, какой-то болѣзненный звукъ вырвался у ней изъ груди...

Черезъ секунду она лежала въ нервномъ припадкѣ.

Этотъ переходъ отъ нѣжности къ истерикѣ поразилъ меня и озарилъ: я понялъ все—и замеръ. Личное чувство сжалось и, ухаживая за нею, прыская на нее водой, я ничего не видалъ предъ собою, кромѣ больной женщины, ни о чемъ себя не спрашивалъ, ни о чемъ не хотѣлъ думать.

Припадокъ былъ томительный, но быстрый. Черезъ четверть часа графиня открыла глаза, оглянулась дико кругомъ, привстала и, облокотившись о-ручку кушетки, гдѣ она лежала въ истерикѣ, долго-долго сидѣла беззвучно, устремивъ затуманенный взглядъ на закоптѣлую картину, висѣвшую противъ нея.

Я стоялъ у окна, и, притаивъ дыханіе, ждалъ. Въ этой трактирной комнатѣ съ остаткомъ завтрака, съ яркой полосой синяго неба, съ дымчатой далью Флоренціи было нѣчто, оставляющее позади всѣ пережитыя нами вдвоемъ минуты...

Да, новая полоса нашла на эту разбитую, мертвенно-блѣдную, трагически-прекрасную женщину.

— Подите сюда! раздался нервный, глухой голосъ графини.

Я сѣлъ на кушетку, рядомъ съ нею, не оборачивая къ ней головы.

— Не могу, не могу я лгать, вы видѣли: я не могла даже пересилить себя...

— Видѣлъ, повторилъ я, и не знаю, право, къ чему все это... Со мной-то кажется не трудно сладиться.

— Не трудно! вскрикнула она все тѣмъ же глухимъ голосомъ... Ну, да, вы скажете: это глупо, грязно, смѣшно наконецъ, мнѣ все равно!..

Графиня встала, я бросился-было поддержать ее, боясь, что она опять упадетъ; но она отвела меня рукой и, обернувшись ко мнѣ лицомъ, все также смертельно блѣдная, съ какими-то трепетными глазами, выговорила:

— Я себѣ не принадлежу! Ни вы, ни мужъ мой не увидите моей ласки...

Потомъ настало молчаніе: слышно было только, какъ мы оба тяжело дышали.

— Неужели, началъ я вполголоса, вы такъ полюбили?

— Ну, да, полюбила! крикнула она, и глаза ея вспыхнули. Васъ это скандализуетъ, не правда ли? Бабѣ—сорокъ лѣтъ, у ней дочь,—дѣвица на возрастѣ, у ней мужъ, такой примѣрный, любитъ ее, боготворитъ, у ней наконецъ другъ... и она обманула обоихъ и въ одиночку, и разомъ... и бросилась на шею мальчику, юношѣ, котораго знаетъ какихъ-нибудь два мѣсяца!.. Ха, ха, ха!

Она болѣзненно захохотала. Я ожидалъ новаго припадка; но хохотъ смолкъ. Мнѣ становилось невыносимо жалко ее. Я готовъ былъ замахать рукой и прошептать: «не надо, не надо, полноте».

Но что-то сковало мнѣ губы. Я только глядѣлъ на нее, ожидая, что вотъ-вотъ съ ней опять что-нибудь сдѣлается.

— Вѣдь смѣшно, Николай Иванычъ? рѣзко спросила она. Ну, и смѣйтесь, и язвите меня; а я вамъ скажу истинную правду: я не любила до сихъ поръ и думала, что совсѣмъ застрахована отъ такой глупости; а вотъ видите, и меня захватило, и я безумст-

вую, и я смѣшна, и я упиваюсь своимъ паденіемъ... вѣдь это такъ кажется говорится высокимъ слогомъ.

— Вы не любили? точно съ радостью выговорилъ я.

— И васъ не любила, да никогда и не обманывала васъ... Моя связь съ вами, что̀ это такое? Это исполненіе какого-то долга—слушайте меня, я говорю правду... Да, долга. Мнѣ нельзя было не отдаться вамъ тогда, нельзя, потому что вы стоили поддержки, участія, ласки, всего, что̀ можетъ дать женщина больше, чѣмъ графъ, напримѣръ... Ну что же это какъ не долгъ, идея, принципъ, не такъ ли? Дико звучатъ мои слова; но я говорю правду, слышите, только правду, ничего больше; вотъ и все мое прошедшее. Графа я и считать не хочу: графъ—укоръ за пошлую связь вздорной бабёнки. Вы уже знаете, почему я сдѣлалась его женой и какъ на него смотрѣла... Гдѣ же тутъ любовь, настоящая-то, такая, гдѣ ужъ ни объ чемъ не разсуждаютъ, а только все опускаются въ какой-то омутъ? Помните: вы меня спрашивали: неужели моя жизнь ушла вся на исправленіе графа Кудласова и обученіе господина Гречухина? Да, она ушла на это, хоть не вся, ушла она и на то, что̀ я съ вами вмѣстѣ дѣлала... въ чемъ я васъ поддерживала... Такъ бы и нужно было скоротать свой вѣкъ! Анъ нѣтъ!...

И съ какой-то злостью она махнула рукой, опускаясь опять на кушетку.

— Да, это не то, что̀ прежде, прошепталъ я.

— Страсть налетѣла на меня сразу, не дала даже вздохнуть, и я въ ея когтяхъ и ничего я теперь знать не хочу, я способна на всякое безуміе, можетъ быть

на всякую гадость... можетъ быть на преступленіе!...

— Графиня, перебилъ я ее, беря за руку, такъ ли это?

— Я не знаю, и знать не хочу!.. Развѣ я разсуждаю? я ужъ вамъ разъ сказала, что разсуждать я не могу. Вамъ *онъ* можетъ показаться юношей, мотылькомъ, сердечкинымъ,—Богъ знаетъ чѣмъ, а для меня онъ теперь—все; я, какъ дѣвчонка, какъ институтка, краснѣю, жантильничаю, веду себя ужасно!.. Вы скажете на это: Бальзакъ далъ себя знать. И я вамъ отвѣчу: ну да, Бальзакъ, а потомъ что́?..

Но я не вымолвилъ ни одного слова. Когда глаза мои обратились къ ней, утомленіе и почти полный упадокъ силъ смѣнили горячечное возбужденіе, въ которомъ она излила свою страсть.

Нѣсколько минутъ лежала она безмолвно, съ закрытыми глазами, съ посинѣлымъ отъ блѣдности лицомъ.

— Пора домой, выговорила она довольно твердо, поднимаясь съ кушетки; вы теперь слышали, чѣмъ я живу. Все случилось между моимъ послѣднимъ письмомъ и вашимъ пріѣздомъ. На дняхъ явится графъ, я не знаю, что между нами выдетъ... но мнѣ все равно!..

Помолчавъ, она добавила:

— Леониду Петровичу не извѣстно наше прошлое; а вы неспособны меня выдать. Больше я не могу говорить, я разбита—поѣдемте.

IX.

Какъ шаръ, катилась сѣрая лошадка по улицѣ. Я правилъ и смотрѣлъ на мелькавшіе мимо насъ предметы. Вотъ на порогахъ сидятъ женщины, старыя и молодыя, въ затасканныхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ запуски плетутъ солому, точно чулки вяжутъ: такъ быстро дѣйствуютъ ихъ пальцы. Вотъ, у входа въ мясную лавку стоитъ пара огромныхъ бѣлыхъ воловъ. Хвосты у нихъ перевязаны красной тесемкой. Эта тесемка долго потомъ раздражала мой зрительный нервъ, а мы уже катили между зеленыхъ изгородей... Мы ѣхали не въ Фіезоле, а обратно во Флоренцію.

Графиня, забившись въ уголъ телѣжки, промолчала всю дорогу. Чуть-живую сдалъ я ее на руки вертлявой Маріи, которая не преминула при этомъ всплеснуть руками съ вздираніемъ вверхъ плечъ и глазъ.

Я хотѣлъ послать за докторомъ; но графиня не позволила и попросила оставить ее.

Побрелъ я домой, чувствуя на ногахъ точно пудовики: а я совсѣмъ почти не ходилъ въ этотъ день. Должно быть, не очень-то легко было прощаться съ прошлымъ. Придя домой, я не рыдалъ, какъ истерическая женщина, но безъ слезъ выплакалъ все до послѣдней капельки...

«Она не любила, говорилъ я, сидя у окна, а теперь любитъ. Ну что-жъ, радоваться за нее надо, а не возмущаться!»

— Къ вамъ можно? окликнули меня съ улицы.

Я выглянулъ изъ окна. На троттуарѣ стоялъ Рѣзвый. Лицо у него менѣе сіяло, чѣмъ наканунѣ.

— Милости прошу, пригласилъ я.

— Вы видѣлись съ графиней? Вы съ ней ѣздили въ Фіезоле? Она вчера собиралась и говорила мнѣ. Что́ съ ней случилось?..

Онъ такъ и засыпалъ меня вопросами. Большая тревога сказывалась въ его голосѣ.

— Нервы, отвѣтилъ я успокоительно.

— Марія меня очень напугала, продолжалъ онъ, торопливо закручивая себѣ папиросу; графиня — въ постели, надо бы за докторомъ...

— Она не желаетъ. Не безпокойтесь, натура у графини—могучая; къ вечеру все какъ рукой сниметъ.

Моя безцеремонная манера не особенно разувѣрила его.

— Можетъ быть пріѣздъ графа, не совсѣмъ твердо выговорилъ онъ.

— Пріѣздъ графа тутъ ни при чемъ. Вы развѣ полагаете, сталъ я допрашивать, что отношенія мужа и жены тяжелыя?

— Я не знаю, поспѣшно заговорилъ онъ, слегка краснѣя, графиня очень мало сообщала мнѣ о мужѣ; но она не совсѣмъ, кажется, довольна его письмами... Конечно, серьёзнаго тутъ ничего не можетъ выдти... Она сдѣлалась нервной всего какихъ-нибудь нѣсколько дней...

Онъ всталъ, зажегъ спичку, закурилъ, и вернувшись къ окну, подставилъ свой стулъ очень близко къ моему креслу.

— Позвольте быть съ вами совсѣмъ по душѣ, обратился онъ ко мнѣ, добродушно и нѣсколько застѣнчиво улыбаясь.

— Сдѣлайте одолженіе, одобрилъ я его.

— Вы—другъ графини и знаете ее давно. Она чувствуетъ къ вашей личности большое уваженіе... Вы знаете, она не любитъ фразъ; но я вамъ цитирую ея слова: «Гречухинъ—праведникъ». Кажется, этого довольно... Стало, вы выше всякихъ житейскихъ предразсудковъ... Скажите мнѣ, успокойте меня... мнѣ эта женщина слишкомъ дорога: ничего тутъ не готовится тяжелаго... Кто онъ таковъ, наконецъ, этотъ графъ?

Вся тирада Рѣзваго такъ и пахнула на меня искренностью и тепломъ. Леонидъ Петровичъ продолжалъ плѣнять меня. *Мой* соперникъ, уже настоящій, а не по правамъ супруга—испарился тамъ, гдѣ-то... въ туманной мглѣ.

— Напрасно вы смущаетесь, отвѣтилъ я, кажется, даже съ усмѣшкой; вотъ пріѣдетъ графъ—вы сами увидите. Онъ человѣкъ прекраснѣйшій...

— Этотъ эпитетъ слишкомъ эластиченъ! вскричалъ Рѣзвый.

— Знаю, возразилъ я, даже опошленъ чрезвычайно; но графъ—приличный, мягкій, гуманный баринъ, и вдобавокъ страстно, до сихъ поръ, влюбленный въ свою жену.

Я не долженъ былъ бы выпускать эту подробность; но она у меня сама-собой выскочила. Вѣроятно подробность была ему извѣстна: онъ что-то не высказалъ большого удивленія.

— Все это такъ, возразилъ онъ, продолжая волноваться; но ясно, что графиня заболѣла отъ какихъ-нибудь нравственныхъ потрясеній... Простите мнѣ, дорогой Николай Иванычъ, мою назойливость... Я не

хочу быть нескромнымъ... Мы вѣдь люди безъ предразсудковъ, столковаться намъ не трудно.

Слушая его, я почувствовалъ, что во мнѣ дѣйствительно нѣтъ ужъ болѣе любовника. Мнѣ и жалко-то было этого юношу, и весело за него: онъ жилъ первой страстью или, быть можетъ—интрижкой—не все ли равно, только бы такъ жилось, какъ ему.

— Полноте, сказалъ я, протягивая ему руку; завѣряю васъ, что ничего тутъ нѣтъ серьёзнаго.

— Я лгалъ по приказанію графини, да и безъ ея приказу солгалъ бы: къ чему же было грязнить то, чѣмъ онъ увлеченъ. Замужнюю женщину онъ, конечно, не осуждалъ за то, что она отдалась ему; но, такъ сказать, двумужницу...

Но мой отзывъ о графѣ покоробилъ-таки его.

— Мнѣ бы все-таки хотѣлось, заговорилъ онъ, познакомиться нѣсколько больше съ личностью графа.

— Заочно это трудно сдѣлать; но готовъ отдать свою голову на отсѣченіе, что вы съ нимъ будете въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Столкновеній между мужемъ и женой я просто не предвижу: графъ привыкъ жить желаніями графини рѣшительно во всемъ.

Рѣзвый слушалъ это съ глубочайшимъ вниманіемъ, опустивъ голову и закусивъ слегка нижнюю губу.

— Онъ пріѣдетъ съ дочерью графини? быстро спросилъ онъ. Она уже большая дѣвица?

— Ей семнадцать лѣтъ.

— У графини такая дочь—это изумительно! Который же ей годъ?

— Графиня лѣтъ своихъ, кажется, не скрываетъ: ей тридцать восемь.

— Тридцать восемь, повторилъ онъ, и взглянувъ

на часы, взялся за шляпу. Извините еще разъ, Николай Иванычъ, я вамъ, быть можетъ, помѣшалъ,... Сбѣгаю узнать, какъ графиня?

Онъ убѣжалъ, а я сталъ глядѣть на него въ окно. При поворотѣ въ улицу, вся фигура его, блистающая на солнцѣ, заставила меня чуть не вскрикнуть:

«Жизнерадостный!»

X.

Обѣдать я пошелъ къ Пипо. День стоялъ ужасно жаркій. По дорогѣ я раздумывалъ о томъ: какъ бы устроить все безъ грязи и скандала. Я объ этомъ думалъ; да и кому же было думать, когда она объявила, что «ни о чемъ разсуждать не хочетъ и не можетъ». Слово «грязь» забралось въ мои соображенія; но я остановилъ ихъ ходъ. Я тоже не хотѣлъ и не могъ обличать и обнажать... У меня у самого было кое-что на душѣ предъ тѣмъ же графомъ, и предъ той же Наташей.

Пришелъ я къ тому выводу, что надо подождать и не вмѣшиваться до тѣхъ поръ, пока графиня совсѣмъ не потеряетъ разума; а это врядъ ли могло случиться, чтобы она на себя не наговаривала.

Пипо оказался совсѣмъ пьяненькій, и его болтовня куда не подходила къ моимъ думамъ; но за то онъ мнѣ разсказалъ, какъ дѣлаютъ «maccheroni alla Napolitana» и такъ обстоятельно, что я могъ бы сейчасъ начать дѣйствовать по его рецепту.

Жаръ поспалъ въ седьмомъ часу и я пошелъ бродить по парку, миновалъ площадь съ краснымъ кафе́ и проникъ въ новую аллею, совсѣмъ утонувшую въ

густой тѣни. Тамъ было особенно хорошо. Черезъ четверть часа я опять вернулся къ площадкѣ, на которой экипажи поворачиваютъ, чтобы, прокатившись мимо кафé, стать противъ него. Я сѣлъ на каменную скамью подъ деревомъ и смотрѣлъ на этотъ, довольно-таки глупый способъ пользоваться катаньемъ. Коляски, фаетоны и желтыя корзинки на колесахъ становились въ рядъ и барыни сидѣли въ нихъ, поглядывая по сторонамъ. Къ инымъ никакихъ кавалеровъ и не подходило вовсе, а онѣ сидѣли себѣ, точно восковыя фигуры. Лакеи, спустившись съ козелъ, заходили за экипажи и стоя группами, курили и болтали, нахально скаля зубы. И такъ-то съѣжаются сюда каждый день однѣ и тѣ же модныя синьоры: мнѣ это въ подробности разъяснилъ Пипо. Я ужъ, конечно, больше забавлялся, чѣмъ всѣ эти восковыя фигуры, сидѣвшія въ экипажахъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ заставилъ меня обернуться къ аллеѣ, около которой я сидѣлъ, глядя не на нее, а по направленію большой площади передъ кафé.

Отъ площади катилъ низенькій четырехмѣстный шарабанъ, запряженный двумя воронепькими клиперами, съ свѣтлыми гривами, въ бѣлой упряжи и съ цвѣтными перьями на холкахъ.

Правила ими—графиня. Да, это была она, сіяющая, бодрая, съ бичомъ и возжами въ рукахъ. Ея станъ обтягивало черное платье, все въ золотой матовой тесьмѣ. На головѣ сидѣла уже не та шляпка, какую я видѣлъ утромъ, высокая-превысокая и совсѣмъ назадъ; я замѣтилъ какіе-то блѣдные цвѣты и бѣлый тюлевый вуаль. Рядомъ съ ней сидѣлъ Рѣзвый, одѣтый

по-вечернему, но въ своей живописной гугенотовской шляпѣ. На задней скамьѣ помѣщались Коля и грумъ во всемъ бѣломъ и съ сѣрой шляпой, по итальянской лакейской модѣ, сложа руки на груди.

Вся эта скачущая группа слилась въ одно цѣлое, нарядное, удалое, съ какимъ-то ужъ русскимъ «чортъ побери», хотя все въ ней было иноземное, начиная отъ грума и кончая шляпкой графини. Ни слѣда утомленія не замѣтилъ я на лицѣ ея. Она сидѣла грудью впередъ, ловко и красиво натянула одной рукой возжи и обернулась на-половину къ Рѣзвому, говоря ему что-то, вѣроятно, веселое, потому что тотчасъ же раздался его звонкій смѣхъ. Шарабанъ вылетѣлъ на площадку, обстановленную магноліями и взялъ направо въ ту чудную аллею, откуда я пришелъ. Это видѣніе успокоило меня на какой-то особый манеръ. Видимое дѣло: оба, и она, и онъ «жили» и ни о чемъ больше знать не хотѣли.

Ненужность, нелѣпость моего присутствія предстали предо мною, и, право, я сейчасъ же бы отправился домой укладываться, еслибъ я считалъ себя вправѣ спасаться бѣгствомъ. Я рѣшилъ уже—стушеваться. Но ждать я *долженъ* былъ.

Совсѣмъ почти смерклось, когда я подходилъ къ Villino Ruffi, но безъ всякаго намѣренія зайти къ графинѣ. Къ тому же я зналъ, что она еще не могла вернуться съ катанья.

— Buona sera, signor! окликнулъ меня хриплый женскій голосъ.

Я узналъ Марію. Она стояла за рѣшеткой сада, взявшись обѣими руками за полосы чугунной рѣшетки.

— Buona sera, отвѣтилъ я.

Она меня остановила, просунувъ руку, и начала болтать. Сразу я ее никакъ не могъ понять. Черезъ минуту я догадался, что она говоритъ о графинѣ.

— Dolori, dolori, tanti forti dolori! завыла она, вздергивая плечами, такъ что голова совсѣмъ уходила въ нихъ.

Этимъ тѣлодвиженіемъ она, должно быть, хотѣла мнѣ показать, какъ сильны были страданія графини.

На это я ей съумѣлъ сказать, что сейчасъ видѣлъ графиню въ паркѣ. Она нимало не сконфузилась и продолжала болтать, поглядывая все на мои рукава. Догадался я, что ее привлекаютъ мои золотыя пуговицы.

— Piccino, piccino! ткнула она въ одну изъ пуговицъ, и глаза ея, разноцвѣтные и съ косиной, загорѣлись жадностью.

Я ждалъ: что-то будетъ изъ всего этого заигрыванія?

— La signora, начала она опять лепетать...

Я схватилъ слово: «passeggiata» и «lei»; и сообразилъ, что она говоритъ о нашей утренней поѣздкѣ.

Марія подмигнула тоть-въ-точь, какъ Пипо: «знаю-молъ я все, и ты долженъ мнѣ платить дань за скромность». Видя, что я храню вовсе не ласковый видъ, она продолжала изъясняться на своемъ гортанномъ тосканскомъ діалектѣ; и я очень явственно разслышалъ слова «il signorino biondo» и тотчасъ же сообразилъ, что это—Рѣзвый.

«Ахъ ты—дрянь этакая!» выругался я про себя, и давъ ей еще разъ ощупать мою запонку — повернулъ круто, и перешелъ улицу.

— A rivederla, signorino! крикнула она мнѣ, и почему то пренахально захохотала.

XI.

За мной никто не присылалъ вечеромъ, и я не пошелъ въ Villo Buffi. Я сходилъ только въ городъ справиться, нѣтъ ли мнѣ писемъ на poste restante. Мнѣ подали одно письмо—отъ Наташи. Огромный крытый дворъ почтоваго зданія настолько освѣщенъ, что я прочелъ Наташино письмо подъ газовымъ рожкомъ.

Оно дохнуло на меня всей искренностью этой прекрасной дѣвичьей души. Наташа и мнѣ говорила о впечатленіяхъ Парижа; но я не нашелъ ея фразъ «восторженными». Въ прокъ пошло ей все, что́ она чичала одна или со мной, о чемъ я ей разсказывалъ... Удивительно даже видѣть въ семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, выросшей въ ея средѣ, такую серьёзную человѣчность, такое пониманіе высокихъ задачъ жизни. Ни о трянкахъ, ни о бульварахъ, ни о Пале-Роялѣ нѣтъ въ письмѣ никакихъ восторговъ. Она попала на лекцію въ Collége de France, она посѣтила всѣ развалины 1870 года, она была въ рабочихъ кварталахъ, ей пріятно видѣть, что народъ въ Парижѣ сытый, хорошо одѣтый, веселый, свободный.

Съ глубокой отрадой перечёлъ я это милое письмо, и мнѣ до самаго утра не хотѣлось возвращаться къ флорентинской дѣйствительности. А какъ было къ ней не вернуться? Наташа сообщала, что они съ отцомъ выѣдутъ изъ Парижа черезъ день послѣ отправленія ея письма, значитъ черезъ день нужно было и ждать ихъ. Графъ могъ и не прислать телеграммы и пріѣхать, пожалуй, не въ подходящій часъ... Кому же слѣдовало предупреждать и отводить, какъ не мнѣ?

Рано утромъ я, почти противъ Villino Ruffi, зашелъ въ «stabilimento balneario», и холодный «душъ» пріятно возбудилъ мои нервы; а реакція ждала меня въ паркѣ. Не успѣлъ я показаться на площадь, какъ меня окликнули.

Вижу: милѣйшій Леонидъ Петровичъ изволитъ дѣйствовать на велосипедѣ и руками, и ногами. Свѣтлый пиджакъ его развѣвается и весь онъ сидитъ—на отлётѣ.

— Не хотите ли, Николай Иванычъ? кричитъ онъ, привѣтствуя меня рукой. Мнѣ показалось, что онъ даже послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй. Отличное средство отъ всего!

— Отъ чего же? кричу я ему вслѣдъ и перехожу черезъ дорогу.

Онъ круто повернулъ, чуть не шлёпнулся, но тотчасъ же поправился и потише подъѣхалъ ко мнѣ.

— Отъ всего, весело вскричалъ онъ, поднимая шляпу и проводя платкомъ по бѣлому лбу: отъ геморроя, отъ нервности, отъ неваренія пищи... Я сегодня проснулся съ какими коликами... знаете: per mangiar gran'maccheroni..

И онъ схватился комически за животъ.

— И что-жъ? спросилъ я.

— Какъ рукой сняло! Право попробуйте: сначала на трехколёсномъ, вонъ тамъ въ лавкѣ возьмите, въ часъ вздоръ стóитъ!.. Вы что-же вчера не пришли, мы васъ ждали? Графиня къ вечеру разгулялась, и мы ѣздили въ Кашины. Жаръ сталъ сильно донимать, только теперь да вечеромъ и можно быть на воздухѣ. Вы куда сегодня собираетесь?

— Не знаю, право; музеи я потомъ обойду, когда пріѣдетъ княжна, съ ней...

— Скучная матерія, особливо въ такой жаръ!.. Старые-то, въ византійскомъ вкусѣ, не стóитъ смотрѣть; а всѣ эти флорентинскіе богомазы успѣютъ вамъ намозолить глаза, пока вы доберетесь до настоящихъ вещей... Если угодно, я къ вашимъ услугамъ.

— Полноте, отговорился я.

— А, вотъ и Коля! молодецъ! крикнулъ Рѣзвый.

Я обернулся: къ намъ катился маленькій велосипедъ. Въ облакѣ пыли я разглядѣлъ фигуру Коли, сосредоточенно выдѣлывающаго ногами.

На поворотѣ онъ взялъ еще круче Рѣзваго. Велосипедъ подогнулся подъ нимъ. Я вскрикнулъ и подбѣжалъ.

Коля не сразу поднялся, барахтаясь подъ большимъ колесомъ.

— Ушиблись, Коля?

На мой вопросъ онъ злобно глянулъ на меня, и съ усиліемъ поднялся.

Я началъ его осматривать и отряхать съ него пыль. Онъ ёжился и отводилъ меня рукой, повторяя:

— Оставьте, это пустяки, я сейчасъ поѣду...

На вопросъ подоспѣвшаго Рѣзваго: — Не раненъ ли ты, Коля? онъ отвернулъ и засучилъ лѣвый рукавъ своей курточки. На рубашкѣ оказалась кровь. Сердце у меня забилось, и я долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не выдать своего излишняго смущенія.

Рука была ссажена у локтя. Коля порывался-было сѣсть опять на велосипедъ; но мы его не допустили. Рѣзваго онъ слушалъ охотно. У нихъ были *пріятель-*

скія отношенія. Я предложилъ ему проводить его до дому, но онъ отказался идти.

— Я посижу здѣсь, выговорилъ онъ раздражительно, и буду смотрѣть какъ Леонидъ Петровичъ ѣздитъ; рукѣ моей совсѣмъ не больно.

И онъ сѣлъ на скамью, сжавъ губы и искоса поглядывая на меня. Рѣзвый продолжалъ свои упражненія.

Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ производить свою реакцію послѣ душа. Какъ я ни смирился, но это упорное пренебреженіе мальчика ко мнѣ, душило меня. Я изучилъ его натуру, я видѣлъ, что онъ въ сущности ни къ кому не привязанъ; но такія безпощадныя проявленія его сухости и непріязни выходили изъ ряду вонъ...

Войдя въ аллею парка, я оглянулся на кругъ, гдѣ леталъ Леонидъ Петровичъ. Законна была бы зависть къ нему; но онъ обезоруживалъ меня. Онъ привлекалъ даже Колю.

Когда я возвращался послѣ своей реакціи, они уже вдвоемъ продолжали кружиться. Коля и не подумалъ сѣсть на трехколесный велосипедъ; онъ взялъ себѣ инструментъ такихъ же почти размѣровъ, какъ и у его пріятеля, Леонида Петровича.

XII.

Густая мгла охватила насъ подъ навѣсомъ деревьевъ. Тамъ, гдѣ-то наверху, зажигались звѣзды, какъ онѣ зажигаются только въ глубинахъ южнаго неба. Вправо и влѣво, по изгородямъ сверкали и искрились свѣтляки. Ихъ было такъ много, они такъ отважно и

часто летали, что ихъ брильянтовые огни казались дождемъ какихъ-то волшебныхъ ракетъ.

Дойдя до площадки, мы сѣли на каменную скамью.

— Это все червяки, проговорила графиня, указывая мнѣ на мелькавшія ежесекундно свѣтлыя точки.

— Червяки, повторилъ я.

И мы долго молчали.

— Подождемъ ихъ здѣсь, заговорила первая графиня, оглядываясь назадъ; Леонидъ Петровичъ такъ балуетъ Колю... Я увѣрена, что онъ завелъ его къ Doney... лакомиться чѣмъ-нибудь.

— Завтра графъ пріѣзжаетъ? спросилъ я.

Она сразу мнѣ не отвѣтила, только сдѣлала какое-то движеніе.

— Да, завтра, выговорила она небрежно.

— Онъ вѣроятно съ утреннимъ поѣздомъ...

— Должно быть; да онъ еще разъ пришлетъ телеграмму, будьте покойны.

— Вы еще не знаете, какъ вы съ нимъ обойдетесь?

Этотъ вопросъ стоилъ мнѣ порядочнаго усилія.

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ.

— Я не въ состояніи держаться никакой программы.

— Тогда лучше сразу покончить.

— Какъ покончить? рѣзко окликнула она.

— Сказать все мужу... Вы говорили, что способны даже на преступленіе... этого не понадобится, графъ не такой человѣкъ... Онъ слишкомъ васъ любитъ.

Глаза графини сверкнули, точно два свѣтляка.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите? возразила она взволнованнымъ и почти злобнымъ голосомъ.

— Я говорю это въ интересахъ вашего чувства, вашей страсти...

— Скажите пожалуйста!

— Да, вашего чувства, повторилъ я съ удареніемъ, и мой тонъ показалъ графинѣ, что я отступать не намѣренъ.

— Объясните, сдѣлайте милость.

— Вы сами должны чувствовать это. Зачѣмъ же вы станете грязнить вашу первую любовь, когда вы можете честно распорядиться съ ней:.. Характера у васъ достанетъ; за это поручусь.

— Ха, ха, ха, разразилась графиня, вотъ каковы всѣ эти люди съ принципами!.. Когда они были на сценѣ, я могла преспокойно, больше десяти лѣтъ, держать около себя мужа, а теперь, совсѣмъ другое: я должна со скандаломъ бросить мужа, публично объявлять всѣмъ, что я ему измѣнила... Прекрасно, прекрасно!

Я слушалъ и мнѣ не вѣрилось, что это говоритъ она, графиня Кудласова.

— Я тутъ ни причёмъ, перебилъ я ее, и не за свою особу хлопочу. Я, быть можетъ, и глупо поступаю, что вмѣшиваюсь, но что́ прикажете: я предпочитаю глупость равнодушію и эгоизму. Когда вамъ угодно было наградить меня... за мою добродѣтель, вы и поступать могли не такъ, какъ теперь. Но я и тогда, и одиннадцать лѣтъ тому назадъ, называлъ ложь ложью, и помирился съ нею потому только, что вы прибрали меня къ рукамъ, а потомъ ужъ поздно было открывать графу глаза. Ваше тогдашнее поведеніе я теперь вполнѣ понимаю. Изъ-за чего вамъ было жертвовать всѣмъ мнѣ, когда вы меня не любили страстью,

когда вы меня только награждали, исполняли долгъ, какъ вы выразились намедни? Но теперь...

— Что́-же теперь? чуть слышно выговорила она.

— Теперь—вы живете первой страстью; для васъ *онъ* все: вѣдь вы сами мнѣ это объявили. Теперь ложь—просто ложь, вы въ ней задохнетесь, вы убьёте и свое, и его чувство... Никто вамъ не говоритъ о скандалѣ. Скандала не нужно. Я его-то и боюсь. Я его-то и хочу отвратить.

— Вамъ-то чего-же бояться?

— Я ничего въ жизни своей не боялся, графиня, будьте въ томъ увѣрены, но я умоляю васъ вспомнить, что завтра объ эту пору здѣсь будетъ дочь ваша, а этой дочери семнадцать лѣтъ. Вы думаете, она не пойметъ всего... не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ два, не черезъ два мѣсяца, такъ черезъ полгода. Лучше же вамъ не знать ее совсѣмъ, чѣмъ съ каждымъ днемъ падать въ ея глазахъ...

— Почему же она не была помѣхой нашимъ отношеніямъ?

Графиня прибавила къ этому вопросу какое-то небывалое, злостное хихиканье.

— Потому, отвѣтилъ я съ невольнымъ раздраженіемъ, что вы умѣли себя сдерживать, часто больше моего, а теперь вы себѣ не принадлежите; потому что тогда вы не любили, а теперь вы любите; потому что Наташа была ребенокъ, а теперь она—женщина.

— Дочерью вы меня не напугаете!..

— Ваше равнодушіе къ ней—не оправданіе. Такъ откажитесь отъ всякихъ правъ на нее, это будетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно!

— Оставьте меня! крикнула графиня и поднялась со скамьи; я вамъ разъ высказалась, больше передъ вами не лгу, чего же вамъ еще отъ меня надобно!..

XIII.

— Ау! мама! ау! визгливо раздался голосъ Коли.

— Графиня, вы здѣсь, доносился голосъ Рѣзваго.

— Здѣсь, здѣсь! откликнулась графиня и выбѣжала на дорожку. Я вышелъ за нею. Подошли «пріятели» (я такъ ихъ началъ звать), и одинъ изъ нихъ, кажется Рѣзвый, поднесъ графинѣ букетъ...

— Сами нарвали, говорилъ онъ запыхавшись, пробрались въ темныя трущобы...

— И къ Doney, разумѣется, заводили Колю? спросила весело графиня.

— Нѣтъ, мама.

— Лгать дурно, мой дружокъ.

«Лгать дурно» повторилъ я про себя, и чуть не расхохотался.

— Онъ правду говоритъ, вмѣшался Рѣзвый: мы не заходили въ кафе, клянусь вамъ, графиня!

— Боже мой, какъ торжественно. Леонидъ Петровичъ; идемте домой; а то здѣсь на насъ пожалуй нападутъ какіе-нибудь birbanti.

— Съ такимъ-то эскортомъ! подхватилъ Рѣзвый и предложилъ руку графинѣ. Коля не захотѣлъ идти рядомъ со мною и побѣжалъ впередъ.

О чемъ бесѣдовала пара, я рѣшительно не слыхалъ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то «все равно». Чувство жалости не забралось въ меня такъ, какъ два дня назадъ. Я еще не могъ *жалѣть* постоянно ту женщину,

которую привыкъ считать полновластной госпожой всѣхъ своихъ словъ, думъ, желаній и дѣйствій. Только чистый и кроткій образъ Наташи всплывалъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе, поднимаясь изъ омута, на днѣ котораго я очутился въ городѣ Флоренціи...

Я такъ задумался, что меня точно разбудилъ голосъ Рѣзваго, у самой рѣшетки Villino Ruffi.

— Николай Иванычъ, графиня васъ проситъ откушать чаю.

Онъ стоялъ по ту сторону рѣшетки, а графиня уже подходила къ крыльцу.

— Выпью чашечку, выговорилъ я, улыбаясь добрѣйшему Леониду Петровичу.

Онъ мнѣ представился какимъ-то имянинникомъ. Для него дымъ идетъ коромысломъ, но онъ ни въ чемъ не виноватъ, и даже не знаетъ, чего стоитъ торжество, подносимое ему.

Рѣзвый поддерживалъ меня подъ руку, когда мы поднимались по лѣстницѣ, и ввелъ въ салонъ, освѣщенный лампой изъ античной бронзы. Я присѣлъ на круглый диванъ съ вазой посрединѣ, а онъ сталъ поправлять себѣ волосы передъ зеркаломъ.

— Вы обратили вниманіе на эту комнату? спросилъ онъ меня, обернувшись въ мою сторону.

— А что?

— Очень оригинально отдѣлана, въ этрусскомъ вкусѣ: взгляните-ка на плафонъ и полъ.

Я въ первый разъ замѣтилъ, что плафонъ раздѣленъ поперечными балками на три части, что каждое отдѣленіе расписано черными фигурами по красно-желтому фону, а полъ весь изъ деревянной мозаики, и что вся мебель въ салонѣ—bouton d'or. При лампѣ, съ зе-

ленью въ углахъ, комната имѣла въ себѣ что-то горячее и страстное. Мнѣ вспомнилась зимняя голубая комната на Садовой... Предо-мной въ эту минуту стоялъ герой желтаго салона. Онъ былъ, надо правду сказать, куда поприглядней того долговязаго управителя, который сразу началъ говорить чуть не грубости аристократкѣ въ красной кацавейкѣ...

Грумъ и Марія завозились около чайнаго стола. Марія и при «господахъ», какъ у насъ говорятъ, не теряла своей неугомонности. Она раза три подмигнула Рѣзвому, и, не обращая на меня вниманія (должно быть за запонки), начала шептаться съ нимъ.

Я не желалъ любопытствовать и удалился на балконъ; но и туда пронзительный шопотъ Маріи черезчуръ явственно долеталъ.

— Il signor conte, рѣзала она воздухъ... la giu!

«То-есть, внизу», перевелъ я себѣ.

Что̀ сказалъ ей Рѣзвый—нельзя было разслышать. Онъ по итальянски изъяснялся больше существительными. Вотъ раздался ихъ общій смѣхъ: стало быть, они другъ друга поняли.

Коля пробѣжалъ по гостиной, выглянулъ на балконъ, и сейчасъ же ретировался, разглядѣвъ меня въ углу.

— Domani? спросила Марія, и зашумѣла чашками.

Опять они разсмѣялись: Леонидъ Петровичъ вторилъ ей съ особымъ добродушіемъ и мнѣ съ балкона видно было, какъ она передъ нимъ извивается. Руки ходили, точно вѣтряная мельница, станъ перегибался, точно лоза какая въ осенній сверокъ.

Картина выходила забавная. Возмущаться было бы слишкомъ «по книжкѣ», какъ когда-то говаривала гра-

финя Варвара Борисовна. Вѣдь надо же было Леониду Петровичу хоть разъ въ жизни отпраздновать свои имянины! А развѣ онъ виноватъ, что для другихъ это—поминки?..

Вотъ вошла графиня. Ея фигура въ очень легкомъ платьѣ и съ полуоткрытой грудью точно озарила всю эту огненную комнату. Всякій художникъ вскричалъ бы: «матрона!»

Можетъ быть и Рѣзвый сдѣлалъ ей то же привѣтствіе. Она подошла къ столу, и глядя на Марію, что-то сказала по-итальянски.

Всѣ трое разсмѣялись, послѣ чего «наперсница тайнъ» подбѣжала къ балкону и крикнула мнѣ горломъ:

— Il tè!

XIV.

Послѣ чая, мы остались въ салонѣ. Графиня сначала разсѣянно курила (уже не пахитосы, а довольно толстыя папиросы), потомъ оставила насъ съ Рѣзвымъ и сѣла къ пьянино. Заиграла она что-то томное и расплывающееся, какое-то «morceau», нервно и даже съ аффектаціей. Она и въ музыкѣ стала другой.

— Графъ пріѣзжаетъ завтра, сказалъ мнѣ Рѣзвый не то въ видѣ вопроса, не то въ формѣ сообщенія.

— Вамъ будетъ очень пріятно съ нимъ познакомиться, замѣтилъ я безъ всякой задней мысли.

Леонидъ Петровичъ какъ будто поёжился, но тотчасъ же спросилъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Графъ, кажется, одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ земцевъ?

— Да, онъ много сдѣлалъ для своего края и очень вѣритъ въ земскія учрежденія.

Опять-таки я выговорилъ это безъ всякаго желанія язвить графа Платона Дмитріевича.

— Вѣритъ! подхватилъ Рѣзвый, и расхохотался... Признаюсь, много нужно имѣть святой вѣры, чтобы смотрѣть съ надеждой на наше русское самоуправленіе.

Графиня остановилась.

— Будемте говорить тише, прошепталъ Рѣзвый, мы мѣшаемъ графинѣ.

— Нисколько, откликнулась она, вставая съ табурета, продолжайте говорить, я вамъ не буду мѣшать... вѣдь вы завели мужской разговоръ?

Она обратилась съ этимъ вопросомъ къ Рѣзвому, подойдя къ нему очень близко. Блуждающая и сладковатая улыбка ея остановилась томно на глазахъ его. Предо мной ужъ больше не стѣснялись: я за это былъ почти благодаренъ.

— Что это вы, графиня!.. вскричалъ Рѣзвый, вскакивая съ своего мѣста. Развѣ есть дѣленіе на мужскіе и женскіе разговоры!..

Она сѣла въ кресло, вынула изъ соломенной корзиночки какую-то работу и отвѣтила уже съ другой, нервной усмѣшкой:—Есть.

— Что̀ установило его? добивался Рѣзвый.

— Многое, Леонидъ Петровичъ, многое; если не природа, то общество... среда, какъ вы нынче всѣ выражаетесь.

— Однако...

— Я не говорю ничего обиднаго для женщины; но было бы смѣшно, даже дико взваливать на нее такую же, напримѣръ, отвѣтственность, какъ на мужчинъ.

«Вотъ оно куда пошло», подумалъ я и замѣтилъ вслухъ:

— Другими словами, вы ее считаете невмѣняемой, какъ малолѣтныхъ, слабоумныхъ и совсѣмъ помѣшанныхъ?..

— Ахъ, Николай Ивановичъ, перебила она меня, что это вы не отстанете никакъ отъ ученыхъ словъ... Невмѣняемость! Да это и не выговоришь сразу... что́ это значитъ?

— Это значитъ, графиня, объяснилъ за меня Рѣзвый, именно то, что́ вы доказываете, и, можетъ быть, не совсѣмъ безъ основанія—именно, что женщина не можетъ быть обвиняема во всемъ наравнѣ съ другими... то-есть съ мужчиной... Вѣдь вотъ ваша мысль?

— Да; я въ этомъ все больше и больше убѣждаюсь, продолжала она, опуская нѣсколько голову... Я говорю только за женщинъ моего времени и моего общества... Другихъ я мало знаю... Есть у насъ теперь новыя женщины... Допускаю, что тѣ будутъ иначе жить, чѣмъ мы... Но мы...

— Внѣ закона, подсказалъ я.

Она быстро обернулась, гнѣвно поглядѣла на меня и съ удареніемъ выговорила:

— Если вамъ такъ угодно, то и внѣ закона...

— Ну, это парадоксально! возразилъ Рѣзвый; но глаза его съ такимъ выраженіемъ глядѣли на графиню, что не трудно было прочитать въ нихъ:

«Все что́ вы ни скажете, я готовъ подписать».

— Намъ не дано было ни въ дѣтствѣ, ни тогда, когда мы сдѣлались дѣвицами, никакого profession de foi. Религія?—развѣ она входитъ въ наше воспитаніе, какъ во Франціи, напримѣръ, гдѣ у каждой дѣвочки

есть свой directeur de conscience? Мораль? Какая? И она у насъ не имѣетъ никакихъ традицій, потому что у насъ нѣтъ класса, который бы самъ себѣ предписывалъ правила морали. Примѣры? Объ этомъ лучше и не говорить. Гражданскіе интересы... вѣдь такъ, кажется, Николай Иванычъ?.. Они и у мужчинъ-то кончаются полнѣйшимъ фіаско, и ихъ-то, что ни день, обличаютъ, въ разныхъ земствахъ — въ простомъ воровствѣ. Ну, что-жъ остается? Материнскія обязанности, семейный долгъ?.. Но все это такъ, съ неба не слетитъ, надо это создать себѣ, а создавать — не изъ чего!

— Прекрасная защитительная рѣчь! вскричалъ Рѣзвый и захлопалъ въ ладоши...

— Очень убѣжденная, тихо добавилъ я.

Графиня врядъ ли слышала мое замѣчаніе; да и не для меня она и тратила свое краснорѣчіе. *Объективъ* ея былъ—Леонидъ Петровичъ. Значитъ, эта защитительная рѣчь была необходима, если графиня рѣшилась произнести ее въ присутствіи человѣка, который зналъ ее за женщину, смѣло бравшую всякую отвѣтственность на себя. Во время-оно, она не стала бы тратить словъ на доказательства своей «невмѣняемости».

— Я не хочу заводить философическаго спора, небрежно вымолвила она, принимаясь опять за свою работу.

— Адвокатскія способности у васъ блестящія! продолжалъ восторгаться Леонидъ Петровичъ, и подсѣлъ поближе къ графинѣ. И все, что вы сказали о женщинахъ вашего поколѣнія—безусловно вѣрно, насколько я знаю наше общество! Да и пора, наконецъ, пе-

рестать накидываться на женщину съ уголовнымъ кодексомъ въ рукахъ. У насъ есть одна вещь, которая все оправдываетъ...

— Именно? полюбопытствовалъ я.

— Именно отсутствіе развода!

Графиня ни единымъ словомъ не отозвалась на восклицаніе Рѣзваго. Я замѣтилъ только особую игру въ ея глазахъ.

Мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ этрусскомъ салонѣ. Программа была разжевана, и тотъ, къ кому она обращалась—контрасигнировалъ ее.

Я взялся за шляпу.

— Куда же вы, Николай Ивановичъ? затараторилъ Рѣзвый, такіе интересные дебаты—и вы торопитесь спать!

— Да вы уже договорились до полнаго соглашенія, отвѣтилъ я; какіе же возможны дебаты?

— Николай Иванычъ одобряетъ разводъ на собственный фасонъ, вымолвила неспѣша графиня.

Когда я подошелъ къ ней проститься, она сухо спросила меня:

— Вы поѣдете встрѣчать?

Поѣду, а вы?

— Нѣтъ, они не маленькіе... Впрочемъ, съ кѣмъ же отпустить Колю...

Поморщивъ лобъ, она рѣшила:

— Можетъ быть, я и соберусь; но вы меня не ждите...

— Слушаю-съ, смиренно выговорилъ я.

Добрѣйшему Леониду Петровичу точно въ самомъ дѣлѣ было непріятно, что я уходилъ. Даже кожа счастливца не дѣлала его эгоистомъ.

XV.

Съ настоящимъ замираніемъ сердца ждалъ я поѣзда на дебаркадерѣ. Наканунѣ, я прочелъ въ какой-то итальянской газетѣ о желѣзнодорожномъ несчастіи, случившемся между Римомъ и Неаполемъ. А тутъ мнѣ представились спуски съ горъ и безпрестанные туннели, хотя я и зналъ, что графъ съ Наташей ѣхали не изъ Неаполя, а изъ Турина. Оставалось три минуты до прихода поѣзда; но графини я не видалъ подъ навѣсомъ дебакадера. Ухо мое схватило чуть слышный свистокъ машины... Я побѣжалъ къ срединѣ платформы, разсчитывая, что тутъ должны остановиться вагоны перваго класса.

Разсчетъ мой оказался вѣренъ. Почти прямо противъ меня въ окнѣ вагона показалась фигура графа въ такой же шляпѣ, какая у Рѣзваго, но въ бѣлой парусинѣ. А за нимъ выглядывала и моя милая Наташа.

Они меня не сразу разглядѣли. Я ихъ окликнулъ, прежде чѣмъ поѣздъ совсѣмъ остановился.

Съ графомъ мы обнялись, а Наташа чуть не прыгнула мнѣ на шею. Мы съ ней расцѣловались по-русски, что́ графу, кажется, очень понравилось.

Но онъ тотчасъ же, съ тревогой въ лицѣ, спросилъ:

— А графиня?

— Здорова, поспѣшилъ я его успокоить, она хотѣла пріѣхать встрѣтить васъ вмѣстѣ съ Колей.

— Отчего-жъ вы не вмѣстѣ?

Этотъ вопросъ такъ естественно вылетѣлъ изъ устъ

графа, что я почти затруднился отвѣтить на него безъ запинки. И въ самомъ дѣлѣ: отчего-жъ мы были не вмѣстѣ съ графиней на платформѣ?!.

— Графиня просила не дожидаться ее, выговорилъ я.

— Значитъ, съ ней что-нибудь случилось? продолжалъ волноваться графъ.

— Я видѣлся съ ней вчера вечеромъ, пояснилъ я.

— Развѣ вы живете не въ одномъ домѣ съ нами? пугливо спросила Наташа, и лицо ея затуманилось.

Графу это тоже не понравилось. Онъ даже щелкулъ языкомъ, что́ у него означало большое неудовольствіе.

— Мѣста вамъ не достало, что ли? сказалъ онъ полу-обиженно.

— Неудобно, отвѣтилъ я, чувствуя, что вотъ-вотъ покраснѣю.

Они оба стояли на платформѣ въ какой-то нерѣшительности. Служители держали ихъ мѣшки и пледы, не зная куда нести.

— Вонъ Коля! Сюда! крикнула вдругъ Наташа и двинулась впередъ.

Подбѣжалъ Коля и бросился къ отцу. Графини съ нимъ не было, но тотчасъ же выяснилась фигура Леонида Петровича. Онъ безъ всякаго смущенія или неловкости подошелъ прямо къ графу и поднялъ шляпу:

— Графиня прислала со мною Колю, выговорилъ онъ съ необыкновенной отчетливостью, у ней сдѣлался ужасный мигрень. Николай Иванычъ уже уѣхалъ... Позвольте при этомъ отрекомендоваться: кандидатъ правъ Рѣзвый.

Не особенно благодушно протянулъ графъ свою руку «кандидату правъ», хотя на губахъ его и явилась обычная его благосклонная улыбка. Онъ съ безпокойствомъ

и недоумѣніемъ взглянулъ на меня, точно спрашивая: «кто это: гувернеръ, что ли Колинъ, или просто молодой человѣкъ»?

— Леонидъ Петровичъ, выручалъ я, познакомился съ графиней на водахъ, въ Оропѣ... вѣдь въ Оропѣ кажется? обратился я къ Рѣзвому.

— Да, въ Оропѣ, отвѣтилъ тотъ необыкновенно весело.

Но этотъ веселый тонъ не подѣйствовалъ что-то на графа. Наташа, очень застѣнчивая, почти дикая, ёжилась вся отъ присутствія незнакомаго мужчины и глядѣла на меня жалобными глазами.

— Папà, ты надолго? окликнулъ графа Коля.

— Погоди, не таранти! отвѣтилъ ему графъ съ небывалой нервностью; ты бы лучше вотъ взялъ у сестры мѣшокъ.

Мы всѣ продолжали толчись на мѣстѣ.

— Прикажете карету? догадался Рѣзвый.

— Не безпокойтесь, увертывался графъ, мы сейчасъ распорядимся...

— Я минутой! крикнулъ Рѣзвый и побѣжалъ къ выходу...

— Очень любезный молодой человѣкъ, выговорилъ графъ съ усмѣшечкой, которая меня удивила: онъ въ жизнь свою не издалъ, я думаю, ни одного двусмысленнаго звука; а тутѣ звукъ былъ, положительно, кисло-сладкій.

Мы двинулись гуськомъ. Наташа успѣла шепнуть мнѣ:

— Гдѣ же вы живете? Далеко?

— Въ двухъ шагахъ.

— А maman какъ?

На этотъ вопросъ я ей ничего не сказалъ: графъ меня выручилъ спросивши тоже: далеко ли я живу отъ Villino Ruffi?

Леонидъ Петровичъ приготовилъ намъ четырехмѣстную коляску, ловко подсадилъ Наташу, причемъ она адски покраснѣла, и низко снявши шляпу, раскланялся съ графомъ.

— А вы-то что-жъ? пригласилъ я, рискуя не угодить его сіятельству, вамъ вѣдь по дорогѣ?..

— Пожалуйста, пропустилъ сквозь зубы графъ; Коля, садись на козлы.

— Нѣтъ, нѣтъ! защищался Рѣзвый, махая рукой... Мнѣ здѣсь надо зайти въ магазинъ на Торнабону.

Онъ такъ вкусно выговорилъ эту обрусенную имъ «Торнабону», т.-е. *Via Tornabuoni*, что я невольно разсмѣялся, и, право, безъ малѣйшаго коварства, пожалъ ему руку.

Графъ, кажется, легче вздохнулъ, когда коляска выѣхала изъ воротъ и Рѣзвый зашагалъ къ церкви Santa-Maria Novella.

XVI.

Совсѣмъ новое безпокойство ощущалъ я, сидя противъ графа въ коляскѣ, когда мы повернули въ улицу, гдѣ находится Villino Ruffi. Ужъ, конечно, не за себя боялся я. Я былъ совершенно въ сторонѣ; но на мнѣ точно продолжала лежать отвѣтственность за все, что̀ можетъ произойти въ семействѣ графа.

Вѣроятно графиня видѣла, какъ мы подъѣхали къ рѣшеткѣ. Грумъ и Марія выскочили принимать «дорогихъ гостей». Марію я не узналъ: она вся какъ-то

подобралась и притихла, только все сладко поводила глазами, выбиваясь изъ всѣхъ силъ, какъ бы подслужиться самому «il signor conte».

Она схватила два мѣшка и взбѣжала съ ними въ сѣни, куда настежъ была отворена дверь въ квартиру перваго этажа, по правую руку отъ входа.

— Куда это она? спросилъ тревожно графъ, обращаясь ко мнѣ.

— Папà, ты будешь здѣсь жить, съ Наташей, вмѣшался Коля, наверху негдѣ.

— Что ты за вздоръ говоришь! не на шутку разсердился графъ.

— Да, графъ, долженъ былъ пояснить я, видя, что Марія находится въ выжидательной позѣ: куда ей нести мѣшки; графиня, вѣроятно, не успѣла вамъ написать объ этомъ...

— Какъ же Наташа будетъ здѣсь жить одна? недоумѣвалъ онъ.

— Да и ты, папа, и ты, продолжалъ свое Коля.

— Ахъ, папа, мы вѣдь забыли взять багажъ...

Эти слова Наташи, сказанныя пугливымъ тономъ, совсѣмъ взбаломутили графа.

— Господи! вскричалъ онъ, чтò же это такое!..

Я принялся приводить ихъ въ нормальное настроеніе. За багажемъ тотчасъ же былъ отправленъ мужъ привратницы, за котораго Марія начала клясться и божиться, что ему можно поручить хоть «cinque mila lire!»

Мѣшки она, все-таки, внесла въ помѣщеніе нижняго этажа. Коля полетѣлъ наверхъ къ матери. За нимъ двинулись графъ, Наташа и я.

Только-что мы вошли въ желтый салонъ, какъ Коля выбѣжалъ изъ спальни.

— Мамѣ лучше, объявилъ онъ, но она въ постели.

Я остался въ салонѣ: графъ и Наташа скрылись.

Должно быть пріемъ пришелся не особенно по вкусу его сіятельству. Минутъ черезъ десять вышелъ онъ, стараясь улыбнуться, но съ напряженнымъ и растеряннымъ лицомъ. Мнѣ положительно стало жаль его; но какое-же утѣшеніе могъ я ему доставить?

Наташа шла за нимъ грустная. Я догадался: мать приняла ее также сухо, какъ и простилась съ нею. По крайней мѣрѣ, въ этомъ, графиня оставалась той же.

— Надо намъ отправляться внизъ, сказалъ графъ Наташѣ съ кислой усмѣшечкой...

— Тамъ хорошо, утѣшала его добрая душа: цвѣты въ саду, тѣнь, и подниматься не такъ высоко.

— Такъ, такъ, повторялъ графъ, и съ понурой головой побрелъ на свою «половину».

Наташа кинулась ко мнѣ, жала мнѣ руки, со слезами на глазахъ повторяла: какъ ей хотѣлось быть со мной въ Парижѣ, гдѣ столько «чудныхъ вещей»... и остановившись посреди своихъ изліяній, прошептала:

— Maman совсѣмъ не рада папѣ.

И потомъ вдругъ примолкла, точно прикусила языкъ и боязливо оглянулась на дверь въ спальню.

— Пойдемте, пойдемте, къ *намъ*, увлекла она меня внизъ, продолжая свой разсказъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ.

На бѣдномъ графѣ просто лица не было. Я ясно видѣлъ, что все его нестерпимо раздражаетъ: и это отведеніе ему отдѣльной квартиры, и встрѣча графини, и ея политическая болѣзнь, и гортанное лебезе-

ніе Маріи, и бѣготня Коли: Онъ на него раза два прикрикнулъ и успѣлъ сказать мнѣ съ удареніемъ:

— Очень мнѣ не нравится Коля!..

Я не сталъ, конечно, сообщать ему собственныхъ наблюденій.

Наташа, видя, что отчимъ ея такъ недоволенъ, не знала, какъ ей быть, и все шептала мнѣ:

— Никогда папа не былъ такимъ!.. Ахъ какъ это жаль! Но что̀-же дѣлать, что́-же дѣлать?

— Переждать, училъ я ее; а самому приходилось чуть ли не такъ же жутко.

Привезли багажъ, и въ развязываніи, выниманіи и укладываніи прошло добрыхъ два часа. Графъ нѣсколько разъ поднимался наверхъ и возвращался оттуда все съ той же стереотипной улыбкой душевнаго недовольства.

Воспользовавшись отсутствіемъ Наташи, убиравшей свою комнату, Платонъ Дмитріевичъ взялъ меня за руку, съ особой силой, и тяжело переводя духъ, заговорилъ:

— Я совсѣмъ не узнаю графиню. Болѣзни ея я не вѣрю: она гнѣвается на меня; но за что?.. И потомъ, это дикое распоряженіе насчетъ особой комнаты для меня... Точно будто мы не занимали съ ней одной комнаты... цѣлыхъ почти двадцать лѣтъ...

Онъ опять щелкнулъ языкомъ.

— Заграничная жизнь, попробовалъ я.

— Конечно, я не стану насильно къ ней врываться... она больна, у ней нервы, мигрень. . не знаю тамъ что!.. И все это такъ не похоже на нее. Ну, скажите на милость, вы ее кажется хорошо знаете: развѣ всѣ эти манеры и причуды похожи на нее?..

— Вотъ поѣдетъ на морскія купанья, нервы улягутся...

Онъ еще разъ вздохнулъ вмѣсто всякаго отвѣта, и началъ вынимать вещи изъ своего вѣнскаго туалетнаго несессера.

На немъ опять лица не было, и едва ли я ошибся, примѣтивъ двѣ слезинки на его рѣсницахъ.

XVII.

Я зналъ, что мнѣ легко очутиться между двухъ огней. Такъ оно и выходило. Не успѣлъ я хорошенько проснуться, какъ ко мнѣ въ спальню уже влетѣлъ Леонидъ Петровичъ. Онъ не показывался въ Villino Ruffi въ день пріѣзда графа.

— Ну что? спросилъ онъ меня полушепотомъ, и подсѣлъ на кровать.

Такъ точно спрашиваютъ мальчики, наблудившіе и прибѣжавшіе узнать: провѣдали большіе про ихъ шалость, или все сошло благополучно.

Мнѣ съ нимъ сейчасъ же стало весело, помимо моей воли, до неприличія весело.

— Да ничего, отвѣтилъ я, продолжая лежать. Леонидъ Петровичъ видимо расположился бесѣдовать со мною на кровати.

— Не было бури?

— Никакой; графиня жаловалась на мигрень и осталась у себя въ спальнѣ.

— А графъ? расположился внизу съ княжной?

Глаза его такъ и прыгали, когда онъ дожидался моего отвѣта.

— Да.

— Какъ онъ это принялъ?

— Это ему нѣсколько не понравилось; но онъ сказалъ потомъ: à la guerre, comme à la guerre.

— Разумѣется!.. Что за купеческіе нравы! Непремѣнно съ супружницей! Ну, и прекрасно!..

Онъ былъ такъ радъ, что потрепалъ меня по груди. Я уже попалъ въ его наперсники. Онъ не только не стѣснялся со мною, но въ немъ жила неудержимая потребность изливаться, разсказывать мнѣ денно и нощно про все, сдѣлать изъ меня настоящаго, закадычнаго друга. Мнѣ оставалось только справляться съ пріятностями и удобствами этой роли.

— Вы навѣстите сегодня Villino Ruffi спросилъ я.

— Явлюсь съ визитомъ къ графу... Безъ этого нельзя же... Ну, батюшка, онъ меня не *анравилъ*

— Что, что такое? переспросилъ я.

— Это у меня такъ бабушка одна выражалась. Она смастерила русское слово изъ французскаго: *ravir*. Когда ей кто-нибудь не нравился, она, бывало, говоритъ: нѣтъ, онъ меня не *анравилъ*

— Такъ васъ графъ Платонъ Дмитріевичъ не анравилъ.

— Чопорный какой-то, кислосладкій, и преисполненный, кажется, земской мудрости. Во всѣхъ статьяхъ—добродѣтельный мужъ!..

— А вамъ хотѣлось бы забулдыгу или старикашку какого-нибудь? совершенно добродушно спросилъ я.

— Мнѣ все равно, милѣйшій Николай Иванычъ, я скорблю только за женщину, находящуюся въ безвыходномъ положеніи, и...

Онъ не договорилъ и задумался. Въ глазахъ его

мелькнула вспышка тепла́го чувства, и не совсѣмъ легкая дума тотчасъ замутила ихъ.

— Вы, поди, говорите про меня: онъ такъ сбираетъ медъ, какъ пчела, съ каждаго цвѣтка... А выходитъ, что жизнь наталкиваетъ на такія поразительныя встрѣчи. Что-жъ, и бѣжать отъ нихъ?.. И пойдутъ дилеммы?.. И кто же всего больше страдаетъ? женщина, одна женщина!.. Поневолѣ она стряхнетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Онъ опять задумался, но тотчасъ же вскочилъ и заходилъ по моей крошечной спаленькѣ.

— Вы скоро къ графу? спросилъ онъ.

— Вотъ, напившись кофею; онъ просилъ завтракать вмѣстѣ.

— Завтракать будетъ часовъ въ одиннадцать? Такъ я тотчасъ послѣ завтрака явлюсь. Пожалуйста не уходите, Николай Иванычъ, поддержите меня сколько-нибудь! Право, какъ-то скверно. Вѣдь мы съ вами должны быть солидарны... Развѣ онъ нашъ, этотъ графъ?

Я чуть-чуть не разразился смѣхомъ: такъ чудовищно было обращеніе ко мнѣ Рѣзваго.

Но онъ продолжалъ волноваться не на шутку.

— Да вотъ подите, исповѣдывался онъ вслухъ, какъ ни бодришься, а скверно!..

— А что, спросилъ я понижая голосъ: или забираетъ васъ?

— Не то чтобы очень; а неловко какъ-то.

— Въ первый разъ должно быть?.. не договорилъ я, но онъ меня понялъ.

Подсѣвши снова на постель, онъ, съ поникшей головой, выговорилъ, краснѣя, какъ маковъ цвѣтъ:

— Я хвастаться не хочу... и потомъ, такая женщина!.. Готовъ сейчасъ на все... Но я не могу дѣйствовать, какъ я хочу; вы понимаете, у меня руки не развязаны. Да и что тутъ сдѣлаешь!.. Кромѣ дуэли ничего...

Помолчавъ, онъ встряхнулъ волосами, всталъ во весь ростъ, расправилъ какъ-то плечи и грудью крикнулъ:

— Не выдавайте только меня, а мы какъ-нибудь вынырнемъ. Прощайте! И выбѣжалъ.

«Имянинника» начиналъ забирать недугъ совѣсти...

Да, Леонидъ Петровичъ превратилъ меня, долго не думая, въ своего друга; и право, мнѣ оставалось только благодарить его за такое довѣріе. Кому же могъ онъ изливаться, какъ не мнѣ? Правда, онъ взывалъ къ «солидарности» слишкомъ скоро; но въ этомъ сказывалась его молодая довѣрчивость: ни одной минуты не подумалъ онъ, что я стану на сторону мужа.

Ни на какую сторону я не могъ становиться. Происходило что-то печальное и уже неисправимое. Но умывать руки я тоже не желалъ... Графиня, та, которую я когда-то зналъ, куда-то скрылась и только образъ ея жилъ, слышался ея голосъ, видѣлась ея семейная обстановка...

Мои думы не стали свѣтлѣе у рѣшетки Villino Ruffi. Напротивъ, онѣ получили особый непріятный колоритъ отъ неизбѣжнаго появленія Маріи на крыльцѣ, въ ея неизмѣнномъ спенсерѣ, съ гортанными, наяпливыми звуками. Даже въ выборѣ камеристки я не узнавалъ прежней графини Варвары Борисовны. Такое олицетворенное пронырство и такое шумное нахаль-

ство должны были доставлять невыносимыя ощущенія высоко-приличному Платону Дмитріевичу.

XVIII.

Меня встрѣтила Наташа въ парадной комнатѣ нижняго помѣщенія. Я тотчасъ увидалъ, что вчерашнее ея смущеніе продолжается.

Папà наверху, сообщила она мнѣ, но мы будемъ завтракать здѣсь: maman все еще не выходитъ отъ себя... Папа такой... жалкій... выговорила она потише.

— Чтò же съ нимъ? поспокойнѣе освѣдомился я.

— Кажется все это отъ maman... и, потомъ, ему не нравятся комнаты, ему скучно... я не знаю...

Въ первый разъ очутилась она въ воздухѣ, предвѣщавшемъ супружескую бурю. У меня сердце ныло, глядя на нее. Зачѣмъ только привозили ее? Зачѣмъ вызывали всѣхъ насъ?..

Спустился сверху графъ, вычесанный, благоухающій, въ очень модномъ костюмѣ, всѣми силами старающійся улыбаться и—смертельно разстроенный, гораздо больше вчерашняго.

— Графинины нервы продолжаются. Давайте завтракать.

— А Коля? спросила Наташа.

— Коля у матери, отвѣтилъ графъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

Мы сѣли за столъ. Прислуживалъ намъ грумъ. Вѣроятно, графъ распорядился, чтобы Марія не являлась внизъ.

Помолчавъ съ минуту, графъ пожалъ плечами и заговорилъ:

— Ужасная жара!.. Я не ожидалъ, что здѣсь такая температура. Не понимаю: зачѣмъ графиня зажилась во Флоренціи... Ну, не понравилось ей на этихъ водахъ, дурная погода; но здѣсь, въ окрестностяхъ, есть премилыя мѣста; мнѣ вотъ, въ вагонѣ, одинъ, очень приличный итальянецъ, депутатъ, говорилъ про какія-то воды... онѣ близехонько отсюда... Какъ бишь онѣ называются... Ты должна помнить, Наташа?

Поретта, припомнила Наташа.

— Ну да. Это гдѣ-то въ Апеннинахъ, часа три ѣзды... Да и на море пора, на югѣ купаются въ жаркіе мѣсяцы, а не въ сентябрѣ.

— Развѣ графиня раздумала? спросилъ я.

— Затрудняюсь вамъ сказать, чего желаетъ графиня въ настоящую минуту...

И, не договоривъ, онъ принялся съ большой энергіей рѣзать тощую итальянскую котлетку «milanese».

Наташа вовсе не была запугана графомъ и не боялась его; но она сидѣла—ни жива, ни мертва: такъ ей сдѣлалось жутко отъ его недовольства.

— Я даже не вижу, заговорилъ опять графъ, что́ здѣсь возможно дѣлать въ такой жаръ?.. Городъ хорошенькій, но когда въ немъ уже бывалъ не разъ, право—скука порядочная.

— Вы не забыли вашего обѣщанія? спросила меня Наташа.

— Какого это? вмѣшался графъ.

— Походить со мной немного по Флоренціи... по музеямъ.

Наташа совсѣмъ переконфузилась, точно будто признавалась въ чемъ-то ужасномъ.

— Мнѣ жаль Николая Иваныча, замѣтилъ графъ съ усмѣшкой, у него будетъ солнечный ударъ!

— Полноте пугать! вскричалъ я, мы станемъ ходить пораньше... Я нарочно не заглядывалъ никуда до васъ, добавилъ я Наташѣ.

Конецъ завтрака прошелъ въ отрывочныхъ фразахъ... Не одна тревога графа—и тридцать семь градусовъ жару свинцовой тяжестью ложились на нашу затрапезную бесѣду.

Только-что мы встали изъ-за стола и перешли въ гостиную, грумъ подалъ визитную карточку.

«Мой другъ», подумалъ я, и сѣлъ на диванъ, съ желаніемъ «поддерживать» Леонида Петровича.

Графъ взглянулъ на карточку, чуть-чуть поморщился, но тотчасъ же сказалъ по-французски:

— Faites entrer monsieur.

Леонидъ Петровичъ не то, чтобъ влетѣлъ, а необыкновенно какъ-то развязно вступилъ въ комнату, храня на своихъ румяныхъ ланитахъ сколь возможно солидную печать.

Я его тутъ сравнилъ съ графомъ. Рѣзвый убивалъ графа, и статностью (хотя графъ куда еще не смотрѣлъ старикомъ), и ясностью лица, и своей новизной. Онъ былъ въ сто разъ *новѣе* насъ.

Графъ протянулъ ему руку почти также, какъ и наканунѣ; но на гостя это не подѣйствовало; онъ сѣлъ преудобно въ кресло, указанное ему графомъ, и успѣлъ раскланяться съ Наташей, которая, разумѣется, спаслась бѣгствомъ.

— Какъ здоровье графини? началъ Рѣзвый.

— Не выходитъ изъ своей комнаты, прекисло улыбаясь отвѣтилъ графъ.

— Пора отсюда вонъ! рѣшилъ Рѣзвый.

Лицо графа нѣсколько просвѣтлѣло.

— Еще бы!.. Я то же самое говорю графинѣ второй день...

И точно спохватившись, онъ перемѣнилъ этотъ разговоръ на вопросъ:

— Вы давно изъ Россіи?

Леонидъ Петровичъ повторилъ ему о себѣ то, что́ я уже слышалъ въ первую нашу встрѣчу.

Узнавъ, что Рѣзвый готовится къ высшимъ ученымъ степенямъ, графъ еще больше замкнулся. Онъ любилъ знанія только до кандидатскаго диплома включительно.

Ему пришлась сильно не по вкусу и фраза Леонида Петровича:

— А вы, графъ, пріѣхали отдохнуть отъ трудовъ земскихъ?

Можетъ быть въ ней была и маленькая доля насмѣшки, но Рѣзвый выговорилъ ее такъ добродушно, что рѣшительно никого-бы не могла она покоробить.

Никого, кромѣ графа. И такъ разговоръ шелъ цѣлыхъ двадцать минутъ. Рѣзвый велъ себя ловко, говорилъ скромно, солидно, не выказывалъ никакой напряженности: только я зналъ, что ему внутренно не по себѣ, и все-таки онъ раздражалъ графа каждымъ своимъ словомъ, каждой интонаціей голоса. Такъ, видно, всегда бываетъ, когда сходятся настоящіе соперники.

Не мудрено было видѣть: кто выйдетъ побѣдителемъ.

— Вы долго еще пробудете здѣсь? спросилъ Рѣзваго графъ съ особой обстоятельностью.

— Не знаю право... Пора купаться въ морѣ. Я еще не рѣшилъ гдѣ: въ Средиземномъ, или Сѣверномъ морѣ.

Вышло это у него не дурно. Точно будто ему рѣшительно все равно куда ни поѣхать.

Не стану рѣшать: поддался или нѣтъ графъ на эту удочку; да и врядъ ли это была удочка.

Можетъ быть, и жизнерадостному Леониду Петровичу захотѣлось переждать погоду — въ одиночествѣ.

Мнѣ почти не пришлось вставить ни одного слова въ визитный разговоръ мужа и счастливца. Только въ самомъ концѣ его, когда опять задѣта была щекотливая тэма земства, я подоспѣлъ нѣсколько на помощь, отвлекши разговоръ на невинную тэму флорентинскихъ художественныхъ сокровищъ.

Рѣзвый совсѣмъ-было собрался откланиваться, какъ вдругъ вбѣжалъ Коля, и впопыхахъ крикнулъ:

— Леонидъ Петровичъ, maman васъ проситъ зайти на минуту... Она въ гостиной.

Яркая краска поднялась внезапно на щекахъ Леонида Петровича: онъ этого самъ никакъ не ожидалъ. Графъ замеръ, поблѣднѣлъ и, обратившись къ Колѣ, съ усиліемъ спросилъ:

— Тебя послала мать?

— Да, папà, ей лучше, она сидитъ около балкона... Приходите пожалуйста, Леонидъ Петровичъ.

И онъ выбѣжалъ, точно ему было дано еще какое-нибудь порученіе.

— До свиданія, обратился Рѣзвый къ графу, совладавъ уже съ своей краской.

— Прощайте-съ, отчеканилъ тотъ, и не пошелъ даже проводить его до дверей: онъ стоялъ точно убитый.

За то я довелъ Рѣзваго до сѣней.

— Благодарю! шепнулъ онъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку, занося ногу на первую ступеньку лѣстницы.

XIX.

Рѣзвый скрылся на поворотѣ первой площадки, а въ дверяхъ появился графъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, какъ-то странно оглянулъ меня и торопливо вымолвилъ:

— Пойдемте посидѣть въ тѣнь.

Я пошелъ за нимъ, ожидая чего-то чрезвычайнаго. Однако графъ сѣлъ довольно спокойно на скамью, подъ фиговое дерево, надъ которымъ возвышалась густая магнолія.

— Вотъ мы и подъ смоковницей, указалъ я ему.

— Да кажется и пора возсѣсть подъ нее, по-евангельски, отвѣтилъ онъ съ грустной улыбкой.

Потомъ онъ выпустилъ два кружка дыма, чуть замѣтно бросивъ взглядъ на балконъ, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы сошлись съ этимъ господиномъ... Рѣзвымъ?

— Слишкомъ скоро, графъ, отвѣтилъ я, стараясь смотрѣть въ сторону.

— Николай Иванычъ... помните что́ я вамъ говорилъ, когда графиня задумала эту заграничную поѣздку?.. ея возрастъ самый опасный. Вы не хотѣли со мной согласиться... Я просилъ васъ поѣхать съ нею... При васъ ничего бы этого не было...

Голосъ его дрогнулъ и оборвался.

— Я не рѣшился предложить ему вопросъ: «чего же бы не было».

— Согласитесь сами, продолжалъ онъ съ возра-

стающей тревогой, не можетъ же такая женщина (онъ сдѣлалъ длиннѣйшее удареніе на слово «такая») совсѣмъ точно переродиться въ одинъ годъ, безъ очень, очень важной причины...

— Болѣзненность... пролепеталъ я.

— Ахъ, полноте!.. Развѣ Barbe была когда-нибудь особенно болѣзненна?.. Она ѣздила на воды, какъ всѣ наши дамы ѣздятъ—у ней натура образцовая, вы это прекрасно знаете, Николай Иванычъ... Я не вѣрю этимъ мигренямъ! съ силой прошепталъ онъ и засосалъ свою сигару. Балконъ опять какъ магнитъ притянулъ его взглядъ, отуманенный душевнымъ разстройствомъ.

Странно; но оно такъ было: изліянія этого человѣка вдругъ какъ-то начали будить во мнѣ собственную горечь. Я не только глубоко жалѣлъ его, мнѣ не только страшно стыдно сдѣлалось передъ нимъ за прошлое; но я сливался съ нимъ въ одной общей скорби. Къ Рѣзвому я не чувствовалъ никакой злобы. *Соперничество* давно перегорѣло во мнѣ; я не становился «на сторону графа», какъ мужа, о нѣтъ! Но я, рядомъ съ нимъ, вдвойнѣ страдалъ за все: и за то, что̀ было, и за то, что̀ теперь происходило, наверху, въ этрусскомъ салонѣ, за этими желтыми портьерами, которыя, смертельно влюбленный мужъ, желалъ бы пронизать глазами.

Но онъ не шелъ туда, въ этотъ этрусскій салонъ, и, конечно, не изъ малодушія. Онъ оставался сидѣть тутъ подъ смоковницей. Въ немъ, въ эту минуту, жилъ не-законный мужъ, имѣющій положительныя права, а именно соперникъ, соискатель любви и взаимности, т.-е. той высокой награды, которой онъ весь свой

вѣкъ такъ мучительно добивался. Въ салонъ пригласили не его, а Рѣзваго, и сдѣлали это такъ рѣзко, такъ обидно. Ну, онъ и не шелъ, и засѣлъ тутъ, подъ смоковницей, ожидая, когда Рѣзвый спустится сверху.

— Одинъ какой-нибудь годъ, говорилъ онъ, точно про себя,—и такъ все обрывается, цѣлая жизнь потрачена; бьешься, исправляешь себя, какъ каторжный... живешь одною радостью, одной сердечной отрадой... и вдругъ!..

Онъ невыносимо страдалъ, и въ послѣдней фразѣ заслышались явственныя слезы.

Я взялъ его за руку, но онъ не повернулъ ко мнѣ лица, не желая выдавать своего волненія.

— Помилуйте, графъ, очень весело и убѣжденно заговорилъ я, изъ-за чего же такъ убиваться?.. Графиня хандритъ, это такъ, но зачѣмъ же вамъ все это себѣ-то приписывать? Когда я пріѣхалъ — я нашелъ въ ней точно такую же перемѣну.

— Вотъ видите! вскрикнулъ онъ.

— Ну да, но что́ же это доказываетъ? Графиня разнемоглась при мнѣ... за два дня до вашего пріѣзда. Ну, съ чего же ей было притворяться предо-мной?

Нарочно старался я говорить обыденнѣе, даже грубоватѣе, чтобы доводы мои дышали безпристрастіемъ, и это мнѣ начало удаваться.

— Но къ чему эти выходки... какой-то юноша, Богъ знаетъ откуда, Богъ знаетъ какого общества... вы говорили: познакомились они на водахъ... Развѣ это порядочное знакомство... Графиня отличалась всегда такимъ тактомъ—и вдругъ...

— Что вы, графъ! перебилъ я его, и потрепалъ даже по рукѣ (никогда я не позволялъ себѣ съ нимъ

такихъ фамильярностей); этотъ юноша и мнѣ бы не былъ непріятенъ, не только вамъ!..

Доводъ вышелъ у меня довольно глупый и почти нахальный; но онъ-то всего больше и подѣйствовалъ на графа. Я не разбиралъ, что́ хорошо, что́ нехорошо, я говорилъ съ нимъ какъ говорятъ съ отчаянно больными, только бы отвести ихъ отъ ужаса смерти.

Онъ на меня взглянулъ глазами, въ которыхъ я прочелъ внезапное успокоеніе. Какая мысль блеснула въ мозгу графа? Всего вѣроятнѣе вотъ какая:

«Вѣдь Гречухинъ тоже могъ бы возымѣть подозрѣнія, ну хоть въ качествѣ друга графини, а онъ спокоенъ; стало быть...»

Вотъ это «стало быть» и отразилось на лицѣ графа. Онъ даже вольнѣе вздохнулъ, пересталъ курить и прошелся по дорожкѣ взадъ и впередъ.

— Вы, можетъ быть, и правы, выговорилъ онъ, поднимая голову. Еслибъ не настроеніе графини, я бы конечно...

Онъ опять не договорилъ; но мнѣ и не нужно было конца, чтобы понять его мысль.

— Положимъ, обрадовался я, и происходятъ кризисы въ жизни женщины; но надо, чтобы они были мотивированы...

Кончить мнѣ не далъ «имянинникъ». Онъ сбѣжалъ съ крыльца съ легкостью гимнаста, но улыбка у него была приличная, сдержанная, такая, въ которой никакой ревнивый мужъ не могъ бы прочесть ничего возмутительнаго.

— Графиня ждала все васъ, господа, обратился онъ къ намъ, на ходу, она еще въ гостиной.

Графъ послалъ ему болѣе любезный поклонъ, я ему

даже улыбнулся. Онъ велъ себя, какъ умненькій мальчикъ, и, право, не думалъ о томъ, что онъ «счастливецъ». Ручаюсь, что еслибъ графъ сказалъ ему одно слово, забирающее за живое, Леонидъ Петровичъ вскричалъ бы:

— Что-жъ мнѣ дѣлать, графъ! Вы оскорблены — какое вамъ угодно удовлетвореніе? Къ вашимъ услугамъ.

XX.

Еще урокъ успокоивающаго свойства былъ прочитанъ графу... самимъ Шекспиромъ.

Графинины «нервы» поулеглись. Но она сидѣла у себя наверху, и только вечеромъ ѣздила въ паркъ съ графомъ, Колей и Наташей. Она видимо избѣгала оставаться съ мужемъ съ глазу на глазъ. Тонъ ея смягчился, замѣтно было кое-что изъ прежняго самообладанія. Она вызвалась сопровождать насъ съ Наташей въ музей, несмотря на жаръ, отъ котораго она положительно страдала. Наташа со всѣмъ ушла въ себя во время этихъ художественныхъ экскурсій, не смѣла дѣлать замѣчаній, жалась и исподтишка поглядывала на меня. Графиня, скучающая, утомленная, вялая, еле двигалась. Шествіе замыкалъ графъ, точно «по наряду» ходившій съ нами изъ залы въ залу. Раза два провожалъ насъ Рѣзвый. Онъ только и оживлялъ немного эти похоронныя процессіи.

Онъ же предложилъ взять ложу на представленіе «Отелло» въ «Politeama Fiorentina». Въ «Отелло» долженъ былъ «въ послѣдній разъ» отличиться тотъ самый signor Salvini, котораго отрекомендовала мнѣ моя беззубая Эмилія.

Графиня и Коля обрадовались мысли Леонида Петровича. Графъ принялъ ее довольно охотно. Меня взяли тоже въ ложу, хотя я и порывался въ кресла: Наташа упросила. Безъ меня ей было бы въ спектаклѣ, пожалуй, еще веселѣе, чѣмъ и со мною во флорентинскихъ музеяхъ.

Никогда еще не попадалъ я въ такія «ажурныя» хоромины, какъ эта Politeama. Подъ открытымъ небомъ стоитъ амфитеатръ, освѣщенный газомъ, съ партеромъ, галереями, рядами ложъ, переходами, балкончиками; все это очень большихъ, почти грандіозныхъ размѣровъ, что-то древне-римское, только безъ крови и звѣрей. Вся полукруглая стѣна амфитеатра и весь партеръ были залиты народомъ... или, лучше сказать, публикой. Народъ виднѣлся только съ верхней галдареечки, ярко освѣщенной газовыми рожками, подъ самымъ сводомъ синяго неба, усѣяннаго звѣздами. Тишь и мягкость воздуха были изумительныя. Сдѣлалось даже жарковато еще до поднятія занавѣса.

На Наташу такая, чисто-южная, театральная зала сразу произвела почти чарующее впечатлѣніе. Леонидъ Петровичъ тоже наслаждался: онъ показывалъ графу, изъ ложи, всю эффектность театра. Графиня слушала его со сдержанной, но страстной улыбкой и односложно вторила ему. Даже Коля, скорчивъ дѣловую мину, изрекъ:

— Il n'y a pas à dire: c'est beau, ce théâtre.

Онъ не разъ сбѣгалъ внизъ и вверхъ, разсмотрѣвъ своихъ товарищей по школѣ — англичанъ и итальянцевъ, по ложамъ и кресламъ.

Мѣстныя барыни и иностранки, однѣ разряженныя въ пухъ, по итальянской манерѣ, другія почти по до-

рожному, съ цвѣтными платками чрезъ плечо, пестрѣли въ дорогихъ мѣстахъ. Подфабренные, подзавитые, женоподобные итальянчики въ полосатыхъ рубашкахъ, съ тросточками, столпились у двухъ входовъ въ кресла, оглядывая женщинъ съ ногъ до головы. Къ половинѣ девятаго весь амфитеатръ заволновался.

Передъ «Отелло» давали какой-то переведенный съ французскаго фарсъ. Рѣзвый и Коля хохотали. Наташа, на сколько понимала, тоже смѣялась. Графъ никогда громко не смѣялся, но и онъ улыбался. Молодой буфъ, въ изорванномъ фракѣ и смятой шляпѣ, былъ и безъ словъ такъ заразительно забавенъ, что отъ каждаго его дурачества зала разражалась хохотомъ.

Обращаясь къ предмету своей любви, разочарованный въ ней, онъ вскричалъ съ неописуемой гримасой и со шляпенкой, сдвинутой назадъ:

— Donna volgare e senza ortographia!

Коля сейчасъ подцѣпилъ эту фразу и перекинулъ ее другу своему, Рѣзвому. Тотъ повторилъ ее, и оба они помирали со смѣху; только Рѣзвый смѣялся молодо и добродушно, а Коля злобно и старо, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ.

Началась и шекспировская трагедія. Я замѣтилъ тотчасъ же, что графъ съ особеннымъ вниманіемъ уставился на сцену. Синьора Salvini встрѣтили почтительными рукоплесканіями. Онъ «и ростомъ и дородствомъ» подходилъ къ роли. Лицо и сквозь актерскую окраску хранило настоящую значительность; а глаза, въ самомъ дѣлѣ, блистали спокойной страстностью мавританскаго стараго дитяти.

— Вотъ вы поглядите что́ будетъ во второмъ актѣ, шепталъ Рѣзвый.

Пришелъ и второй актъ. Полководецъ и великодушный начальникъ переданы были съ рѣдкой силой и обаяніемъ; меня и въ этомъ актѣ проняла легкая дрожь: такой игры я еще никогда не видалъ. Въ антрактѣ мы только переглянулись всѣ. Графиня неровно поблѣднѣла, поблѣднѣлъ и Рѣзвый; графъ многозначительно прошепталъ:

— Какой артистъ!

— А мнѣ его жаль, вырвалось у Наташи.

— И теперь уже жаль? спросилъ ее Рѣзвый.

— Да, онъ точно маленькій, его всякій погубитъ...

Эта вѣрная оцѣнка была выговорена съ такой искренностью, что Леонидъ Петровичъ ласково поглядѣлъ на «княжну», какъ онъ называлъ Наташу.

XXI.

Но съ третьяго акта всей нашей ложей овладѣла особая лихорадка. Мы молчали и усиленно дышали, какъ и вся громадная Политеама. Боль раненаго сердца захватила насъ въ крикахъ, шопотѣ, ласкахъ, вздохахъ, необузданныхъ тѣлодвиженіяхъ несчастнаго мавра, точно запертаго мерзавцемъ-предателемъ въ желѣзную, раскаленную клѣтку. Каждая новая сцена слѣдующихъ актовъ все болѣе и болѣе пугала, волновала, трогала, спирала духъ. Я видѣлъ самъ, какъ графиня закрыла глаза и нагнула голову отъ одного раздирательнаго крика Отелло. Объ актерѣ я совсѣмъ и забылъ; но и въ человѣкѣ-то, въ настоящемъ шекспировскомъ маврѣ, я безмѣрно изумлялся почти нечеловѣческому натиску страсти, гигантской тратѣ силъ, клокочущему трагизму звуковъ, плача и хохота, взвизгиваній дикаго звѣря

и жалкихъ всхлипываній предсмертной агоніи безконечно добраго и любящаго существа.

Пятый актъ просто доканалъ насъ всѣхъ. Видно было, что никто не досидѣлъ по доброй волѣ: каждый выбѣжалъ бы охотно изъ ложи до того момента, когда Отелло перерѣзываетъ себѣ горло, даже Коля.

— Тяжело, выговорила графиня... къ чему все это на сценѣ?

И она, вставая съ мѣста, вздрогнула.

— Настоящая правда! выговорилъ Рѣзвый гораздо серьёзнѣе, чѣмъ я ожидалъ... Вотъ это страсти! добавилъ онъ, и подалъ графинѣ ея тальму.

Для Наташи зрѣлище оказалось слишкомъ сильнымъ. Она притихла, и съ поблекшимъ лицомъ взглядывала на занавѣсъ. Графъ, оправившись, громко вздохнулъ и сказалъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— И все это изъ-за платка... fazzoletto!..

— Этакъ всегда дѣйствуютъ настоящіе ревнивцы, отозвалась графиня, тоже ни къ кому особенно не обращаясь.

Графъ промолчалъ и вышелъ изъ ложи, подавъ мнѣ руку. Рѣзвый повелъ графиню. Съ ними двигалась и Наташа.

Изъ обширныхъ сѣней, гдѣ охватила насъ толпа, мы попали въ улицу, теплую, благоухающую, съ легкимъ мерцаніемъ луны.

Мы съ графомъ немного поотстали отъ передовой группы, при которой состоялъ и Коля.

— Какая ужасная вещь! заговорилъ графъ тронутымъ голосомъ, и опять вздохнулъ. Хорошо, что наши нравы не тѣ...

— Нельзя сказать, возразилъ я: читайте судебную

хронику, — не мало душатъ женъ изъ ревности и попоканчиваютъ потомъ съ собой...

— Невозможно! вырвалось у него, точно будто онъ отвѣчалъ на какой-то зловѣщій образъ или темную мысль. И изъ-за чего? Изъ-за какого-нибудь fazzoletto!..

— Да, графъ, подхватилъ я, изъ-за одного fazzoletto!.. Вы видите, какъ вся эта шекспировская выдумка похожа на правду? Подведено все негодяемъ Яго; но и безъ Яго, Мавръ могъ построить такую же систему уликъ; не правда ли?

— Разумѣется, могъ бы, наивнымъ тономъ согласился графъ.

— Человѣкъ мягкій или очень сдержанный не рѣшился бы, можетъ быть, на убійство, но онъ измучилъ бы точно также и себя самого, и жену... и все изъ-за fazzoletto.

— Изъ-за fazzoletto! повторилъ онъ, уже другимъ, боязливымъ и тронутымъ голосомъ.

— Оглянитесь — и вы увидите, какъ легко ошибиться въ любомъ Кассіо.

Я могъ и не говорить этого; но случай успокоить графа былъ уже слишкомъ хорошъ.

Мы дошли до рѣшетки.

— Вы зайдете къ намъ? спросилъ онъ меня.

— Спать пора, а то совсѣмъ разнервничаешься отъ чаю, послѣ игры синьора Сальвини.

— Благодарю васъ, прошепталъ графъ, и крѣпко-крѣпко пожалъ мнѣ руку. Вы во всемъ—вѣрный другъ.

Рѣзвый раскланивался съ дамами по ту сторону рѣшетки. Кажется, и его приглашали зайти, но и онъ отказался.

Онъ меня нагналъ въ моей улицѣ и взялъ за пле-

чи. Отъ него пахнуло воздухомъ, въ которомъ я узналъ духи графини.

— Какову намъ баню задалъ Сальвини? вскричалъ онъ. Поразителенъ, но только въ одномъ Отелло—въ остальномъ слабъ.

— Даже графа проняль, сообщилъ я.

— Я вѣдь нарочно предложилъ этотъ спектакль, и съ согласія графини, добавилъ онъ на-ухо. Мы не мало смѣялись. Вы вѣдь скрытничать не будете: супругъ зѣло злобствуетъ на меня.

— А вамъ какъ кажется?

— Мнѣ—Господь съ нимъ. Я бы, на его мѣстѣ, иначе повелъ себя, да не мнѣ же его учить, и то сказать!.. Покойной ночи.

Въ темнотѣ своей комнаты, отыскивая коробочку спичекъ, я съ горечью повторилъ про себя:

«Съ согласія графини... Мы не мало смѣялись!!»

XXII.

Становилось черезчуръ душно; не отъ жары, а отъ того воздуха, которымъ дышали въ Villino Ruffi. Все тоже statu quo тянулось изо-дня въ день. Надо было чѣмъ-нибудь его прикончить. Не знаю, выдержалъ ли бы я еще, еслибъ не поѣздка графа съ графиней въ Фьезоле.

Должно быть этой дорогѣ суждено было каждый разъ служить развязкѣ или, по крайней мѣрѣ, приготовленіемъ къ ней.

Графъ два дня сряду приставалъ къ женѣ, приглашая ее отправиться вдвоемъ куда-нибудь въ окрестности. Она предлагала ему общій пикникъ «съ дѣть-

ми», но онъ упорно держался своего плана и такъ поставилъ этотъ *вопросъ*, что она согласилась съ видимой неохотой.

Супруги поѣхали въ Фьезоле до обѣда, а я, оставшись одинъ съ Наташей, забылъ на нѣсколько часовъ: гдѣ и какъ мы съ ней живемъ. Задушевная бесѣда съ нею показалась мнѣ точно лебединою пѣснью: я чувствовалъ уже, что не жить мнѣ съ нею больше ни въ Слободскомъ, ни въ городѣ Н., ни въ Москвѣ. А она строила все воздушные зàмки: какъ мы съ ней будемъ прекрасно проводить время, какъ она заведетъ въ деревнѣ и въ городѣ по школѣ, какъ мы съѣздимъ на зиму въ Петербургъ.

— Папа отпуститъ меня съ вами... Я буду слушать педагогическіе курсы и выдержу экзаменъ. Господи, какъ будетъ хорошо:

Она даже захлопала въ ладоши...

Я не расхолаживалъ ея невинныхъ вопросовъ.

Послѣ обѣда явился Рѣзвый и пригласилъ насъ воспользоваться луннымъ вечеромъ и съѣздить въ Colli. Наташа немного попривыкла къ нему, и я видѣлъ, что она не прочь отъ этой поѣздки... А Коля всюду радъ былъ сопровождать пріятеля своего, зная, что тотъ всегда предложитъ что-нибудь съѣстное.

Къ восьми часамъ вечера коляска подняла насъ на ту платформу подъ церковью, откуда видна вся Флоренція.

— Какъ хорошо! тихо вскрикнула Наташа, подходя къ периламъ.

И въ самомъ дѣлѣ было хорошо...

Мягкій, нѣсколько дымчатый и теплый свѣтъ луны

позволялъ каждому куполу, каждой башнѣ, каждой колоннѣ выдѣлиться и словно вздрагивать въ воздухѣ.

— Вонъ Palazzo Wecchio, вонъ колокольня собора, показывала Наташа... Чудо какъ хорошо, точно въ сказкѣ.

Коля оставался равнодушенъ къ картинѣ: онъ думалъ видно, что будетъ угощеніе мороженымъ въ саду Тиволи.

Слѣва отъ насъ шли по склону оливковыя деревья, и ихъ блѣдная зелень серебрилась подъ лучами луны; а въ промежуткахъ темныя купы бросали рѣзкую тѣнь на покатую луговину. Ярко вставали стѣны виллъ и павильоновъ, тамъ-и-сямъ поднимаясь изъ садовъ.

— Не наглядѣлся бы! тихо вымолвила Наташа, и такъ и застыла на мѣстѣ.

Рѣзвый стоялъ въ десяти шагахъ, безъ шляпы, и задумчиво глядя вдаль.

Я удивился его внезапной сосредоточенности. Онъ долженъ былъ вторить Наташѣ и указывать ей на разныя красоты вида, а онъ недвижимо безмолвствуетъ, да еще руку заложилъ за жилетъ.

Я подошелъ къ нему шага на три, но не заговорилъ; подождалъ, что-то онъ мнѣ самъ скажетъ.

— Николай Иванычъ, почти шепотомъ окликнулъ онъ меня, и самъ приблизился ко мнѣ.

Я взглянулъ на него вопросительно.

— Какъ вы думаете, что́ теперь дѣлается тамъ?..

И онъ указалъ рукой прямо отъ себя.

— Въ Фьезолѣ? спросилъ я.

— Да.

— Ничего, я думаю, не дѣлается. Они ужъ на возвратномъ пути.

— Ну, а что́ тамъ происходило часъ тому назадъ?

Не дожидаясь моего отвѣта, онъ пожалъ плечами и покачалъ головой.

Я догадался, что ему сильно не по себѣ и подумалъ: «и ты проходишь черезъ страданія его сіятельства—что́ же дѣлать.»

Утѣшать его было нечѣмъ, да у меня и языкъ не поворачивался, хоть я и жалѣлъ его.

— Супружескія права! выговорилъ онъ въ волненіи, какое варварство... Вѣдь не правда ли, Николай Иванычъ, варварство?!

— Надо же кому-нибудь и права имѣть, отшучивался я; но мнѣ все жальче дѣлалось бѣднаго «имянинника».

— Я уже вамъ сказалъ разъ: еслибъ я могъ дѣйствовать, какъ я хочу... Но у меня руки связаны.

«И лучше, что онѣ у тебя связаны», подумалъ я.

— Она, конечно, не такая женщина, чтобы поддаться какому-нибудь насилію...

— Полноте, перебилъ я его и взялъ подъ руку; зачѣмъ же волноваться, коли вы отвѣчаете за нее?

— Да! Въ томъ-то дѣло, что отъ женщинъ этой генераціи нельзя ничего требовать!

— Невмѣняемы?

— Невмѣняемы, повторилъ онъ, но такъ глухо и скорбно, что я не сталъ больше шутить.

Леонидъ Петровичъ старался послѣ того *занимать* Наташу; но фразы у него обрывались. Коля началъ щипать его, на возвратномъ пути, и всячески ему надоѣдалъ; но онъ не отыгрывался и только, отъ времени до времени, грустно улыбался...

Не могъ же я не взойти и въ его душу: чрезъ его

страданія я проходилъ, зналъ, что они неизбѣжны, какъ бы человѣкъ ни былъ «осчастливенъ». Не даромъ онъ понукалъ кучера. Ему захотѣлось какъ можно скорѣе быть въ Villino Ruffi, чтобы въ одномъ взглядѣ или полусловѣ графини узнать: что́ было и чего не было? Онъ почти опрометью бросился къ дому черезъ цвѣтникъ, увидавъ, что гостиная освѣщена. Я расплачивался съ кучеромъ и пошелъ позади всѣхъ. На дорожкѣ, не доходя до крыльца, меня окликнули.

Это былъ графъ.

XXIII.

Ка̀къ онъ поздоровался съ Рѣзвымъ — я этого не могъ видѣть; но на меня онъ бросилъ такой растерянный и, вмѣстѣ, мрачный взглядъ, что я испугался и вскрикнулъ:

— Что́ съ вами, графъ?

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату; или нѣтъ, останемтесь здѣсь... или лучше уйдемъ куда-нибудь, туда на площадь, въ паркъ...

Мы вышли молча на площадь. Посреди дороги въ паркъ онъ вдругъ остановился и у него вырвалось:

— Что же это наконецъ такое, Господи, Боже мой!!

Онъ чуть-чуть не разрыдался. Ему было такъ плохо, что я подвелъ его къ скамьѣ и усадилъ.

— Вдругъ я сталъ ей противенъ... Она не выноситъ меня... она чувствуетъ ко мнѣ физическое отвращеніе!

«Ужъ не припадокъ ли опять?» подумалъ я.

Разспрашивать его о подробностяхъ я не былъ въ силахъ.

— Что это, что это? повторялъ онъ совсѣмъ потерянно, и опустивъ голову въ руки, просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ.

— Графъ, рѣшился я заговорить, гдѣ же ваша выдержка?.. Вамъ, быть можетъ, показалось такъ оттого, что вы сами были слишкомъ тревожны...

— Нѣтъ-съ, отрѣзалъ почти гнѣвно графъ, и поднялъ голову. Я понимаю, что́ мнѣ говорятъ и даже то, чего не договариваютъ... Вы меня успокоивали и такъ и этакъ... Я не долженъ, я не смѣю ревновать!. Ну, и прекрасно! Я не подозрѣваю никого... Вы мнѣ сказали: легко принять Кассіо за... ну, вы понимаете за кого... Я оставлю этого Кассіо въ покоѣ. Вотъ сейчасъ съ нимъ столкнулся... Онъ бѣжалъ туда, наверхъ, и я съ нимъ любезно раскланялся... Довольны вы мной? Кажется, нельзя быть благоразумнѣе... Но это все не то!..

— Что же графъ?

— А вотъ что-съ: она мнѣ вдругъ говоритъ, что давно-давно она не должна была... ну, какъ вамъ это выразить... быть моей!...

— Графиня вамъ это сказала? спросилъ я, чувствуя, какъ у меня что-то подкатило къ сердцу.

— Почти въ подлинныхъ выраженіяхъ! Давно... Почему?.. Я былъ такъ пораженъ, что просто онѣмѣлъ... Она тоже замолчала. Но я видѣлъ по всему: по ея тону, по ея... какой-то небывалой брезгливости... что я—не мужъ ей, что она не хочетъ даже прикасаться ко мнѣ! Ну, оставимъ Кассіо, долой его, пускай онъ стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній... Зна-

читъ, ея совѣсть заговорила, значитъ, было давно уже что-то... Давно. Когда, сколько лѣтъ, съ кѣмъ?..

Еслибъ графъ еще разъ повторилъ послѣдній вопросъ, я, быть можетъ, отвѣтилъ бы:

— Со мной

Но онъ смолкъ и опять заметался, а я сдержалъ свой порывъ. Точно кто дернулъ меня за руку и крикнулъ:

— Погоди!...

Я не имѣлъ права это дѣлать—и я смолчалъ. Нужды нѣтъ, что изъ признаній графа я видѣлъ, какъ начала дѣйствовать *она*. Какъ бы она ни дѣйствовала, пускай въ тысячу разъ печальнѣе — я шелъ по своей дорогѣ. До тѣхъ поръ, пока она не выдавала *всей* тайны, мой языкъ не долженъ былъ мнѣ повиноваться.

Но я вкушалъ тутъ такое возмездіе, о какомъ не мечталъ бы и самъ графъ, еслибъ онъ мстилъ мнѣ, какъ предательски обманутый мужъ. Я уже предвидѣлъ, каково мнѣ будетъ, вотъ съ этой самой минуты.

— Вы знаете ея жизнь лучше меня, заговорилъ онъ, протягивая ко мнѣ руки чуть не съ жестомъ мольбы: я часто былъ въ отлучкѣ, я не вникалъ въ ея сердце, я вѣрилъ ей, она была для меня какое-то божество... Вамъ извѣстно, чѣмъ и какъ я стремился заслужить ея любовь... Ну да, я ее не стоилъ, она осчастливила меня; но развѣ она не была свободна?.. Скажи она мнѣ одно слово?.. Я умеръ бы, только бы не лечь поперегъ дороги. Но теперь!.. У насъ есть дѣти. Я отъ васъ не имѣю тайнъ, Николай Иванычъ... Наташу я считаю своей дочерью... сердце не обманываетъ. Князь Дуровъ не былъ ея отцемъ... Ну, да мы

любили другъ друга еще до свадьбы... Развѣ насъ можно было осудить? Но она никогда потомъ не мирилась съ этой... связью. Вы знаете ли, что къ Наташѣ она холодна только по этому. И такая-то женщина, съ такими правилами, съ такой гордостью... вдругъ бросаетъ мнѣ ужасную фразу!.. Ей-богу, я помѣшаюсь!..

Еслибъ въ эту минуту я сказалъ ему всю правду— я бы убилъ его на мѣстѣ.

Онъ всталъ, взялъ меня подъ руку и пошелъ медленными, разбитыми шагами по направленію къ парку. Я чувствовалъ какъ у него бьется сердце. Какъ оно билось у меня — я не сталъ считать. Ужъ и то для меня было большимъ облегченіемъ, что онъ нѣсколько минутъ молчалъ. Я успѣлъ хоть немного собраться съ мыслями.

Вдругъ онъ опять остановился, бросился ко мнѣ на шею, слезы брызнули у него градомъ и онъ зашепталъ:

— Николай Иванычъ, другъ мой, поддержите меня... если я съума не сойду, я кинусь въ старую страсть...

И на это я не могъ ничего отвѣтить: всякое мое слово было бы оскорбленіемъ.

Онъ такъ ослабъ, что я его долженъ былъ довести до дому.

Предпослѣдняя его фраза была:

— Буду терпѣть... допытываться я не могу... Это свыше силъ моихъ.

Въ эту минуту изъ желтаго салона долетѣли звуки фортепьяна. Графъ вздрогнулъ и уныло, подавленно выговорилъ:

— Для всего прежняго она умерла... не для одного меня, и для васъ также!..

Эта капля переполнила чашу.

XXIV.

Наташа просительно сказала мнѣ:

— Я бы такъ хотѣла погулять съ вами въ паркѣ; пойдемте завтра, пораньше.

Мы и пошли. Былъ часъ восьмой утра. Нагулялись мы и наговорились вдосталь. Возвращаясь домой по той боковой аллеѣ, гдѣ пробуютъ туземныхъ рысачковъ въ таратайкахъ, намъ приходилось пройти мимо задняго фасада моего ресторанчика.

— Я первый вышелъ на площадку, и то, что̀ я увидалъ на ней, бросилось въ глаза мнѣ первому, а не моей спутницѣ.

Въ углу, около каменной ограды, сходила съ велосипеда какая-то странная фигура, въ синей блузѣ, перехваченной кушакомъ, большихъ сапогахъ и женской шапочкѣ: я глазамъ своимъ не вѣрилъ, — это была графиня. Ее поддерживалъ Леонидъ Петровичъ. Она вся запыхалась и что-то скоро-скоро ему сказала, послѣ чего онъ побѣжалъ къ навѣсу ресторана.

Наташа успѣла уже бросить взглядъ на эту группу и, вѣроятно, узнала мать. Я взялъ ее за руку и повернулъ круто направо:

— Подите по этой дорожкѣ, сказалъ я ей: тамъ стоитъ скамейка на берегу рѣки; подождите меня, я забѣгу только въ ресторанъ, закурить папиросу.

Наташа опустила глаза и молча пошла къ рѣкѣ; я почувствовалъ, что она—все поняла.

Какъ только она скрылась за кустами, я подбѣжалъ къ графинѣ. Она махала на себя платкомъ и, щурясь не много, смотрѣла на небо. При видѣ меня ее всю передернуло. Краска отъ ѣзды сошла тотчасъ съ лица, и зеленые глаза уставились на меня раздраженно и насмѣшливо.

— Вы шпіонете за мною? спросила она, и выпрямившись, оперлась рукой на ручку своего велосипеда.

— Графиня, вскричалъ я, не умѣя сдерживать своей тревоги: что́ вы съ собою дѣлаете?!.

— Какъ видите, катаюсь на велосипедѣ, больше ничего.

— Ваша дочь видѣла васъ.

— Наташа? рѣзко спросила она. Когда, гдѣ?

— Я ее увелъ нарочно туда, къ рѣкѣ.

— Зачѣмъ же вы ее приводили сюда? Вдвоемъ подсматривать? Я вамъ не мѣшаю.

Она пошла къ ресторану, пожавъ презрительно плечами. Но я очень хорошо распозналъ подъ ея рѣзкостями большое смущеніе.

Она скрылась; я стоялъ нѣсколько секундъ, пораженный этой сценой.

«Мѣра перепущена, выговорилъ я про себя—теперь слѣдуетъ всего ожидать». Почти сорока-лѣтняя женщина, въ мужской блузѣ и лакированныхъ сапогахъ на велосипедѣ—кажется, что́ можетъ быть комичнѣе?.. Но я не разсмѣялся, да и не было въ ней ничего смѣшного, даже въ ту минуту, когда я очутился передъ нею и смутилъ ея веселыя упражненія. На то она и была «мраморная». Смѣшное къ ней не приставало. Оставалось одно—печальное...

«Какъ быть съ Наташей?» почти съ ужасомъ подумалъ я, направляясь къ рѣкѣ.

Наташа сидѣла скромненько на скамейкѣ. Она проводила концомъ зонтика по песку. Я еще разъ сказалъ себѣ: «все видѣла».

Окликнулъ я ее и сѣлъ рядомъ. Она помолчала и, обернувшись ко мнѣ, спросила:

— Неужели это была maman? Вѣдь да?

Я не сразу могъ выговорить:—Да.

Наташа сидѣла блѣдная, только ея свѣтло-голубые глаза необычно загорѣлись.

— У меня никого дороже васъ нѣтъ, заговорила она, тяжело дыша, и скрывать отъ васъ ничего я не хочу, ничего... Вразумите меня милый, дорогой Николай Иванычъ... Здѣсь что-то дѣлается, я не знаю... мнѣ страшно...

Она тихо заплакала и, какъ маленькая, припала къ моему плечу.

Я переждалъ, когда слезы стихнутъ. Наташа быстро отняла голову, взглянула на меня, точно прося извиненія за свое движеніе, и нѣсколько сдержаннѣе продолжала:

— Maman не любитъ меня... я не знаю за что́; но я не объ этомъ тужу... я ужъ привыкла, давно привыкла. Но мнѣ такъ жаль папа̀... И ее жаль, я не хочу перестать уважать ее... Какъ же я буду жить послѣ того? Вы меня учили всегда, что надо все до послѣдней капельки, въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, сдѣлать честнымъ. А если я такъ смущена... какъ же мнѣ быть? Пойти къ ней самой? Спрашивать ее? Я не смѣю, я боюсь ее... Говорить съ отцомъ—тоже нельзя. Онъ и безъ того страдаетъ; я это вижу.

— Способны вы жить для отца? перебилъ я ее.

— Да, онъ добрый и честный.

И готовьте себя къ этому: что́ бы ни случилось здѣсь—поддержать его надо вамъ. Ваша любовь только и будетъ дѣйствительна. А на остальное не смотрите... Вы не судья вашей матери, потому что вы слишкомъ близки къ ней... Черезъ годъ, черезъ два—вы будете жить по-своему...

Чувствовалъ я, что въ словахъ моихъ нѣтъ той убѣдительности, какой страстно жаждала молодая душа, полная идеаловъ; не лгать же мнѣ было и замазывать то, что̀ семнадцатилѣтняя, очень развитая дѣвушка уже осуждала всѣмъ своимъ глубоко-нравственнымъ существомъ... Я бы тутъ же повинился передъ ней и въ собственномъ окаянствѣ, еслибъ только мое признаніе помогло чему-нибудь. Для него былъ свой чередъ.

— Такъ тяжело, шептала сквозь слезы Наташа, когда не можешь ничего сдѣлать... и никто вамъ не говоритъ настоящей правды!.. Милый мой Николай Иванычъ, я не на васъ жалуюсь, я вижу, что вамъ нельзя иначе говорить со мной... И вы страдаете... Какъ бы намъ было хорошо въ Слободскомъ... мнѣ такъ не хотѣлось ѣхать... Зачѣмъ мы здѣсь будемъ жить; а папа̀ не увезешь теперь!.. Лучше бы ничего не видать, ничего!..

Не скоро высохли слезы на блѣдныхъ щекахъ Наташи. Она оправилась, выпрямилась и наивно-милымъ тономъ сказала мнѣ:

— Простите, я больше не буду. Что-жъ тутъ дѣлать? Надо молчать. Не оставьте папа̀... Со мной онъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ.

И точно, въ первый разъ, чуть замѣтная морщинка легла у ней на переносицѣ: къ непорочному существу впервые прикоснулась грубая рука жизни...

XXV.

«На очередь» сталъ вопросъ о переселеніи въ Ливорно. Графиня, послѣ сцены съ велосипедомъ, совсѣмъ почти «игнорировала» мое присутствіе. Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ произвела меня въ шпіоны: я не сталъ этого допытываться. Мнѣ было такъ лучше. Графъ тоже успокоился, то-есть вставилъ себя въ футляръ своей прежней исправительной выучки. Глядя на него, я недоумѣвалъ: порода ли сказывалась въ немъ, или школа графини Варвары Борисовны такъ воспитала его? Я видѣлъ, что онъ уже ничего не добивается, ни о чемъ не допрашиваетъ жену, никого изъ присутствующихъ не подозрѣваетъ,—онъ томительно и сосредоточенно ждетъ. Жена его могла быть имъ отмѣнно довольна. Но эта сдержанность и уклончивость сильно начали тревожить Леонида Петровича. Въ первые дни онъ какъ будто обрадовался, но потомъ началъ терять равновѣсіе и не разъ обращался ко мнѣ за объясненіями. Я отвѣчалъ ему каждый разъ одно и то же: то-есть, что графъ—образумился. Рѣзвый бывалъ не всякій день въ Villino Ruffi. Не думаю, чтобы графъ слѣдилъ за нимъ. Скорѣе онъ предавался разнымъ неразрѣшимымъ вопросамъ на счетъ прошлаго графини. Когда Рѣзвый приходилъ провести вечеръ, графъ не избѣгалъ его, вступалъ съ нимъ охотно въ разговоръ, разспрашивалъ о его занятіяхъ и заграничной жизни. Своей приличностью, сдержан-

ностью и безобидностью, онъ подавлялъ ихъ обоихъ: и графиню, и Рѣзваго, и надо правду сказать, наводилъ на желтый салонъ невыносимую скуку. Увѣренъ, что оба они предпочли бы какой угодно взрывъ этимъ благонамѣреннымъ и прѣснымъ бесѣдамъ.

Вопросъ о морскихъ купаньяхъ былъ рѣшенъ по прогулкѣ въ Cascine.

Мы разсѣлись двумя группами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у насъ вышелъ разговоръ съ графиней при свѣтѣ червяковъ.

Мимо проѣзжали барскія коляски, извощичьи фіакры, американскіе кабріолеты.

— Посмотрите, графъ, король ѣдетъ! окликнулъ вдругъ Рѣзвый и указалъ на двухмѣстный фаэтонъ, проѣзжавшій нескорою рысью. Лошади были гнѣдыя. Ливреи на кучерѣ и лакеѣ темно-зеленыя съ красными воротниками. Въ фаэтонѣ сидѣло двое мужчинъ: тотъ, который сидѣлъ къ нашей сторонѣ—былъ безъ шляпы. Его большая мохнатая голова рѣзко отдѣлялась своими контурами. По полнокровной щекѣ легъ широчайшій нафабренный усъ. Это и былъ король.

— Въ пиджакѣ, замѣтилъ графъ, съ любопытствомъ осматривая фигуру короля.

— Смотри папа, шепнулъ Коля, онъ письмо читаетъ.

Насъ это всѣхъ заинтересовало. И дѣйствительно, король читалъ, на прогулкѣ, свою корреспонденцію, хотя начинало уже смеркаться.

— И что̀ онъ дѣлаетъ здѣсь въ такую жару! выговорилъ графъ.

— Проѣздомъ въ Туринъ, кажется, доложилъ Рѣзвый.

— А когда ѣдетъ?

— Завтра; я читалъ въ «Gazzetta d'Italia».

— Barbe, онъ намъ даетъ благой примѣръ, произнесъ наставительно графъ; на этой же недѣлѣ пора въ Ливорно.

Фаэтонъ съ темно-зелеными ливреями еще разъ проѣхалъ мимо насъ, что́ заставило графа почему-то повторить:

— На этой недѣлѣ—въ Ливорно!

Графиня не возражала. Но чего она, конечно, не ожидала—это приглашенія, котораго удостоился Рѣзвый отъ графа.

— Вы куда же купаться, monsieur Рѣзвый? спросилъ онъ его тутъ же. Еще не рѣшили?

— Не совсѣмъ еше, графъ, нѣсколько замялся Леонидъ Петровичъ.

— Да чего же ближе — въ Ливорно? Вѣдь это въ трехъ часахъ ѣзды отсюда. И двинемся всѣ вмѣстѣ.

Графиня, чуть замѣтно, обмѣнялась взглядомъ съ Рѣзвымъ. Тотъ не сразу отвѣтилъ.

— Конечно; боюсь одного, не жарко ли очень будетъ.

Слушая его я подумалъ: «ей не перетони, не согласиться—тебѣ не позволятъ».

— Вы должны были привыкнуть къ жару, любезно уговаривалъ графъ; а на морѣ всегда есть пріятная свѣжесть...

— Конечно, конечно, повторилъ Рѣзвый.

Онъ былъ настолько юнъ, что не умѣлъ еще сразу справляться съ неожиданностью... да еще такого пріятнаго свойства. Впрочемъ, желалъ ли онъ пламенно ѣхать въ Ливорно — я не знаю. Быть можетъ,

онъ предпочелъ бы дожидаться отъѣзда графа въ другомъ мѣстѣ; но ужъ онъ признавался мнѣ не разъ, что у него «руки связаны». Что̀ руководило графомъ? Желаніе выказать себя джентльменомъ, великодушнымъ, образцовымъ мужемъ, въ надеждѣ вызвать перемѣну въ графинѣ, или же разсчетъ имѣть подъ рукой этого «оставленнаго имъ въ покоѣ Кассіо»?..

Довольно того, что вернувшись съ прогулки, всѣ три главныя лица, завязанныя въ дѣйствіе, почувствовали себя покойнѣе. Наташа отправлялась въ Ливорно все съ тѣмъ же душевнымъ грузомъ; а себя я ужъ больше не спрашивалъ: хочу я, не хочу ѣхать, пріятно мнѣ, или нѣтъ. Я зналъ и чувствовалъ одно: что развязка еще не подошла, и оставлять свой постъ—я не могу. А Флоренція, Ливорно, или какой-нибудь островъ Уйатъ или Монако—не все ли равно. Такъ или иначе, но заграницей разыграется послѣдній актъ.

XXVI.

Переѣздъ въ Ливорно совершился семейно, но безъ участія Рѣзваго. Ему почему-то нельзя было отправиться въ тотъ же день изъ Флоренціи: онъ мнѣ не сказалъ почему именно. Леонидъ Петровичъ сдѣлался со мною гораздо сдержаннѣе, и не трудно было замѣтить, что эта сдержанность стѣсняла его самого. Его, вѣроятно, остерегли или посовѣтовали ему перемѣнить со мною обхожденіе.

Графиня не хотѣла дѣлать никакихъ особыхъ распоряженій на счетъ квартиры. Она не справлялась о виллахъ около морского берега и настаивала только

на томъ, чтобы помѣститься въ отелѣ. Но шарабанъ и понни она перевозила въ Ливорно.

Мы и помѣстились въ «Англо-Американскомъ отэлѣ», на самомъ берегу, въ пяти минутахъ ходьбы отъ моднаго купальнаго заведенія: «Stabilimento Pancaldi». Тутъ у каждаго было по комнатѣ. Въ первомъ этажѣ размѣстились графиня съ Колей и Наташей—по одну сторону корридора, графъ по другую. Я взялъ комнатку въ верхнемъ этажѣ. Графъ простеръ свою любезность до того, что подыскалъ Рѣзвому помѣщеніе въ сосѣднемъ домѣ: въ отэлѣ ужъ не случилось лишняго нумера.

Поздоровался я съ моремъ. У меня къ нему нѣтъ привычки, но я родился на Волгѣ, и дѣтство свое провелъ глядя на ея мореподобные разливы. Потребность въ созерцаніи обширныхъ водныхъ массъ жила во мнѣ, и сколько разъ мнѣ въ глуши моего хутора, или въ захолустьяхъ, куда я каждый годъ попадалъ, хотѣлось неудержимо очутиться на берегу, съ котораго видна синяя или сѣро-зеленая безграничная даль...

Тутъ, въ Ливорно, море было прекрасно, какъ и вездѣ; но порою слишкомъ ужъ празднично, слишкомъ смотрѣло растопленнымъ золотомъ въ полдень, слишкомъ переливало лазурью къ закату. Но я впервые испыталъ, какой это безцѣнный другъ и повѣренный всякихъ думъ и сердечныхъ тайнъ. Сидите вы на камнѣ у самой окраины, легкая зыбь прибиваетъ ласкающія волны и поднимаетъ искристую пѣну. Все тотъ же звукъ, безконечно-различный въ самомъ однообразіи своемъ, шопотъ и журчаніе, плескъ и прибой... Закроешь глаза и кажется тебѣ, что ты посреди океана на какой-то скалѣ. Ничего тебѣ не страшно,

мысль витаетъ вширь и вдаль, совѣсть не допускаетъ сдѣлокъ, во всемъ ты слышишь одинъ голосъ правды, во всемъ доходишь до самаго конца. Да, нигдѣ такъ не думается, какъ на морѣ, нигдѣ такъ не вздрагиваетъ сердце отъ каждаго великодушнаго помысла...

И Наташѣ полюбилось море. Больше у насъ и не было убѣжища. Она испугалась, въ первый же день, увидавъ какъ шумно, людно и модно на Ливорнскихъ купаньяхъ. Съ ранняго утра у «Панкальди» толкутся разодѣтыя купальщицы и купальщики, и обсматриваютъ другъ друга. Изъ города спѣшатъ барскіе экипажи, фіакры снуютъ туда и сюда, дѣти бѣгаютъ и болтаютъ, на проходахъ между кабинами и подъ всѣми полотняными навѣсами сидятъ, группами, ничего недѣлающія дамы и дѣвицы и показываютъ видъ, что занимаютъ себя пріятнымъ разговоромъ. Проходить между этими группами до своей кабины было для Наташи—инквизиторской пыткой. Каждое утро она сбиралась на купанье, точно на выпускной экзаменъ. Графиня дѣлала ей мало замѣчаній; но то, что́ она ей говорила, было всегда ѣдко и совершенно уничтожало ее. Все это касалось ея внѣшности: туалета, турнюры, походки. Семейство ходило купаться въ одинъ часъ. Графиня совсѣмъ затмѣвала свою дочь, но ея туалеты ужъ черезчуръ бросались въ глаза рядомъ съ простенькими, только-что приличными платьицами Наташи.

Вотъ мы и убѣгали вдвоемъ на море, подальше, въ ту сторону, гдѣ *Ardenza*, пройдя аллею, по которой каждый вечеръ съ семи часовъ происходитъ такое же московско-купеческое катанье, какъ и во флорентинскомъ паркѣ. Избѣгали мы съ ней, въ первые же три дня, все прибрежье. Когда мы, въ день пріѣзда, вошли въ

маленькій садъ, идущій передъ линіей прибрежныхъ домовъ, насъ поразила южная растительность. Подъ яркимъ солнцемъ, во влажномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ свѣтло-зеленыхъ южныхъ сосенокъ, предстали передъ нами кусты олеандровъ красныхъ, розовыхъ, бѣлыхъ, алоэ, кактусы, и какіе-то стебли, прорѣзывающіе листву, точно гдѣ въ очарованномъ лѣсу. Благоуханіе чуть не кружило головы. Аллея низенькихъ сосенъ показалась намъ такимъ сладкимъ пріютомъ. Но жаръ далъ себя чувствовать, и въ тропическомъ цвѣтникѣ мы начали просто задыхаться. Одно только море не измѣняло намъ, ни утромъ, ни передъ обѣдомъ, ни вечеромъ, особливо при лунномъ свѣтѣ. Зайдемъ съ ней далеко, подъ самую Арденцу, сидимъ, читаемъ, глядимъ подолгу на зеленовато-голубую поверхность, на старый угасшій маякъ, стоящій предъ купальнями, на выступы подъ навѣсомъ, гдѣ модная публика сидитъ по цѣлымъ днямъ. Издали кажется, точно мухи обсѣли какую дощечку. Я такъ и прозвалъ ихъ «мухами».

— Много сегодня мухъ, Николай Иванычъ! говоритъ съ улыбкой Наташа.

Графу и графинѣ я сказалъ, что мнѣ хотѣлось бы позаняться съ Наташей по естественнымъ наукамъ. Мои лекціи импровизовались не каждый день; за то каждый день Наташа могла убѣгать отъ Панкальди.

XXVII.

Морское купанье, все равно что питье водъ, методически наполняетъ день ничего недѣланьемъ. Ни графу, ни Рѣзвому, ни пріятелю его Колѣ—рѣшитель-

но нечего было дѣлать съ девяти часовъ утра; но цѣлый день у нихъ раздѣленъ былъ по часамъ, точно на клѣточки. Графиня чуть не три раза въ день мѣняла туалетъ. Графъ тоже переодѣвался раза два. Не отставалъ отъ него и Рѣзвый: онъ сдѣлался изящнѣе, чѣмъ во Флоренціи, попавъ въ воздухъ воднаго фэшена. Они долго завтракали, потомъ сидѣли подъ навѣсомъ у Панкальди, иногда переходили въ сосѣднее заведеніе Пальмьери, потомъ садились подъ палатку тамъ, гдѣ собираются «мухи», потомъ обѣдали, послѣ обѣда ѣздили въ шарабанѣ по дорогѣ въ Арденцу. Это мнѣ напомнило нѣсколько блаженную жизнь у Стрѣчковыхъ, въ Хомяковкѣ. Коля пользовался вакаціей, и графъ какъ-то пересталъ находить, что онъ безъ пути балуется. Сейчасъ завелись у Коли аристократическія знакомства съ разными итальянскими маленькими «principe» и породистыми англійскими «boys». Онъ преважно расхаживалъ, заложивъ руки въ карманы своихъ синенькихъ широкихъ панталонъ, съ матросскимъ воротникомъ и голой шеей, и переглядывался съ дѣвочками не моложе двѣнадцати лѣтъ. Не всѣхъ удостоивалъ онъ ухаживанья. Нѣкоторыя вертѣлись около него, играли въ кольцо, заговаривали даже; но онъ смотрѣлъ на нихъ презрительно и проходилъ мимо.

Леонидъ Петровичъ, явившійся въ Ливорно два дня послѣ насъ, порывался войти со мной опять въ пріятельскія изліянія; но я мало былъ съ нимъ вмѣстѣ. Я вѣдь зналъ, что новаго онъ мнѣ ничего не скажетъ и утѣшать его не приходилось: онъ освоивался, понемногу, съ своимъ положеніемъ. Я могъ бы, еслибъ хотѣлъ, узнать отъ него: какіе у нихъ планы на осень,

возвращается ли онъ въ Россію, и думаетъ ли графиня оставаться въ Италіи на зиму; но выспрашивать что-либо подобное я не пожелалъ. Поневолѣ я долженъ былъ сторониться не только отъ Рѣзваго, да и отъ графа. Графъ точно стыдился нѣсколькихъ страстныхъ сценъ со мною, онъ старался самъ успокоивать меня, онъ поторопился даже сдѣлать мнѣ сообщеніе, касавшееся его одного.

— Знаете, что́ я вамъ скажу, Николай Иванычъ, началъ онъ разъ, когда мы возвращались съ нимъ изъ города. Вагѣе отъ меня долго скрывала, но она очень больна...

— Да? не безъ удивленія спросилъ я.

— Она, по гордости или по благородству натуры, не любитъ говорить о своихъ недугахъ; но это такъ... Ей нужна совершенно спокойная жизнь... Мнѣ право совѣстно, что я по пріѣздѣ такъ волновался... Но̀ этого больше уже не будетъ. И то сказать: я не семнадцатилѣтній юноша.

«Вотъ оно что, выговорилъ я про себя, давно бы такъ».

— Придется оставить ее еще на зиму въ Италіи, продолжалъ графъ серьёзно и заботливо, я думаю въ Римѣ... климатъ тамъ лучше... она еще не настаиваетъ на этомъ, но я самъ ей предложу... Какъ мнѣ ни горько быть съ ней въ разлукѣ, но довольно предаваться малодушію... И вы меня за это похвалите, не такъ ли, Николай Иванычъ?

«Такъ, такъ» поддакивалъ я мысленно, но вслухъ не могъ выговорить.

Въ болѣе глубокіе тайники души своей, Платонъ Дмитріевичъ не впускалъ меня. Все же лучше, что

онъ передѣлалъ себя на этотъ фасонъ. На долго ли? Мнѣ уже поздно было спрашивать.

Я желатъ уйдти отъ всякихъ интимныхъ изліяній и наблюденій и ждать «чего-то» въ тихихъ бесѣдахъ съ Наташей, но мнѣ и это начинало не удаваться: я самъ незамѣтно проникался особой тревогой, точно будто я хотѣлъ какого-нибудь новаго взрыва, бурнаго столкновенія съ графиней. Это былъ послѣдній «рефлексъ» выгорѣвшей страсти. Кто прожилъ съ мое, знаетъ: трудно или легко сразу, въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, разорвать *все* съ женщиною, на которую, когда-то, чуть не молился. Графъ, какъ ему ни жутко приходилось, все-таки былъ въ своей обычной роли. Особой нѣжности онъ никогда не видалъ отъ супруги. Онъ надѣялся и ждалъ, думая, что рано или поздно—пойдетъ по старому. А я? Съ самого пріѣзда въ Ливорно, не знаю: сказала ли мнѣ графиня счетомъ пять словъ? Не то было горько, что тутъ находился другой счастливецъ, а то, что ничего не осталось изъ прежней задушевной жизни, ни пониманія, ни симпатій, ни общихъ интересовъ, ничего!.. «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ я себя, все, что́ меня влекло и очаровывало, и даже подавляло когда-то въ этомъ существѣ—миражъ, наивный самообманъ? Неужели она отвернулась отъ меня, какъ «власть имѣющая»? Вѣдь выходка у велосипеда — придирка; а если не придирка, то въ ней нѣтъ и тѣни, не только уваженія ко мнѣ, но простого человѣческаго чувства»?

Да, такъ оно было. Графиня вела себя со мною, точно будто *я* провинился передъ нею, *я* упалъ въ ея

глазахъ. Даже удивительно: почему она мнѣ при всѣхъ не сказала:

— «Что это вы здѣсь все торчите, Николай Иванычъ; вамъ бы пора домой, хозяйство наше совсѣмъ безъ призора»!

И, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я жилъ? Мое присутствіе было для нея—острый ножъ. Останься у ней въ сердцѣ хоть капля дружбы ко мнѣ—она нарочно бы облеклась въ холодъ и пренебреженіе. Ей такъ было ловчѣе; а супругъ и не замѣчалъ даже того, что между нами пробѣжала черная кошка...

Общій столъ въ отелѣ и общія прогулки дѣлались для меня не меньшей пыткой, чѣмъ «Панкальди» для Наташи.

XXVIII.

Прошла еще цѣлая, большая, водяная недѣля. Я началъ бояться за себя не на шутку: а вдругъ какъ я не выдержу и ударюсь бѣжать изъ Ливорно?

Даже Наташа стала спрашивать: почему на меня находитъ какая-то тревожность, и не прекратить ли мнѣ купанье?

Я и отъ нея началъ удаляться. Въ самые жаркіе часы дня, когда водяная жизнь стихнетъ, и только въ садикѣ сидятъ подъ сосенками няньки съ дѣтьми или какой-нибудь древній итальянецъ съ газетой, я ходилъ, не боясь солнечнаго удара, безъ зонтика, по берегу или по бульвару, гдѣ тоже не было тѣни. Эта ходьба на припёкѣ успокоивала меня.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я присѣлъ на бульварѣ, подъ жидкой тѣнью деревца, съ блѣдной хвоей,

похожей на кипарисную; скамейка приходилась около садика, гдѣ по вечерамъ бываетъ музыка и даютъ французскія оперетки, наискосокъ воротъ, ведущихъ въ городъ. Между шоссе и крѣпостнымъ валомъ раскинутъ плохенькій скверъ, насквозь пропекаемый солнцемъ. Проѣдетъ фіакръ, и кучеръ, изнывающій отъ жары, непремѣнно крикнетъ вамъ: «La vole»? Протащится какая-нибудь прачка или судомойка босая, въ шлёпальцахъ безъ пятокъ, лѣниво пронесетъ ходячій торговецъ зонтики, и на всю набережную, съ какимъ-то вывертомъ запоетъ: «Ombrelli, ombrellajo»! И потомъ опять все затихнетъ, до новаго шума коляски или до грохота поливальной бочки, которая прибьетъ маленько пыль, но не освѣжитъ раскаленнаго воздуха...

Я все себѣ сидѣлъ на скамьѣ. На балконъ перваго этажа въ угольномъ домѣ, гдѣ внизу распиваютъ разные напитки, вышли три восточныя фигуры: два турка въ фескахъ и европейскомъ платьѣ, тучные и широколицые, и третій въ турбанѣ, точно синьоръ Сальвини въ «Отелло». Имъ также хорошо было на солнцѣ, какъ и той маленькой ящерицѣ, которая только-что передъ тѣмъ перебѣжала черезъ бульваръ, мелькая своимъ зеленовато-бурымъ хвостикомъ. Турбанъ вкусно такъ скалилъ зубы и слегка щурился; фески обернулись въ сторону воротъ и начали во что-то вглядываться.

И я поглядѣлъ въ ту же сторону. Извощичья карета остановилась, не доѣзжая шоссе; изъ нея вышла высокаго роста женщина въ батистовомъ платьѣ съ кружевами, и въ широкой соломенной шляпѣ съ тем-

нымъ вуалемъ. На нее-то и уставились фески. Турбанъ присоединился къ нимъ.

Дама перешла торопливо черезъ шоссе, распустивъ зонтикъ, прикрывшій совсѣмъ ея лицо. Она направлялась къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ. Только въ пяти шагахъ я узналъ походку и платье графини. Я притихъ, кажется, даже притаилъ дыханіе. Въ головѣ моей сейчасъ-же запрыгали такіе образы, отъ которыхъ я сильнѣе всего открещивался. Графиня поровнялась со мной и не обратила на меня никакого вниманія; она даже и не замѣтила: сидитъ тутъ кто-нибудь, или нѣтъ. Она спѣшила добраться поскорѣе до перваго поворота въ садикъ: это видно было по тому, какъ она шла. Черезъ нѣсколько секундъ она повернула и совершенно скрылась за зеленью.

Я снялъ шляпу и отеръ себѣ лобъ. Меня бросило въ особый жаръ. Не стану исписывать нѣсколькихъ страницъ, чтобы повѣрнѣе схватить, что̀ у меня закопошилось на душѣ. Фактъ былъ самый обыденный. Графиня могла, просто, съѣздить въ городъ, купить какого-нибудь тюлю или рюшу; но эта остановка у сквера, эта поспѣшность въ походкѣ, это желаніе поскорѣе скрыться въ садикѣ, — все показывало слишкомъ ясно, что она ѣздила куда-нибудь тайкомъ. Но и въ этомъ что̀ же было *для меня* новаго?.. А вотъ подите: цѣлыхъ пять минутъ во мнѣ царствовалъ переполохъ, и не безъ особаго напряженія воли подавилъ я свое волненіе. Когда я всталъ и пошелъ назадъ, вопросъ: куда ѣздила графиня? — уже не разжигалъ меня. Я вспомнилъ, что меня ждетъ Наташа.

Въ садикъ повернулъ я машинально, какъ часто это дѣлалъ, и вплоть до аллеи сосенокъ даже не от-

давалъ себѣ полнаго отчета: иду ли я по бульвару, или по одной изъ дорожекъ цвѣтника? Сладковатый, смолистый запахъ доложилъ моему обонянію, что я у аллейки. Въ ней было душно, но тѣнисто. Я бросилъ взглядъ во всю ея длину, и на одной изъ дальнихъ скамеекъ мелькнули платье и шляпка графини. Идти назадъ я не захотѣлъ. Не мѣняя шага, но усиленно наблюдая надъ собою, продолжалъ я свой путь. Вотъ и скамейка... это она. Я не закрылъ глазъ, но и не оборачивалъ ихъ въ ея сторону.

— Николай Иванычъ! позвали меня, не то радостнымъ, не то убитымъ голосомъ.

Я обернулся и простоялъ съ минуту, болѣе, чѣмъ удивленный; она сидѣла, облокотясь рукой о-спинку скамейки, и опустивъ голову: всѣ черты вытянулись и глаза совсѣмъ потухли.

— Что́ вамъ угодно, графиня? спросилъ я, садясь рядомъ съ ней.

Она точно очнулась отъ сна.

— Я много виновата передъ вами, кинула она мнѣ лихорадочнымъ голосомъ, не судите меня, Бога ради, не судите! Тамъ, во Флоренціи, изъ-за этой безумной затѣи съ велосипедомъ, я вамъ насказала Богъ знаетъ чего... Не мнѣ васъ укорять...

— Полноте, что за счеты, успокоивалъ я ее, еще не совсѣмъ владѣя собой. Отъ звука ея голоса у меня точно мурашки пошли по спинѣ.

— Мнѣ нужно съ вами видѣться сегодня, сказала она уже другимъ, рѣшительнымъ голосомъ; теперь я слишкомъ взволнованна... и эта жара...

— Гдѣ же? почти шепотомъ спросилъ я.

— Гдѣ?.. Намъ необходимо быть совершенно од-

нимъ... Вы знаете это caffé, вотъ тутъ, противъ сада, съ мостикомъ, гдѣ есть также купальни: еще тамъ бываетъ такая ужасная музыка... Будьте тамъ въ десять часовъ, не раньше... Когда перейдете мостикъ, возьмите налѣво... Тамъ есть такая насыпь по берегу... Такъ подъ этой насыпью ждите меня...

Она встала, оправилась и подняла вуаль.

— Будете? спросила она меня, и глаза ея вспыхнули. Вы великодушны, я знаю... Скажу вамъ одно— вы только и способны помочь мнѣ. Прощайте.

Мнѣ пожали руку крѣпко и горячо. Я промолчалъ и не могъ оторваться отъ ея удалявшейся фигуры до той минуты, когда она исчезла на поворотѣ.

Я все разомъ забылъ: и трехнедѣльную презрительную холодность, и сцену съ велосипедомъ, и тревогу послѣднихъ дней... *Я* ей *нуженъ* былъ. Вотъ что меня всего наполняло. «Пришло» прошепталъ я, чувствуя, что не обманываюсь, что *оно* въ самомъ дѣлѣ пришло...

XXIX.

Еще не было десяти часовъ, когда я, укрываясь точно какой гидальго, положительно боясь наткнуться на Рѣзваго или на графа, пробирался къ мостику того демократическаго заведенія, гдѣ мнѣ уже пришлось разъ напиться табачной гущи подъ именемъ «caffè-nero». Съ мостика повернулъ я налѣво, какъ мнѣ говорила графиня. Направо начиналась большая площадка, вся уставленная столами и стульями въ перемежку съ малорослыми деревьями, и освѣщенная низкими керосиновыми фонарями. Въ этотъ вечеръ же-

стокая роговая музыка что-то дудѣла, и гулъ ея разносился по морю съ раздражающей звонкостью.

Нашелъ я насыпь и проходъ около самаго берега. Графини еще не было. Я принесъ два стула и поставилъ подъ самую насыпь, такъ чтобы насъ не видно было сразу, если кому-нибудь придетъ охота заглянуть въ этотъ уголъ. Теплый вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо, когда я, въ волненіи, подошелъ къ водѣ; пахнулъ, но не освѣжилъ. Никакой надежды, никакихъ обольщеній не было во мнѣ. Я зналъ только, что надо «что-то» сдѣлать, и я это, во что бы то ни стало, сдѣлаю. Но голова и воля сами по себѣ, а сердце и пульсъ сами по себѣ...

Слышу черезъ пять минутъ шумные итальянскіе голоса, все ближе, ближе, и цѣлое общество изъ трехъ дамъ, двухъ кавалеровъ и одного худого франтоватаго аббата вваливается на площадку, гдѣ я стоялъ.

Я такъ и обмеръ. Общество шло прямо къ нашей засадѣ, и двѣ дамы преспокойно разсѣлись на моихъ стульяхъ, аббатъ влѣзъ на самую насыпь, и тамъ возсѣлъ на стулъ, откуда сталъ балагурить съ дамами.

Моя пытка продолжалась не меньше десяти минутъ. Я ужъ рѣшался бѣжать на мостикъ и остановить тамъ графиню. Но вотъ, аббатъ слѣзъ съ вышки, дамы сказали, что имъ хочется къ Панкальди, и все общество удалилось.

Еще пять долгихъ, почти безконечно долгихъ минутъ... Тутъ я еще разъ почувствовалъ, что мнѣ не больше двадцати лѣтъ отъ роду.

— Вы здѣсь? послышался, наконецъ, въ темнотѣ звонкій грудной шопотъ, и графиня, пробираясь между деревьями, вышла къ берегу.

— Здѣсь, здѣсь; стулья я приготовилъ.

Я это выговорилъ съ такой негеройской заботливостью, что Леонидъ Петровичъ, будь онъ тутъ, ужъ конечно бы не запылалъ ревностью...

— Благодарю васъ, сказала съ особымъ удареніемъ графиня; подойдя ко мнѣ, она взяла меня за руку и сама подвела къ стульямъ.

Луна шла на ущербъ и только отблескъ моря позволялъ мнѣ разглядѣть ея лицо. Оно было возбуждено, но движенія казались спокойными.

— Онъ долженъ ѣхать! выговорила она однимъ духомъ, точно продолжая какой-то споръ.

Я понялъ, кто этотъ «онъ».

— Но онъ такъ не уѣдетъ... Онъ захочетъ узнать все и говорить съ графомъ, а я не допущу этого. Я не приму отъ него никакой жертвы... Заклинаю васъ: все, что́ вы услышите—умретъ въ васъ. Да?

— А когда же я вамъ измѣнялъ? спросилъ я.

— Вѣрю, вѣрю... Николай Иванычъ, мое положеніе требуетъ... рѣшительнаго шага. Докторъ сказалъ мнѣ сегодня...

Она произносила эти отрывочныя фразы съ тревогой, сразу напомнившей мнѣ сцену въ тратторіи. Но не за себя она такъ волновалась...

— Какъ же быть, графиня? Приказывайте.

Мои слова, сказанныя суховато, вывели ее изъ крайняго возбужденія. Она перевела духъ и выговорила медленнѣе и тверже:

— Не приказывать вамъ пришла я, а просить васъ... вы имѣете полное право сказать: я васъ больше не знаю, графиня, ничего вы не заслуживаете, кромѣ...

— Къ чему все это? перебилъ я. Мнѣ сдѣлалось слишкомъ больно отъ такого предисловія.

— Какъ хотите, такъ и отвѣтите, продолжала она. Я не о себѣ... Обманывать графа я не буду: это было бы черезчуръ дерзко. Но ребенокъ не долженъ родиться ничьимъ. Ему надо имя, ему надо пользоваться всѣмъ, чѣмъ мои остальныя дѣти пользуются... Или я умру вмѣстѣ съ нимъ, или это такъ будетъ!

Она выпрямилась, ея блѣдное лицо все судорожно вздрогнуло. Звуки голоса были *прежніе:* говорила мраморная женщина голубой комнаты.

— Живите, живите, шепталъ я, беря ее за трепетную руку; все что̀ только я въ силахъ...

— Васъ графъ уважаетъ, онъ васъ и любитъ больше всѣхъ, кромѣ меня и дѣтей. Отъ васъ онъ все выслушаетъ... Говорите съ нимъ, вспомните, что вы добрый, добрый, безконечно добрый. Я не подсказываю вамъ ничего, вы сами вольны въ каждомъ вашемъ словѣ... Но спасите ни въ чемъ неповиннаго ребенка, спасите!..

Не взвидѣлся я, какъ она опустилась на колѣни, и глухія рыданія вырвались изъ ея груди... Она— предо мной — колѣнопреклоненная!.. Я бросился поднимать ее, повторяя, ужъ не помню что̀, усаживалъ, готовъ былъ превратиться въ червя ползущаго, только бы она успокоилась...

Больше она меня ни о чемъ не просила; но я точно въ глазахъ ея прочелъ все, что̀ мнѣ нужно было прочесть. Ни у какой другой женщины не хватило бы духа предложить *мнѣ* «спасти» ея ребенка. И въ этомъ я увидалъ, за кого она меня считаетъ. Я не зналъ, какъ благодарить её, какъ ей выразить мою

радость, какъ похвалить ее за ясновидѣніе: такое-то бремя я и мечталъ взять на себя... Но сказать ей что-нибудь, хотя бы только похожее на это — я не былъ въ состояніи, да она и не требовала...

— Онъ уѣзжаетъ черезъ два дня, не позднѣе... Вамъ онъ будетъ изливаться—я знаю. Вы дали мнѣ слово—и я спокойна... А потомъ все въ вашихъ рукахъ, Николай Иванычъ—и я чувствую...

Она не договорила, и держа меня обѣими руками, смотрѣла такъ глубоко-добро и умиленно... Потомъ, она опустила низко глаза и прошептала съ выраженіемъ, на какое способны только натуры, одинаково сильныя въ добрѣ и злѣ:

— Простите, я разбила вашу жизнь, я загрязнила вашъ идеалъ... мнѣ нѣтъ оправданія. Для васъ я не существую больше, вотъ моя казнь...

Слушая ее, я точно прислушивался къ голосу, выходящему изъ могилы, укрывшей чьи-то драгоцѣнные для меня останки... И вдругъ кроткій, свѣтлый обликъ Наташи сталъ передо мною, въ минуту, когда я былъ поглощенъ ея матерью...

Точно отвѣчая на этотъ образъ, графиня проговорила:

— Если графъ потребуетъ дѣтей... я подчинюсь его волѣ... Я не стою ихъ. Мнѣ невыносимо присутствіе дочери... Она на вашихъ рукахъ. А мальчика ничто не исправитъ...

— Какой же конецъ? чуть слышно вымолвилъ я.

— Не спрашивайте меня, ради Создателя, не спрашивайте! вскричала она и почти гнѣвно рванулась отъ меня... Хуже того, какъ мнѣ теперь—не будетъ...

Она почти побѣжала отъ меня, но вернулась тотчасъ же, и еще разъ пожавъ мнѣ руку, сказала:

— Мы говоримъ объ этомъ въ послѣдній разъ, Николай Иванычъ... Вы не обязаны отдавать мнѣ отчета ни въ чемъ. Я сама все увижу... говорить два раза о томъ же — право лучше броситься въ море! Вы уѣдете отсюда послѣ разговора съ графомъ: вотъ моя послѣдняя просьба.

Молча прошли мы по набережной, еще не опустѣвшей отъ гуляющихъ паръ. Изъ саду несся гулъ хоровъ какой-то оффенбахіады. Вдали мелькали огни у Панкальди. Въ сосновой алейкѣ мы разстались. Физически разбитый, опустился я на скамью; а на душѣ у меня сдѣлалось такъ свѣтло, какъ у всякаго, кто томительно ждалъ—и наконецъ дождался...

XXX.

Словно морской смерчъ, налетѣлъ на меня Леонидъ Петровичъ. Я думалъ даже уѣхать на два дня въ городъ, чтобы не попадаться ему: такимъ путемъ я всего вѣрнѣе выполнилъ бы слово, данное графинѣ; но только-что утромъ отправился я купаться въ дешевенькія купальни «Aurora», противъ нашего отэля, какъ на дорогѣ черезъ пустырь, отдѣляющій купальни отъ бульвара, Рѣзвый сталъ предо мною во весь ростъ.

Ретироваться было поздно. Стоило мнѣ бросить взглядъ на его лицо, чтобы убѣдиться, въ какой онъ душевной тревогѣ.

— Вы идете купаться? спросилъ онъ меня почти сурово, извините что останавливаю; но если вамъ все

равно выкупаться двадцатью минутами позже—подарите ихъ мнѣ: я долженъ съ вами говорить.

Онъ такъ сказалъ «долженъ», какъ врядъ ли выговаривалъ самыя страстныя предложенія.

Надо было повиноваться. Рѣзвый увлекъ меня, вдоль пустыря, по набережной... Мы сѣли на два камня.

— Графиня, началъ онъ, требуетъ отъ меня невозможнаго.

— Что же? безстрастно выговорилъ я.

— Она требуетъ, чтобы я сейчасъ же ѣхалъ.

— А вамъ это такъ трудно?

— Очень легко и правдоподобно: мнѣ и нужно даже вернуться къ концу августа; но я этого не могу сдѣлать!

Я молчалъ, какъ-бы ожидая поясненій.

— Вы любили же, Николай Иванычъ, продолжалъ Рѣзвый, вы поймете меня. У женщинъ — другая мораль. Хоть и печально, а надо съ этимъ согласиться... Онѣ не признаютъ совсѣмъ долга, великодушныхъ поступковъ, жертвы отъ человѣка... который имъ близокъ. Да и жертвы тутъ никакой нѣтъ! Всякій долженъ отвѣчать за себя: вотъ мой девизъ, и я не затѣмъ готовлюсь быть публичнымъ дѣятелемъ, чтобы начинать съ обмана и малодушія!..

Я бы его расцѣловалъ: такъ онъ это хорошо выговорилъ.

— Она хочетъ утаить отъ меня главное... Напрасно. Вчера я былъ въ городѣ и видѣлъ, какъ она ѣздила къ доктору... Да и раньше я уже подозрѣвалъ... Зачѣмъ же она меня гонитъ, зачѣмъ заставляетъ играть презрѣнную роль, когда ея тайна—моя тайна? Я долженъ дать за нея отвѣтъ, и я дамъ...

— Леонидъ Петровичъ, остановилъ тутъ я его, на

что́ же идете вы? Вѣдь мало вашего долга, вашего достоинства, нужно и о той подумать, кого вы любите...

— А какъ же иначе докажу я свою любовь? Вѣдь не ныньче, такъ завтра — все откроется... Что́ же тогда дѣлать: лгать, проводить графа?.. Но это фактически не возможно... вы понимаете: фак-ти-чес-ки!..

— Положимъ...

— Кто же будетъ отвѣчать?—Одна она; а кандидата правъ—Рѣзваго—ищи-свищи!.. Нѣтъ!.. Этого не будетъ... Называйте меня идіотомъ... чѣмъ вамъ угодно, но наше поколѣніе, повторяю я вамъ, не такъ себя готовило къ жизни.

Онъ остановился и перемѣнивъ позу, сталъ говорить сдержаннѣе и жестами человѣка разсуждающаго.

— Вникните въ то, что́ случится: тайна откроется. Кромѣ ея — никого на лицо не будетъ привлечено... И это уже гнусно само по себѣ, но этого еще мало: а чей же ребенокъ? Кто его признáетъ, кто ему дастъ права?..

— Да вѣдь и вы ему не дадите ихъ... вспомните, что мы не французы: а русскіе, возразилъ я.

— Знаю и прекрасно все помню. Ну, пускай графъ не признаетъ его; у него будетъ отецъ, онъ долженъ его знать съ младенческихъ лѣтъ... Не бѣда, что его не станутъ величать графскимъ титуломъ. Человѣкомъ его сдѣлаетъ отецъ... Да и это еще не все: каковъ бы ни былъ графъ, онъ не маріонетка же. Вызоветъ онъ меня:—кто-нибудь изъ насъ останется на мѣстѣ; не вызоветъ — онъ обойдется съ женой своей иначе, коль скоро между ними станетъ человѣкъ, сознающій свой долгъ, не уступающій никому своихъ... коли на то пошло!—естественныхъ правъ. Выйдетъ что-нибудь

серьёзное, горячее, честное... Все остальное — грязь, и какая: трусливая, позорная грязь!..

Въ этомъ монологѣ вылился весь Леонидъ Петровичъ. Что́ онъ сказалъ бы, въ такихъ же дѣлахъ, три года спустя—я за это не поручусь. Но тогда, каждое слово его превратилось бы въ дѣло, еслибъ передъ нимъ очутился вдругъ графъ Платонъ Дмитріевичъ.

— Мнѣ нужно было васъ видѣть, Николай Иванычъ, не затѣмъ, чтобы тянуть съ графомъ... Но вы старый другъ графини. Она на васъ тутъ дулась немного; но ваше слово для нея не потеряло вѣса, повѣрьте мнѣ. Вамъ я высказался; а вы вразумите ее, заставьте и въ ней дрогнуть чувству смѣлаго порыва, скажите ей: какъ она оскорбляетъ меня такимъ выгораживаніемъ моей личности!.. Право, это высшая обида для человѣка, который любитъ такую женщину...

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Рѣзваго, но онъ сдержалъ ихъ...

Мнѣ сдѣлалось такъ жаль его, что подъ вліяніемъ этого чувства — быстрая, какъ молнія мысль, пронизала мой мозгъ, и я несказанно обрадовался ей; будь я мистикъ, я бы увѣровалъ, что это—свыше...

— Послушайте, Леонидъ Петровичъ, началъ я, подсаживаясь къ нему: что я раздѣляю вашъ символъ вѣры—объ этомъ и толковать нечего. Но вѣдь не въ одномъ порывѣ спасеніе. Кого вы больше любите — себя, или ее? Вѣдь ее? Надо же такъ и дѣйствовать.

— Но другаго исхода нѣтъ! крикнулъ, почти отчаянно Рѣзвый.

— Погодите. Кто его знаетъ, быть можетъ графъ окажется погуманнѣе, чѣмъ мы съ вами думаемъ. Ну, хорошо, онъ долженъ узнать правду, и приметъ

ее, пожалуй, такъ, что ваше вмѣшательство сдѣлается только пагубнымъ... и для матери... и для ея ребенка.

Онъ взглянулъ на меня такъ строго, точно хотѣлъ выпытать: не провожу ли я его побасёнками?

— Предположите, продолжалъ я одушевляясь, что онъ не отниметъ у ребенка никакихъ правъ, а настоящему отцу не откажетъ и въ его правахъ...

— Идилія, быть этого не можетъ!..

— Спорить съ вами не стану; но отчего же не попробовать?.. И тутъ вамъ — всего менѣе надо выставляться. Это не уклончивость, а разумная любовь. Между вами можетъ выдти печальное столкновеніе, и оно ничего не рѣшитъ. Вы говорите: одинъ на мѣстѣ останется. А какъ не останется? Развѣ дуэль подниметъ ваши права? Ни малѣйшимъ образомъ. Вы оба останетесь живы. Графъ поведетъ себя, какъ ему угодно, разведется или нѣтъ съ женой, признаетъ или нѣтъ ея ребенка—а вы ни при чемъ...

— Исходъ будетъ! стремительно перебилъ Рѣзвый. Нельзя будетъ продолжать брачныхъ отношеній.

— А вы справлялись у графини: желаетъ она развода или нѣтъ?

— Я не знаю!..

— А хотите дѣйствовать? Такъ позвольте мнѣ васъ увѣрить, что она не пойдетъ на разводъ; и еслибъ она шла на него, вашъ долгъ—долгъ любящаго человѣка—удержать ее отъ такого безумія. Вѣдь ей скоро сорокъ лѣтъ, у ней взрослая дочь, у ней сынъ подрастаетъ... Вы забыли видно, что такой разводъ поведетъ за собою церковное покаяніе... да это еще бы не бѣда: а то — потерю добраго имени... въ глазахъ тѣхъ, которые и мизинца графини не стоютъ...

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, Рѣзвый все блѣднѣлъ и тревожно озирался...

— Какъ же быть!.. вырвалось у него.

— Не дѣлать ничего наскокомъ. Вы не хотите уклоняться—выступайте, когда васъ надо будетъ. Васъ душитъ ложь и притворство, — попросите у графини позволенія снять съ себя эту ложь.

— Но она не хочетъ; я знаю, что она сама все скажетъ графу...

— Если вы въ этомъ увѣрены—предупредите ее, но какъ?..

Я сдѣлалъ передышку и взявъ его за руку, добавилъ:

— Мнѣ вы вѣрите, черезъ меня вы и должны дѣйствовать.

— Черезъ васъ? изумленно переспросилъ онъ.

— Ни черезъ кого другого. Я изучилъ графа. Онъ меня одобряетъ. Я съумѣю изложить ему все — ничего не утаивая... Онъ пойметъ васъ... и...

— Я не хочу его великодушія!

— Вы ничего не можете хотѣть, Леонидъ Петровичъ, для себя... Какъ будетъ лучше для нея и для существа, которое появится на свѣтъ — такъ и для васъ будетъ ладно.

Я съ такой твердостью выговорилъ это, что онъ даже склонилъ голову.

— Я вамъ вѣрю, прошепталъ онъ.

— Стало-быть слушайтесь меня. Я переговорю съ графомъ. Нужны будете вы сами, я скажу вамъ: идите къ нему. Не нужны — я скажу: уѣзжайте, какъ можно скорѣе. И вы должны будете повиноваться мнѣ. Идетъ? весело спросилъ я.

— Идетъ, выговорилъ онъ тронутымъ голосомъ.

На томъ мы и разстались.

XXXI.

Я былъ совсѣмъ готовъ. Ни колебанія, ни вопросы, ни увертки—ничто не замарало моего чувства, оно осталось тѣмъ; тѣмъ же осталось и рѣшеніе...

Но не безстрастное равнодушіе жило во мнѣ, когда я шелъ къ «Панкальди», разсчитывая, что найду тамъ графа за газетой—я зналъ: каково мнѣ будетъ сказать этому честному и довѣрчивому человѣку: — «Вотъ, что́ я сдѣлалъ»; и этимъ же признаніемъ на половину обмануть его; но страданія ждалъ я, точно какой-то манны... Грубо сколоченному человѣку, какъ я, позволительно, хоть разъ въ жизни, такое самобичеваніе!..

Я нашелъ графа—какъ разсчитывалъ—за газетой. Онъ обрадовался моему приходу: должно быть газету онъ прочелъ и скучалъ, дожидаясь обѣда.

— Извините, графъ, началъ я, хочу васъ немного потревожить... Вы читаете...

— Кончилъ, кончилъ, очень радъ пройтись съ вами... Пойдемте туда, черезъ мостикъ, подъ навѣсъ, понюхать морскаго запаха. Теперь тамъ еще никого нѣтъ...

Онъ такъ поспѣшно сложилъ газету и поднялся, точно будто онъ уже былъ предупрежденъ. Быть можетъ его и предупредили.

Мы добрались до круглой площадки. Она оказалась совершенно пустою, да и врядъ-ли кто нибудь

явился бы туда въ этотъ часъ—часъ обѣда итальянцевъ. Кудласовы обѣдали позднѣе.

Мы сѣли на единственную скамью, около мачты, поддерживающей верхъ полотнянаго колокола-навѣса.

Предисловій никакихъ не было.

— Пришла минута, графъ, заговорилъ я спокойно и глядя ему прямо въ глаза, когда я долженъ снять съ себя маску... Графиня собирается быть матерью... Передъ вами—отвѣтчикомъ я, а не она...

Онъ откинулся и вспыхнулъ. Всѣ слова онъ отлично разслышалъ и понялъ, но не хотѣлъ ихъ сразу понять.

— Это не шутка, графъ, продолжалъ я все также, не безумный вздоръ... Лучше поздно, чѣмъ никогда... Да и графиня не хотѣла бы обманывать васъ...

Я нарочно это прибавилъ, и самымъ обыденнымъ, почти грубоватымъ тономъ.

Тутъ только онъ вполнѣ уразумѣлъ.

— Вы? вскрикнулъ онъ, и какъ-то странно улыбнулся... вы, повторилъ онъ, теперь... послѣ двѣнадцати лѣтъ?!..

— Не тратьтесь графъ, не стóитъ. Лучше спрашивайте меня, я вамъ все разскажу, все...

Въ эту минуту я не только способенъ былъ разсказать ему мою, настоящую правду, но умеръ бы доказывая, что я дѣйствительно во *всемъ* виноватъ. Одного бы я ни за что не сказалъ, кто Коля — мой сынъ. Я этому вполнѣ не вѣрилъ и не хотѣлъ отнимать его у графа.

— Не надо, чуть дыша, и замѣтно борясь съ собою, проговорилъ графъ. Это останется—при васъ... Я не судья, я не инквизиторъ, Николай Иванычъ, я...

Онъ отвернулся, потомъ всталъ, и быстро подошелъ къ самому краю платформы. Платокъ забѣлѣлъ въ его рукахъ. Меня охватилъ мгновенный страхъ. Я даже сдѣлалъ движеніе, приготовляясь броситься и схватить его за плечи.

Но я ошибся. Графъ хотѣлъ только вернуться ко мнѣ «съ достоинствомъ».

Онъ и вернулся такъ. Поблѣднѣвшее лицо его нѣсколько удлиннилось, но не выдавало никакого сильнаго чувства. Только я бы сказалъ, что онъ въ одну минуту постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Что же вамъ угодно? выговорилъ онъ «Кудласовскимъ» тономъ. Баринъ, прошедшій женину школу, уже овладѣвалъ его формами.

— Мнѣ ничего не угодно, графъ. Я ни о чемъ не смѣю просить васъ. Но пускай вамъ покажутся дерзостью мои слова: не карайте жены вашей... и того существа, которое...

— Я знаю, въ чемъ заключается мой долгъ, господинъ Гречухинъ, перебилъ меня съ разстановкой графъ. Всякія объясненія тутъ излишни. Ребенокъ графини Кудласовой—долженъ носить ея имя... Я говорю это вамъ потому... что вы, какъ-будто, не отъ одного себя дѣйствуете.

Вышла крошечная пауза. Я не спускалъ съ него глазъ. Мнѣ показалось—и я убѣжденъ теперь въ этомъ —что въ глазахъ графа промелькнуло нѣчто, выдавшее его.

— Ваше признаніе останется при васъ, *Никалай Иванычъ* (тонъ вдругъ сталъ гораздо мягче). Я ужъ вамъ сказалъ: я не инквизиторъ, а что̀ каждый те-

ряетъ—то погибло безвозвратно... Господинъ Рѣзвый скоро ѣдетъ?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ второй и торжественной уликой: онъ все понялъ.

— Кажется, онъ ѣдетъ завтра, сказалъ я безразлично.

— А-а... Ну, и прекрасно. Я надѣюсь, что онъ не будетъ заживаться здѣсь... А вы?

Вопросъ этотъ былъ бы слишкомъ страненъ, еслибъ я уже не зналъ, *какъ* графъ принялъ мое признаніе. Но этакъ выходило болѣе, чѣмъ кстати.

— Я на вашей службѣ, графъ...

— Николай Иванычъ! вскричалъ онъ разбитымъ, но задушевнымъ голосомъ—полноте. Вы уходите отъ меня—это ваше дѣло. Иначе нельзя; но какіе же счеты могутъ быть у насъ. Вы свободны... какъ воздухъ.

И онъ опять улыбнулся.

— Сегодня же я скажу графинѣ, что мнѣ пора въ Россію; а ей куда будетъ угодно—въ Римъ, въ Неаполь... Она удерживаетъ сына при себѣ? остановился графъ.

— Она подчинится вашей волѣ.

— Хоть вамъ и покажется это очень страннымъ... Я спросилъ бы вашего совѣта?

— Возьмите его. Наташа, быть можетъ, привяжетъ его къ себѣ...

Незамѣтно мы впали въ... дружескій тонъ.

— Вамъ не жаль Наташи? тихо вымолвилъ онъ. Я одинъ, не могу слѣдить...

И вдругъ точно спохватившись, что онъ вышелъ

совсѣмъ «изъ роли», онъ поднялъ какъ-то особенно голову и спросилъ:

— Вы ѣдете въ Россію?

— Я уѣзжаю изъ Европы, отвѣтилъ я.

Это заставило его вздрогнуть. Совладать съ собою онъ не могъ. Рука его горячая протянулась къ моей.

— Какъ? мы прощаемся... на долго?

— Если не навсегда, твердо выговорилъ я.

А во мнѣ, въ эту минуту клокотало желаніе: остановить его, сказать ему сто разъ сряду, что онъ ошибается, что я не ширма, что я обманывалъ его больше Рѣзваго, который и не зналъ, быть можетъ, сначала о его существованіи; что я двѣнадцать лѣтъ предаю и довѣріе, и дружбу его; что мое признаніе наболѣло во мнѣ годами, что лучше ему убить меня на мѣстѣ... Но развѣ онъ повѣрилъ бы мнѣ хоть въ одномъ словѣ? Чѣмъ чудовищнѣе бы выставилъ я себя, тѣмъ выше, свѣтлѣе предстала бы предъ нимъ моя личность. Одна вещь: выдать себя за отца Коли — могла бы его смутить: такое нахальное самообличеніе немыслимо даже и въ «святомъ», какимъ онъ считалъ меня въ эту минуту. Но я не могъ и не хотѣлъ этого.

Вотъ какъ я исполнилъ свой долгъ; вотъ какъ возложилъ на себя бремя, на которое такъ долго, такъ трепетно уповалъ! «Доказательствъ! сказалъ бы мнѣ графъ, даже усомнившись, даже разъяренный, для спасенія своего гонора, доказательствъ я требую, милостивый государь! Я не позволю вамъ клеветать на *нее*, на ту, которая была и вашей руководительницей»! Доказательствъ: а гдѣ они? Ихъ нѣтъ, ни одного, буквально ни одного! Ни писемъ, ни записокъ, ни су-

венировъ, ни нескромностей, ни неосторожныхъ выходокъ, ни свидѣтелей, кромѣ одной совѣсти! Не даромъ же Варвара Борисовна стоитъ и теперь на пьедесталѣ, а мы изнываемъ въ терзаніяхъ...

«А почему же вы увѣровали теперь»? спросилъ бы я его, и сейчасъ же нелѣпость вопроса откинула бы меня назадъ. «Почему же это Рѣзвый; а не я»? допытывался бы я дальше. А потому, отвѣтилъ бы мужъ, что послѣ двѣнадцатилѣтней дружбы страсть не является, а я видѣлъ и вижу ее въ ней, и вы ее видѣли, когда пріѣхали во Флоренцію, и сами мнѣ это сказали».

— Прощайте! раздался глубоко-скорбный голосъ графа. Онъ вывелъ меня точно изъ горячечнаго бреда.

— Вы обманываетесь! крикнулъ я и рванулся къ нему.

— Ну да, ну да, кротко отвѣтилъ онъ. Довольно мы жили, Николай Иванычъ—молодыми, пора и застывать... по-стариковски.

Болѣе стонъ, чѣмъ вздохъ послышался мнѣ, и мы просидѣли молча еще цѣлыхъ десять минутъ, слушая тихо-рокочущій плескъ волны.

XXXII.

Рѣзвый уѣхалъ. Онъ повиновался мнѣ какъ младенецъ: я видѣлъ, что довѣріе его ко мнѣ — чрезвычайно, и это немало меня утѣшило. Онъ только вздохнулъ крѣпко-крѣпко и проговорилъ, опустивъ голову:

— Подите, какіе есть на Руси титулованные земцы. Не ожидалъ!

Графъ простился съ нимъ, не моргнувъ бровью: я

видѣлъ ихъ прощанье. Графиня все поняла. Она не избѣгала меня, но и не заводила рѣчи. Изрѣдка взглядывала она на меня, какъ бы желая допытаться: что̀ у меня на душѣ?

Она напрасно просила меня: уѣхать тотчасъ послѣ разговора съ графомъ. Чего же я и ждалъ, какъ не *этого?* Никто бы меня не удержалъ ни она, ни графъ, ни Наташа...

Жутко было мнѣ на другой день, когда я возвращался изъ города, куда ходилъ узнавать объ отходѣ парохода въ Марсель. Черезъ часъ ждала меня на прогулкѣ Наташа, и сегодня же нужно было ей сказать, что черезъ два дня оборвется наша долголѣтняя жизнь душа въ душу. Все свое отеческое чувство перенесъ я на это любящее, разумное и безобидное существо. Ни въ комъ не видалъ я такой полной, теплой, чуткой привязанности, какъ въ ней. А я бѣжалъ отъ нея. Еслибъ ей все могло быть извѣстно, она не осудила бы меня...

— Monsieur Рѣзвый не вернется больше? спросила меня Наташа, когда я догналъ ее по дорогѣ въ Арденцу.

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ... сообщилъ я.

— А мы когда? нетерпѣливо выговорила она.

Я промолчалъ: у меня еще недостало смѣлости тутъ же объявить ей, что я съ ними не вернусь.

Почти-что молча дошли мы до набережной Арденцы, гдѣ на этотъ разъ было очень мало гуляющихъ. Нѣсколько минутъ глядѣла Наташа на закатъ. Надъ бѣлымъ, блестящимъ, чуть зыблющимся моремъ стояло розовое зарево, книзу болѣе отливающее янтар-

нымъ пурпуромъ, а сверху перерѣзанное узкими, дымчатыми и фіолетовыми облачками.

— Вотъ ужъ этого не будетъ въ Слободскомъ, сказала Наташа... только моря и жаль... Я дорогой скажу папà насчетъ Петербурга. Онъ навѣрно согласится... А maman все равно, да она и не поѣдетъ съ нами...

— Да, перебилъ я, вамъ надо теперь начинать другую жизнь... Мнѣ графъ сказалъ, что онъ беретъ Колю въ Россію... Только вы, быть можетъ, и способны будете размягчить его, а то вы видите: въ немъ нѣтъ никакихъ привязанностей.

— Неужели это правда? почти съ ужасомъ вымолвила она.

— До сихъ поръ такъ.

— Какъ же это онъ васъ-то не любитъ!

Она такъ это выговорила, что я невольно обернулся и взглянулъ на нее.

Наташа вся зардѣлась и, глядя на море, продолжала съ какимъ-то особымъ волненіемъ:

— Онъ несчастный мальчикъ... Что̀ же можетъ быть выше вашего добра? Чѣмъ бы я была теперь, еслибъ не вы? Вонъ такая же, какъ эти въ коляскахъ, съ бантами... точно такая... Мнѣ жаль ихъ, у нихъ никогда не будетъ моего счастья... Ахъ, Николай Иванычъ, какъ мы будемъ славно жить... у себя дома!..

Глаза ея все разгорались; она не смѣла обернуться ко мнѣ лицомъ, но голосъ ея становился все теплѣе и тонъ порывистѣе.

«Она любитъ тебя! выговорилъ я про себя, любитъ, не какъ Наташа, не какъ дѣвочка...»

— Я такъ и умру около васъ, слышалось мнѣ... Да, эти звуки выходили изъ груди любящей женщины...

— Наташа, остановилъ я, чувствуя, что надо сейчасъ же все оборвать.

— Вѣдь да? умиленно спросила она, и обратила ко мнѣ свои прозрачные русскіе глаза.

— Наташа, повторилъ я, мы не вернемся вмѣстѣ.

— Не вернемся? вырвалось у нея, и она, блѣднѣя, точно поняла все значеніе моей фразы.

— Я уѣзжаю далеко...

— Куда?

— Далеко, за море, показалъ я рукой.

— Зачѣмъ?..

Этотъ вопросъ словно замеръ на ея устахъ; черезъ секунду же она прибавила:

— Значитъ, надо... если вы такъ дѣлаете... Надо, надо, повторила она съ надрывающимъ выраженіемъ.

— Надо, рѣшилъ я.

Она встала, приблизилась ко мнѣ, протянула мнѣ обѣ руки и, безъ слезливости, безъ дѣтства, почти съ геройской ясностью, сказала:

— Надо, — и довольно этого. Я вѣрю одному: вы не бросите вашей Наташи... Я васъ буду ждать.

И потомъ она уже не стала ни сокрушаться, ни разспрашивать меня: куда я ѣду, на долго ли, что̀ вызвало такое путешествіе. Я видѣлъ, что около меня безгранично преданный другъ, которому довольно одного слова, чтобы онъ уничтожился и весь вошелъ въ вашу душу...

Не прошло и десяти минутъ, какъ она говорила мнѣ:

— Простите меня, милый мой Николай Иванычъ,

я все о себѣ мечтаю... Я вѣдь не маленькая, я вижу, что вамъ стало слишкомъ тяжело... Вамъ надо уйдти... Вѣдь и я уйду, когда буду поумнѣе, чему-нибудь выучусь... Вамъ душно съ господами... Вотъ папà, хорошій человѣкъ, а все въ немъ не то я вижу, что въ васъ... Онъ не виноватъ, разумѣется, а такъ и умретъ... Maman я не стану судить... Нѣтъ, милый мой. Но она была бы не такая, еслибъ... не родилась княжной Киргизовой... Ужъ если я только о томъ и мечтаю, такъ какже вамъ-то не уйти... Вы только и жили... для насъ съ Колей... а то и для меня одной.

Столько было добра, пониманія, всепрощенія, смѣлости въ этихъ немудреныхъ, отрывочныхъ фразахъ!.. Предо мною зарождалась великая женская душа—и я ее бросалъ.

Но развѣ можно было остаться и не назвать ее, рано или поздно, своей подругой?.. Наташа—*моя жена!*.. У меня волосы поднялись при одной мысли объ этомъ: не за тѣмъ люди опаиваютъ, на время, свою совѣсть, чтобы потомъ искупать все *такимъ* счастіемъ...

Она шла со мною по бульвару неспѣшной, кроткой походкой, подавляя свою скорбь, а я, глядя на нее, повторялъ: «ты не смѣешь, ты не смѣешь!» Можетъ быть, въ такомъ растравленіи и есть доля ѣдкаго наслажденія... но я предавался ему помимо своей воли. Пришли мы домой. Я, простившись съ ней, сѣлъ противъ отеля на скамью, и смотря на окна комнатъ Наташи и ея матери, до поздней ночи, прощался съ погибшей для меня подругой, прощался со всякимъ желаніемъ личнаго счастія, рылъ могилу для всего прошлаго...

Но умирать и тутъ я не собрался. Не изъ такого дерева сдѣланы мы. Мы не *жизнерадостные*, какъ Леонидъ Петровичъ, но мы выносливы и, разъ покаявшись, не примемся опять за старое. Право, я бы наложилъ на себя руки, еслибъ въ эту ночь, сидя передъ окнами двухъ существъ, на которыя ушла вся моя страсть и вся нѣжность, зная, что мнѣ не вкушать уже никакой отрады, даруемой женщиной, еслибъ я, со всѣмъ этимъ грузомъ жизни, началъ томно повторять элегическій припѣвъ старичковъ, которымъ нечему насъ учить; еслибъ я мечталъ вмѣстѣ съ ними о томъ, какъ —

. . . . . «На мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.»

XXXIII.

Настало затишье, то затишье, которое находитъ на всѣхъ передъ отъѣздомъ, или на похоронахъ передъ выносомъ... Тутъ нѣтъ скуки, нѣтъ томленія— тутъ одно «пребываніе» во времени и пространствѣ.

Графъ держался своей «роли». Мы съ нимъ цѣлый день не встрѣчались. И такое у меня было чувство: точно будто въ Ливорно, на этомъ купальномъ прибрежьѣ, я и не могъ наткнуться ни на одно русское лицо, точно будто я былъ одинъ-одинешенекъ. Наташа заперлась у себя въ комнатѣ. Коля попался мнѣ на дорогѣ къ Панкальди. Онъ шелъ небрежно покачиваясь, очень красивый и больше, чѣмъ когда-либо, похожій на свою мать.

Я не выдержалъ и остановилъ его:

— Прощайте, Коля, сказалъ я ему, мы съ вами долго не увидимся.

Онъ нѣсколько удивленно поморщился на меня, остановился и совершенно равнодушно отвѣтилъ:

— А вы куда ѣдете, monsieur Гречухинъ? Въ Петербургъ? поклонитесь Леониду Петровичу. Онъ тамъ. Вы спросите, какъ это?.. да, въ университетѣ.

— Нѣтъ, Коля, я не въ Россію. А вамъ бы не хотѣлось отсюда?

Онъ сдѣлалъ движеніе головой.

— Мнѣ все равно. Здѣсь хорошо... мои товарищи очень порядочные, меня любятъ. Меня вездѣ будутъ любить... Куда меня хотятъ — вы не знаете: въ лицей или въ правовѣдѣніе?

— Я не знаю.

— А... ахъ, вонъ Чарли идетъ! прощайте, monsieur Гречухинъ.

И, не взглянувъ на меня, онъ убѣжалъ.

«Нѣтъ, это не твоя кровь, выбрось ты дурь изъ сердца!»

Вотъ съ чѣмъ я возвращался домой, повторяя вопросъ моего «названнаго» сына: «въ лицей или въ правовѣдѣніе»?

На лѣстницѣ схватила меня за руку Марія. Я совсѣмъ почти забылъ о ея существованіи. Она перемѣнила свой спенсеръ на ярко-желтое платье съ лиловыми оборками и бантами, сзади взбитое что̀ твой курдюкъ. Въ глазахъ такъ у меня и запестрѣло.

— Signorino, таинственно шептала она, заигравъ косыми глазами; la contessa...

И опять она заболтала связно и гортанно. Мнѣ

удалось понять, что графиня у себя и желаетъ меня видѣть.

— Subito? спросилъ я.

— Si, si, извиваясь тараторила Марія и повела меня въ первый этажъ, на что́ не было никакой надобности, довела до двери въ гостинную графини и даже постучала за меня.

Оттуда раздался голосъ. Марія чуть не впихнула меня въ дверь.

У окна, за маленькимъ столикомъ сидѣла графиня и что-то вышивала. На ней накинутъ былъ красный легкій платокъ. Оглядѣлъ я ее, и внезапно предо мною всталъ весь образъ той «настоящей» графини, которую я впервые увидалъ, съ краснымъ же цвѣтомъ на плечахъ. Да, это была та же «аристократка», то же мраморное лицо, тѣ же смѣлые и строгіе глаза, тотъ же лобъ, та же діадема изъ волосъ, то же невозмутимое и горделивое безмятежье, то же сознаніе своего «я». Эта ли женщина была предо мною на колѣняхъ два дня тому назадъ, безумствовала, плакала, умоляла, каялась?.. Не можетъ быть!..

— Присядьте, Николай Иванычъ.

Я слушалъ и говорилъ про себя: «да, такъ, такъ, это въ Москвѣ, на Садовой; это — графиня Кудласова, жена моего принципала; а я управитель изъ студентовъ».

— Вы не возвращаетесь въ Россію. Я узнаю васъ. Это очень хорошо.

«Ну да, она меня одобряетъ, какъ и тогда, за гражданскія чувства».

— Все къ лучшему, говорили мнѣ ровно, безъ жестовъ, увѣренно, почти торжественно... Колю надо

въ заведеніе. Наташу жаль, но она при отцѣ. О себѣ я вамъ не разсказываю...

— Почему же? вырвалось у меня совершенно такъ, какъ у студента «изъ красныхъ».

— Буду жить и платиться за то, что запоздала... Если мнѣ суждено быть еще матерью, авось я и найду свое призваніе. Николай Иванычъ, я вижу, что вы, до сихъ поръ, оскорблены за меня... Вы, бѣдный, работали, работали надъ моимъ пьедесталомъ, и вдругъ я въ два мѣсяца такъ слетѣла съ него... А вѣдь я, право, та же.

— Да, выговорилъ я громко и не отводя отъ нея глазъ.

Она не смутилась; только чуть замѣтная усмѣшка пробралась на ея алыя губы.

— Вы не думайте, что я уже вылечилась... Нѣтъ, да я и не хочу этого... Довольно всякихъ «задачъ», какъ вы любили выражаться... я сказала, что я та же, потому что это правда. Мою... plaidoierie, во Флоренціи, помните?

— Помню.

— Теперь мнѣ нечего и не предъ кѣмъ выгораживать себя—не предъ вами же? А я то же скажу. И зачѣмъ только вы такъ мучились?... Мало жили, а я была первая большая барыня на вашемъ пути—вотъ и вышло такъ...

Она скусила своими молодыми зубами шерстинку и ласково, точно старшая сестра (какъ глядѣла на меня когда-то сотни разъ) выговорила:

— Вы вѣдь такой чудной... по добротѣ, что, я увѣрена, вы и за него сокрушаетесь, думаете, что онъ загубитъ себя, испортитъ дорогу, не добьется ка-

ѳедры. Ну, Николай Иванычъ, по старому пріятельству, признайтесь?

— Я совсѣмъ не такой сосудъ милости божьей, графиня.

— Ха, ха, ха, я угадала... Не смущайтесь: онъ не погибнетъ и ему не дадутъ тратить свои силы на роль чичисбея... Даю вамъ слово, что онъ не выѣдетъ изъ Петербурга безъ диплома.

Она еще разъ улыбнулась и положила шитье на столикъ.

— Вы куда же это, за море?

— За море, отвѣтилъ я.

— Дѣло. Вы такъ здѣсь за насъ настрадались, что не думаете ли пробраться къ мормонамъ?

Мы оба разсмѣялись.

— Не мнѣ, болѣе задушевнымъ тономъ начала она, разбирать: что̀ вы выиграли и что̀ потеряли, связавъ себя съ нашей семьей. Только вы вѣдь знаете, Николай Иванычъ: кто передъ вами сильно прегрѣшилъ, того не забывайте, когда придется плохо... Мало ли что̀ можетъ быть!.. Тогда не побрезгуйте, заверните къ старухѣ, гдѣ-нибудь вотъ здѣсь, въ Италіи, на Lago di Como... Тамъ все разныя окаменѣлости—заживо погребаютъ себя... тамъ и я куплю себѣ виллу... заверните; хоть это и дерзко, а, право, никто васъ и тогда лучше не пойметъ...

Я всталъ.

— Идите, я васъ не удерживаю, милый гость... еще бы кое-что вамъ сказала, да... вы вѣдь человѣкъ дикій... бѣда заикнуться съ вами объ иныхъ вещахъ...

Точь-въ-точь какъ бывало, мнѣ протянули руку,

такую же тонкую, бѣлую и нѣжную, съ античными пальцами. И я не могъ не поцѣловать ее.

— Прошу не разсердиться: вашего адреса не спрашиваю, а мой—Florence, poste restante.

Я вышелъ точно очарованный, брошенный опять въ то, что̀ такъ глубоко кануло на самое дно жизни.

Но Марія окунула меня опять въ ливорнскую дѣйствительность.

Она меня дожидалась. Схвативъ меня одной рукой за бортъ пальто, она другой начала тыкать въ золотую брошку, приколотую у ней подъ манишкой.

— Il signorino biondo! объявила она мнѣ, краснѣя отъ удовольствія. Tanto gentile! вскричала она и ушла вся въ плечи... I signori Russi sono tutti gentili-gentili!..

Я видѣлъ, куда идетъ маневръ; но оставался холоденъ и нѣмъ, какъ рыба. Она не отставала отъ меня и поднялась даже со мной на слѣдующую площадку; потомъ, видя, что никакія ея заигрыванія не въ силахъ выманить у меня ни единой галантерейной вещи, ниже засаленной бумажки въ пятьдесятъ чентезимовъ, она остановилась, подперла одну руку въ бокъ, подернула плечами и, сжавши губы корабликомъ, надменно выговорила:

— A rivederla!

XXXIV.

Наташа, не спрашивая, догадалась почему-то, что я ѣду изъ Ливорно не по желѣзной дорогѣ, а моремъ.

— Вы идете въ городъ? спросила она меня на другой день утромъ. Возьмите меня.

Она силилась говорить спокойно, и даже улыбаться.

Мы пошли. На набережной, лодочники стали приставать къ намъ на каждомъ шагу съ неизбѣжнымъ:

— Comanda una barca, signore?

Я намѣтилъ сверху бѣлую лодку, съ кличкою «Страделла», и указалъ на нее кучкѣ лодочниковъ.

— Куда вы? пугливо спросила Наташа.

— Хотите со мной на пароходъ?

— Какъ, вы совсѣмъ?..

Она не договорила.

— Нѣтъ, тихо разсмѣялся я, увозить васъ не стану, я только осмотрѣть пароходъ. Проѣдемся—и назадъ. Ныньче, видите, море, какъ зеркало, качки не будетъ.

— Я не боюсь... куда хотите... съ вами...

Сторговались мы съ лодочникомъ до парохода «Etna» и обратно. Подъ навѣсомъ лодки сидѣть было прохладно. Наташа повеселѣла немного. Лодочникъ въ пестрой фланелевой рубашкѣ, съ цыганскимъ лицомъ, работалъ за троихъ—совсѣмъ не поитальянски, и мы, черезъ двѣ-три минуты, выѣхали на просторъ.

— Николай Иванычъ, обратилась ко мнѣ Наташа, и серьёзный взглядъ ея добрыхъ глазъ съ заботой покоился на мнѣ... Простите за одинъ вопросъ... Скажите: я угадала, вы туда ѣдете? и она махнула рукой.

— Туда, Наташа.

— Можно еще вамъ сказать одну вещь?..

— А то хотите, небось, таиться отъ меня?

— Неужели навсегда? Свою родину совсѣмъ бросите? Мы не такъ давно говорили съ вами объ русскихъ переселенцахъ... Они на васъ не похожи... И вы то же тамъ будете дѣлать, или нѣтъ?

Приходилось въ послѣдній разъ исповѣдываться:

— Нѣтъ, Наташа, я бы блажилъ, еслибъ выдавалъ себя за отщепенца, за искателя удачи... Не нужда меня гонитъ, жаловаться мнѣ не на что... Со студенческой скамьи попалъ я къ графу... въ вашемъ семействѣ прожилъ до тридцати-семи лѣтъ, меня учили, ласкали меня, платили хорошо... я все извлекъ изъ моего дѣла, что́ только можно было... Такъ изъ-за чего же я стану прикидываться горькимъ пролетаріемъ?

— Вы бѣжите же... чуть слышно возразила Наташа.

— Нѣтъ, я не бѣгу, а ѣду стряхнуть съ себя то, что́ пристало ко мнѣ не моего, что̀ мѣшаетъ мнѣ, руки связываетъ... Видите ли, голубушка моя, у каждой породы людей — своя очистительная купель... Прежде ѣхали воевать съ невѣрными, или искали приключеній, или наслаждались красотами природы, или кидались въ философію... нынче переплываютъ море... Въ воздухѣ оно, видно иначе трудно вернуться съ другой кожей и другимъ лицомъ...

— Вы останетесь все тотъ же, увѣренно выгововорила Наташа.

— Для того, что́ мнѣ дорого—да; но между всѣмъ остальнымъ и мной — должна лечь пропасть... Много ли на это потребуется времени—я не знаю...

— А какъ всю жизнь?

— Не бойтесь, въ янки меня не передѣлаешь, я не для Америки туда ѣду, а для своей же берлоги...

Мы подъѣхали къ пароходу. Насъ приняли на трапъ. Наташа внимательно все осмотрѣла и нашла, что въ общей залѣ слишкомъ много украшеній; а каюты—темны и узки.

— Развѣ вы прямо? спросила она меня съ тревогой.

— Нѣтъ, я до Марсели; а тамъ проѣдусь по Франціи. Только я хочу сейчасъ же пріучить себя къ морскому пути.

Она не возражала мнѣ и, спустившись въ лодку, притихла и сосредоточенно глядѣла на воду...

— И намъ съ вами, Наташа, заговорилъ я, надо переждать... справляться другъ о другѣ... до поры до времени.

— Зачѣмъ? сквозь слезы вымолвила она.

— Такъ лучше будетъ.

Она отвернулась къ водѣ и до самой набережной не проронила ни одного слова.

Только на крыльцѣ отэля она спросила меня:

— Вы ночью?

— Въ десять часовъ вечера.

— Такъ прощайте же, Николай...

Она вырвала руку, которую только-что подала мнѣ, и бросилась бѣжать по лѣстницѣ.

XXXV.

Ей только и высказалъ я вслухъ то, что́ цѣлый годъ смутно жило во мнѣ. Она—не погибнетъ. Ее не засосетъ никакое барство. Въ этомъ нѣжномъ тѣлѣ нервы мыслящаго и самоотверженнаго существа. Вся ея жизнь уйдетъ на долгъ и на идею. Если и суждено намъ встрѣтиться; я ей не возвѣщу ничего новаго. А до тѣхъ поръ надо быть одному, надо выкурить изъ себя все кудласовское—вплоть до моей безцѣнной Наташи. И она — тепличный цвѣтокъ, и она возро-

щена на готовенькомъ, и ей придется куда-нибудь бѣжать, когда захочетъ, какъ я, сдѣлать себѣ иной образъ...

Мнѣ никого уже не было жаль за три часа до прощанія моего съ твердымъ материкомъ, я уже не стыдился своего бездушія, я не повторялъ байроновскаго «farewell». Я зналъ одно: сотни тысячъ такихъ же людей, какъ я, и, быть можетъ, умнѣе, честнѣе, даровитѣе, сгинули въ этомъ самомъ «старомъ свѣтѣ» въ ужасныхъ мукахъ общественнаго ада! А я выплылъ, безъ особой борьбы выплылъ, выплылъ черезъ то самое барство, къ которому не измѣнилъ чувствъ своихъ. И что́ такое одна моя сдѣлка съ совѣстью, когда милліоны готовы бы продать себя всѣмъ духамъ тьмы, только бы не горѣть на медленномъ огнѣ голодной агоніей? Какъ смѣю я носиться съ своей совѣстью? Могу ли я медлить хоть еще минутой! Кому же, какъ не мнѣ, вернуть алчущимъ и жаждущимъ то, что́ я отложилъ на моей «управительской службѣ», отложилъ не въ однихъ деньгахъ, а въ возможности кончать свой вѣкъ чуть не лёжа на полатяхъ! А какъ же спастись отъ этого лежанья, которое по́ходя зовется у насъ «дѣломъ»? Гдѣ отрѣшиться отъ того, что я—«интеллигенція», гдѣ выучиться быть такимъ бурлакомъ, съ которымъ бы всякому стало хоть на чуточку полегче тянуть свою лямку?

Я довелъ эти вопросы до желаннаго вывода — и, посмотрѣвъ на часы, спустился внизъ, куда къ девяти часамъ долженъ былъ явиться пѣшій возница: довезти мои вещи до лодки. Возница запоздалъ. Я сѣлъ на лѣстницу и поглядывалъ на вечернее катанье и гулянье. Вотъ пронесся шарабанъ... Я узналъ воро-

ныхъ клеперовъ графини. Она каталась со всѣмъ семействомъ. Да и Наташа сидѣла съ Колей на задней скамейкѣ. И хорошо она сдѣлала, что поѣхала. Кромѣ ея никто не зналъ, когда я уѣзжаю. Заднія колеса шарабана промелькнули и слились съ сумерками, за нимъ проѣхали еще два экипажа... Глаза мои не послѣдовали за шарабаномъ. Одно тѣло мое стояло тутъ; а мысль, воля, желаніе, все это уже катило на всѣхъ парахъ, пожирая бездонный океанъ...

Только когда раздался послѣдній звонокъ и загудѣла грузная машина, а пароходъ, точно китъ, сталъ неуклюже поворачивать, торопясь выдти поскорѣе изъ порта, я снялъ шляпу и всей грудью вдохнулъ въ себя влажную и пахучую струю морскаго воздуха.

— Прощай, Гречухинъ! чуть не вскрикнулъ я на берегъ.

И показалось мнѣ, что поплылъ я все туда же, все въ ту же скорбную страну; только путь мой лежитъ черезъ долгое, но нестрашное для меня чистилище...

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

А. Е. КЕХРИБАРДЖИ.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 46, рядомъ съ Пассажемъ.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Германнъ, Л. Основы физіологіи человѣка. Переводъ съ 4-го нѣмец. изд. подъ редакціей **И. Сѣченова.** Одесса. 1873 г. Ц. 4 р.

Габоріо, Эмиль. Дѣло г-жи Леружъ (L'affaire Lerouge). Ром. Пер. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1874 г. Ц. 2 р.

Ксено. Тайны турецкаго двора. Историческій романъ XIX столѣтія. Перев. съ греческаго. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путеводитель по минеральнымъ водамъ Европы. Спб. 1873 г. Ц. 75 к.

Марковскій. Путеводитель по Крыму. Съ подробной картой Таврической губерніи и съ приложеніемъ гигіены для купающихся въ морѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шимановскій, М. Юридическія и практическія замѣтки по гражданскому праву и судопроизводству. Одесса. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаеръ. Учебникъ уголовнаго права. Часть общая. Перев. съ нѣм., просмотрѣнный профессоромъ уголовнаго права А. М. Богдановскимъ. Одесса. 1873 г. Ц. 1 р.

Дюма-сынъ. Мужчина-женщина. Перев. съ франц. Одесса. 1873 г. Ц. 50 к.

Жирарденъ, Э. Мужчина и женщина. Мужчина властелинъ, женщина подвластная. Письмо къ А. Дюма-сыну. Одесса. 1873 г. Ц. 50 к.

Шмиттъ. Объ излечимости рака и врачеваніи его безъ помощи хирургической операціи. Перев. съ англійск. Блюмомъ. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

Кремье и Галеви. Волшебная пѣснь Фортуніо. Комическая оперетка въ 1 дѣйствіи. Музыка Оффенбаха. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

Жемъ и Ж. Норіакъ. Серебряный кубокъ. Оперетка въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Музыка Вассера. Спб. 1874 г. Ц. 75 к.

Гаришъ. Моряки на кораблѣ. Комическая оперетка въ 1 дѣйствіи Музыка П. Н. Зайтца. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

Нюйтеръ, М. и Е. Трефе. Жанна—плачетъ, Жанъ—смѣется! оперетка въ 1 дѣйст. Музыка Оффенбаха. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

Мельякъ, Г. и Л. Галеви. Парижская жизнь. Оперетка въ 5-ти дѣйствіяхъ. Музыка Оффенбаха. Спб. 1874 г. Ц. 75 к.

Шиллингъ, І. А. Состояніе вмѣняемости или преступленіе и душевное разстройство передъ судомъ. Обзоръ душевныхъ и тѣлесныхъ состояній, ограничивающихъ свободу человѣка. Настольная книга для судей, прокуроровъ, защитниковъ, присяжныхъ засѣдателей, воспитателей, врачей и т. д. Одесса. 1873 г. Ц. за 3 выпуска 3 руб.

Фишеръ, Куно. Реальная философія и ея вѣкъ. Францискъ Баконъ Веруламскій. Перев. Страхова. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Маршъ, Георгъ. Человѣкъ и природа или о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы. Съ англ. перев. А. Н. Невѣдомскій. Спб. Ц. 3 р.

Пфейфферъ, Э. Ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей М. Антоновича. Изд. 2-е. Спб. 1872 г. Ц. 1 р.

Гонеггеръ. Очеркъ литературы и культуры XIX столѣтія. Перев. съ нѣмец. Зайцева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Посѣвкинъ, П. Попытка раціональнаго рѣшенія женскаго вопроса. Одесса. 1873 г. Ц. 75 к.

Пэджъ, Д. Философія геологіи. Краткій обзоръ цѣли, предмета и свойства геологическихъ изслѣдованій. Съ англ. перев. П. и А Крапоткины. Спб. Ц. 1 р.

Brafman, I. Livre du Kahal. Matériaux pour étudier le judaïsme en Russie. Odessa. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Ксено. Тайны турецкаго двора. Ист. романъ. Т. 2.

Лѣтневъ. Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ.

Цѣна 2 рубли.

LIBRARY OF CONGRESS
00023297309